

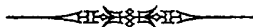
Проф. В. И. РѢЗАНОВЪ.

ИЗЪ РАЗЫСКАНІЙ

О СОЧИНЕНІЯХЪ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

Выпускъ II.

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1916.

мохомъ, и легкою рукою играетъ на лирѣ. Я пою: эхо раздается; рощи, одѣтыя мракомъ, пробуждаются, и робкая лань трепещетъ на брегѣ рѣки, невидимо журчащей въ кустарникѣ“¹⁾.

Изъ представленнаго анализа, думается, ясно, что предисловіе „Вадима“ лишь случайно присоединено къ послѣдующей повѣсти,— почему это предисловіе и приходится разсматривать отдѣльно отъ повѣсти.

XXVI.

Въ главахъ XII—XV предлагаемыхъ „Разысканій“ я далъ, насколько позволили средства и печатные матеріалы, которые только и находились тогда въ моемъ распоряженіи, обзоръ раннихъ литературныхъ опытовъ группы молодыхъ друзей: А. О. Мерзлякова, Андрея и Александра Ив-чей Тургеневыхъ, П., М. и А. С-чей Кайсаровыхъ, А. О. Воейкова, С. Е. Родзянки, А. Офросимова и С. М. Соковнина; это былъ тотъ московскій литературный кружокъ, въ которомъ ближайшимъ образомъ вращался молодой Жуковский. Десять изъ этихъ юношей образовали Дружеское Литературное Общество, уставъ („Законы“) котораго написалъ Мерзляковъ.

Мѣсто и значеніе этого Общества среди другихъ подобнаго же характера обществъ и кружковъ конца XVIII—нач. XIX вв., до „Арзамаса“ включительно, указаны въ статьѣ академика В. М. Истрина²⁾. Дружеское Литературное Общество, какъ опредѣленная организація, руководящаяся опредѣленнымъ уставомъ, оказалось весьма недолговѣчно: не просуществовало и полугода; въ средѣ его возникли несогласія, не взирая на личную пріязнь его членовъ между собой, подоспѣлъ отъѣздъ нѣкоторыхъ изъ нихъ (Родзянки, Андрея Тургенева) изъ Москвы, и немногочисленное общество распалось и замерло, такъ какъ жизнь выставила передъ нашими друзьями инныя задачи и указала имъ разные пути.

Не должно, однако, преувеличивать значенія разногласій между членами Дружескаго Литературнаго Общества, а съ другой стороны

¹⁾ Срв. Оссіанъ, пер. Кострова, I², 113—114: „Я зрю четыре камня одынные мохомъ, они являютъ здѣсь мрачное жилище смерти“; тамъ же, стр. 175 — 176: „Холмы Коня да умокнетъ шумъ источниковъ вашихъ, внимайте струнамъ Оссіановой лиры... О Сельма! слухъ мой внемлетъ журчанію твоихъ источниковъ“... и т. под.

²⁾ В. М. Истринъ, Дружеское Литературное Общество 1801 г. (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1910 г., № 8).

нѣтъ основаній считать прикрашенными вымысломъ (для чего не усматривается мотивовъ) тѣ вполне реальныя сообщенія, какія дѣлаютъ много лѣтъ спустя Мерзляковъ ¹⁾; напротивъ, архивныя матеріалы, какіе стали извѣстны и доступны въ настоящее время, документально свидѣтельствуютъ, что молодые пріатели, организовавъ Дружеское Литературное Общество, пережили полгода кипучей дѣятельности, интенсивной умственной работы, среди разсужденій, горячихъ споровъ, преній, письменнаго изложенія завѣтныхъ идей, думъ и чувствъ и устнаго послѣ того ихъ разсмотрѣнія, критики, защиты и оправданія,—и конечно эти полгода не могли пройти безслѣдно для группы талантливыхъ юношей, переживавшихъ въ это время Sturm-und-Drang-Periode и совокупными усиліями, путемъ взаимной провѣрки, вырабатывавшихъ свои воззрѣнія и міросозерцаніе.

Потребность обмѣна мыслями, болѣе серьезнаго и систематическаго, чѣмъ это возможно въ пріятельской бесѣдѣ, вызвала, въ августѣ—сентябрѣ 1800 г., дружескую переписку между Андреемъ Тургеневымъ, Жуковскимъ и Мерзляковымъ; это была „одна изъ попытокъ дать выходъ избытку молодыхъ силъ, которыми кипѣли жаждущіе дѣятельности энтузіасты“ ²⁾.

Другою такою попыткою было, въ началѣ 1801 г., образованіе Дружескаго Литературнаго Общества. О задачахъ его мы уже говорили ³⁾. Дополнимъ теперь наши сообщенія архивными данными.

Ораторъ учредительнаго собранія этого общества (12-го января 1801 г.) А. Θ. Мерзляковъ, въ рѣчи своей такъ формулировалъ планъ предстоящихъ „упражненій“.

¹⁾ Въ засѣданіяхъ Общества („незабвеннаго любознательнаго общества словесности“) „мы, поистинѣ управляемые благороднѣйшею цѣлью, всѣ въ цвѣтѣ юности, въ жару пылкихъ лѣтъ, одушевленные единымъ благодатнымъ чувствомъ дружества, не оравленными частными выгодами самолюбія, учили и судили другъ друга въ *перечахъ нашихъ занятіяхъ*, и жертвуя, повидимому, своимъ удовольствіямъ, между тѣмъ нечувствительно и скромно, исполненные патриотизма и любви къ изящному, приготовляли себя на будущее наше служеніе“ („Амфюнъ“, М. 1815, кн. 1, стр. 50—52). „Мы строго критиковали другъ друга письменно и словесно, разбирали знаменитѣйшихъ писателей, которыхъ почитали образцами соими, разсуждали почти о *всѣхъ важнѣйшихъ для человека предметахъ*, спорили много и шумно за столомъ ученымъ и *расходились добрыми дружбами по домамъ*“ (Мерзляковъ, Воспоминанія о Θ. Θ. Ивановѣ. Труды Общ. Люб. Росс. Слов. М. 1817, ч. VII, стр. 101—104).

²⁾ Акад. В. М. Истринъ, Къ биографіи Жуковскаго (по матеріаламъ архива бр. Тургеневыхъ). Журн. Мин. Нар. Просв. 1911 г., № 4.

³⁾ См. главу XI моихъ „Разысканій о соч. Жук.“, отд. отт. стр. 178—179.

„Засѣданія будутъ однажды въ недѣлю по субботамъ, въ 6 час. вечера;

„*Каждое засѣданіе открываетъ чередной ораторъ нравственною рѣчью;*

„Піесы читаетъ секретарь, не объявляя имени трудившагося; иногда читаетъ и самъ авторъ;

„Можно иногда прочитывать какія нибудь полезныя книги и объ нихъ давать свой судъ;

„Важнѣйшія піесы, по прочтеніи въ собраніи, отдаются желающимъ для лучшаго разсмотрѣнія на домъ. Позволяется всякому писать рецензій, антирецензій и пр.;

„Каждый изъ членовъ можетъ предлагать *задачи* или свои сомнѣнія о всякой вещи; въ свое время отвѣчаетъ на нихъ или одинъ членъ, или больше, смотря по важности вопроса“ ¹⁾.

Въ окончательной редакціи въ „Законахъ Друж. Лит. Общества“ этотъ пунктъ получилъ такой видъ:

1. Какъ скоро соберутся члены въ назначенный часъ, то секретарь долженъ спросить у всякаго изъ нихъ, какую піесу будетъ читать, и расположить ихъ чтеніе по нижеписанному порядку.

2. Секретарь прочтетъ протоколъ и члены подпишутъ его.

3. *Чередной ораторъ прочтетъ рѣчь.*

4. Философическія и политическія сочиненія.

5. Философическіе и политическіе переводы.

6. Беллетристическія сочиненія.

7. Беллетристическіе переводы.

8. Критика и опроверженіе философическихъ піесъ.

9. Критика и опроверженіе беллетристическихъ піесъ.

10. Предложенія.

11. Чтеніе лучшихъ иностранныхъ и національныхъ авторовъ ²⁾.

Протоколы засѣданій, къ сожалѣнію, не сохранились, или по крайней мѣрѣ, доселѣ неизвѣстны. Зато уцѣлѣли такого первостепеннаго значенія матеріалы, какъ рѣчи „чередныхъ ораторовъ“: въ хранящемся въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ Архивѣ братьевъ Тургеневыхъ имѣется фоліантъ (№ 618) подъ заглавіемъ: „Рѣчи, говоренныя въ собраніяхъ Дружескаго Литератур-

¹⁾ Рукопись Библиотеки Императорской Академіи Наукъ № 618, л. 18 об.

²⁾ Законы Друж. Лит. Общества, сообщ. Н. С. Тихонравовъ. Собрн. Общ. Любит. Росс. Слов. на 1891 г. М. 1891, стр. 4.

наго Общества 1801 года“ ¹⁾. Всѣхъ рѣчей—двадцать три; принадлежатъ онѣ восьми выступавшимъ ораторамъ: Мерзлякову (4 рѣчи), Воейкову (3 рѣчи), Мих. Кайсарову (3 рѣчи), Андрею Кайсарову (3 рѣчи), Андрею Тургеневу (3 рѣчи), Жуковскому (3 рѣчи), Александру Тургеневу (2 рѣчи) и Родзянкѣ (2 рѣчи). Краткое сообщеніе объ этихъ рѣчахъ, главнымъ образомъ съ точки зрѣнія отраженія въ нихъ внутренней исторіи Общества, взаимныхъ личныхъ отношеній сочленовъ, сдѣлано академикомъ В. М. Истринымъ ²⁾. Я предполагаю дополнить это сообщеніе анализомъ рѣчей со стороны ихъ общаго содержанія и обсуждавшихся въ нихъ вопросовъ.

12-го января 1801 г., какъ уже отмѣчено, происходило учредительное („предварительное“) собраніе Общества. Оно открылось рѣчью Мерзлякова „О главныхъ Законахъ Общества“ ³⁾, которые было поручено выработать Мерзлякову кружкомъ друзей, когда созрѣло рѣшеніе организоваться.

Рѣчь эта подробно изложена В. М. Истринымъ ⁴⁾; она заключается въ формулировкѣ и нѣкоторомъ разъясненіи принциповъ, какіе должны лечь въ основу дѣятельности членовъ Общества. Уже здѣсь мы встрѣчаемъ фразу, которую Мерзляковъ повторитъ впослѣдствіи: „Наше Общество есть прекрасное предуготовленіе къ будущей нашей жизни“ ⁵⁾. Въ концѣ рѣчи читаемъ какъ бы разъясненіе этого положенія: „Я могъ бы сказать, что въ этомъ дружественномъ училищѣ получаемъ мы лучшее и скорѣйшее образованіе, нежели въ иной академіи; но я увѣренъ, что вы сами это чувствуете въ совершенной силѣ“; такъ думать заставили Мерзлякова, повидимому, прежнія дружескія бесѣды въ ихъ кружкѣ, заставившія нашего оратора ожидать еще лучшихъ результатовъ при систематизаціи работы въ Обществѣ. Мерзляковъ, разумѣется, имѣлъ въ виду образованіе литературное,— и онъ былъ вполне правъ, утверждая, что съ этой стороны Друже-

¹⁾ За доставленіе мнѣ возможности использовать эту рукопись приношу глубокую благодарность А. А. Шахматову и В. И. Срезневскому.

²⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1910 г., № 8, стр. 284 и слѣд., и 1913 г., № 3, стр. 1—14.

³⁾ „Голосъ члена Мерзлякова въ предварительномъ собраніи 1801 г. генв. 12-го дня, О главныхъ Законахъ Общества“, рукопись Имп. Акад. Н., архивъ бр. Турген. № 618, л. 3—6; 17—24 (листы перепутаны).

⁴⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1910 г., № 8, стр. 285—286 и 1913 г., № 3 стр. 1—4.

⁵⁾ Рук. Ак. Н. № 618, л. 21; срв. „Амфіонъ“, 1815 г. кн. 1, стр. 51: „...приготовляли себя на будущее наше служеніе“.

ское Литературное Общество просвѣтитъ своихъ членовъ лучше и скорѣе, чѣмъ *иная академія*; въ самомъ дѣлѣ, на много-много лѣтъ опередили свое время тѣ мнѣнія и положенія относительно русской литературы и такихъ ея представителей, какъ Ломоносовъ, Державинъ, Херасковъ, Карамзинъ, какія были выражены, какъ увидимъ ниже, письменно и устно въ засѣданіяхъ Общества 1801 года Андреемъ Тургеневымъ и Мерзляковымъ. Послѣдній, ставъ профессоромъ, долженъ былъ въ послѣдствіи возвратиться, *ex officio*, назадъ, къ классицизму и его корифеямъ, но возрѣнія, выработавшіяся у него въ періодъ Дружескаго Литературнаго Общества, именно и обусловили, мнѣ кажется, ту раздвоенность, то отсутствіе единого принципа, тѣ *два* непримиренныя и на русской почвѣ въ то время непримиримыя, боровшіяся одна съ другою, стихіи, какими характеризуются позднѣйшія литературно-критическія статьи Мерзлякова о произведеніяхъ нашего такъ называемаго ложно-классическаго періода.

Въ своей рѣчи 12-го января 1801 года Мерзляковъ, уяснивъ „законы“ основываемаго общества, подчеркиваетъ особую черту этого общества—соединяющую членовъ его дружбу, значеніе которой, какъ связи для совокупной работы, и старается освѣтитъ съ своей точки зрѣнія: изложенныя „главныя правила“, говоритъ ораторъ, „важны и полезны,—но для такого уже общества, которое оживлено собственнымъ своимъ духомъ! Какой это духъ? Это то же, что соединяетъ насъ всѣхъ въ одно,—это то же, что до сихъ поръ составляло радость и счастье нашей молодости,—это *духъ благий дружества*, сердечная привязанность къ своему брату, нѣжное доброжелательство къ пользамъ другого!“... ¹⁾). Ораторъ напоминаетъ, „сколь драгоценно это время, эти золотыя лѣта“ для членовъ ихъ кружка; онъ призываетъ ихъ „къ олтарю дружества“: „Хотѣлъ бы—говоритъ онъ,—чтобы вы поклонились предъ почитаемымъ нами божествомъ, чтобы вы сказали искренно: мы знаемъ свою цѣль, мы никогда не забудемъ ея! мы всегда будемъ друзьями, благодарными, добрыми друзьями!“ ²⁾—и Мерзляковъ разъясняетъ далѣе:

„Такъ! никогда никто изъ насъ во всю жизнь не сдѣлаетъ другу своему такого великаго благодѣянія, какое имѣетъ онъ случай сдѣлать здѣсь, въ этомъ собраніи. Геній умираетъ подъ кровлею бѣдной хижины, на лонѣ нищеты и бѣдности,—врожденное чувство

¹⁾ Рукоп. № 618, л. 21.

²⁾ Тамъ же, л. 22.

къ великому, къ изящному погасаетъ въ бурѣ страстей, въ юдоли скорби и печали; пламя патріотизма потухаетъ въ уединенномъ сердцѣ земного страдальца,—и міръ не увидитъ восходящей зари великаго; какія же величайшія палаты, какія гордыя стѣны, какое золото возвращаетъ міру его честь, его украшеніе—*великихъ*? Съ небесною улыбкою въ глазахъ, съ животворною фіалюю въ рукѣ, низлетающее божество, единымъ взглядомъ озаряющее сію мрачную юдоль скорби и печали, бѣдствій и отчаянія: это—*дружество*! Тамъ бѣдный сиротствующій Филиппъ возрастаетъ для покоренія Греціи на персяхъ мудраго Пелопида; Александръ, окруженный друзьями отца своего, покоряетъ вселенную; Перикль движетъ народами, рука его ни мало не трепещетъ, потому что она въ рукѣ друга-философа. Посмотрите на Демосфена: стараясь преодолѣть природу, онъ сражался съ своими недостатками; утомленный собственными опытами, утраченный теряющимся въ отдаленности своимъ поприщемъ, упадаетъ онъ въ нѣжныя объятія друзей, выпиваетъ божественную силу генія изъ чаши *дружбы*,—и молвія его сожгла непріятелей Греціи. Я хочу сказать вамъ, что человѣкъ самъ собою ничего не значить, что многіе вмѣстѣ преодолѣваемъ мы ужаснѣйшія трудности и достигаемъ цѣли. Вотъ рожденіе общества! Вотъ какимъ образомъ одинъ человѣкъ, ощутивъ пламя въ своемъ сердцѣ, даетъ другому руку и, показывая въ отдаленность говорить: тамъ цѣль наша! пойдѣмъ, возьмемъ и раздѣлимъ тотъ вѣнецъ, котораго ни ты ни я одинъ взять не въ силахъ!“ И ораторъ призываетъ воспользоваться для собственнаго преуспѣянія преимуществами работы не въ одиночку, а совокупными силами, порождаемыми чувствомъ взаимной дружбы: „Если вы имѣете благородное честолюбіе возвыситься выше обыкновеннаго круга людей, то откажитесь отъ самолюбія, имѣйте довѣренность къ друзьямъ своимъ!“¹⁾

Такъ формулировалъ первый ораторъ рождающагося Общества тотъ *культъ дружбы*, который, рядомъ съ *культутомъ добродѣтели*, царилъ въ описываемомъ кружкѣ молодыхъ начинающихъ московскихъ литераторовъ.

Любопытно то мѣсто въ рѣчи Мерзлякова, гдѣ онъ даетъ возможность взглянуть, какъ происходили пренія среди нашихъ друзей: „Большая часть изъ насъ воспитывались въ одномъ мѣстѣ, съ самаго малолѣтства знаемъ мы другъ друга; сладостныя узы связали насъ

¹⁾ Тамъ же, лл. 22—23.

почти всѣхъ издавна, въ самыхъ лѣтахъ мы немного превышаемъ другъ друга: гдѣ можетъ утвердиться лучше взаимная добродѣтель? Если не всякій изъ насъ одаренъ тонкимъ вкусомъ къ изящному, если не всякій можетъ судить совершенно правильно о переводѣ или о сочиненіи, то по крайней мѣрѣ мы не будемъ сомнѣваться въ добромъ сердцѣ сказывающаго наши погрѣшности; его любовь говоритъ намъ: правда ли то или нѣтъ, онъ желалъ намъ добра. Спросимъ причины и простимъ, если онѣ недостаточны. Стыдъ признаться въ ошибкахъ такъ же долженъ быть изгнанъ, какъ и колкія насмѣшки критика. Такой духъ долженъ оживлять каждаго изъ членовъ... Этотъ духъ есть начало и конецъ, альфа и омега всѣхъ законовъ собранія! Особливо теперь долженъ онъ руководствовать насъ каждую минуту...“¹⁾

Остановимъ также наше вниманіе на патриотическомъ аккордѣ, заканчивающемъ рѣчь: „Напомню вамъ только одно имя, одно любезнѣйшее имя, которое составляетъ девизъ нашего дружества, всѣхъ нашихъ трудовъ, всѣхъ нашихъ желаній,—скажите, не написано ли на сердцахъ вашихъ: *жертва отечеству?*“²⁾

Въ учредительномъ собраніи 12-го января 1801 года наши друзья выслушали рѣчь Мерзлякова,—зная проявившіяся вполсѣдствіи ораторскія способности послѣдняго, можно думать, что она произвела сильное впечатлѣніе,—а затѣмъ редактировали и подписали „Законы Дружескаго Литературнаго Общества“, въ семидесяти параграфахъ,—въ томъ видѣ, какъ они напечатаны Н. С. Тихонравовымъ³⁾.

Слѣдующее засѣданіе было черезъ недѣлю, 19-го января. „Череднымъ“ ораторомъ выступилъ тотъ же Мерзляковъ. Рѣчь его была, собственно говоря, продолженіемъ предыдущей рѣчи, которую онъ одинъ разъ даже цитируетъ⁴⁾ и затѣмъ развиваетъ прежнюю мысль: „Я прежде еще сказалъ (въ первой своей рѣчи), что общество наше есть лучшее приготовленіе къ будущей нашей жизни. Здѣсь мы преобразимся въ мужей. Этотъ порядокъ въ дѣлахъ собранія непременно приучитъ насъ быть точными, быть основательными въ самомъ служеніи нашему отечеству. Эта снисходительность къ слабостямъ

¹⁾ Тамъ же, л. 23 обор.

²⁾ Тамъ же, л. 24.

³⁾ Сборникъ Общ. Люб. Росс. Словесн. на 1891 г., стр. 1—14. Жаль, что не сообщено свѣдѣній о рукописи, по какой этотъ текстъ изданъ: очевидно, это одинъ изъ документовъ изъ архива Друж. Литер. Общества 1801 г.

⁴⁾ Тамъ же, л. 16 обор.

своего товарища научить насъ узнавать своихъ ближнихъ, своихъ братьевъ и въ большемъ ихъ кругу,—научить насъ величайшей добродѣтели: прощать и терпѣть. Эта твердость и смѣлость въ изясненіи своихъ чувствъ и мыслей родить въ насъ со временемъ оное великодушіе, оную благородную гордость, которая возвращаетъ престоламъ изгнанную правду и презираетъ угрозы тирановъ, которая не боится смерти и умираетъ подъ развалинами міра, всегда одинакова, всегда похожа на себя. Эта любовь къ человѣчеству, которую мы стремимся питать въ сердцахъ нашихъ, укрѣпляясь опытами возрастающаго разсудка, наградится нѣкогда пріятнѣйшею для себя наградою: она пріобрѣтетъ лучшіе способы дѣлать добро“ 1).

Ораторъ прежде всего хочетъ выразить свою восторженную радость по поводу состоявшейся организаціи общества. Онъ приводитъ (по-нѣмецки) первую строфу гимна Шиллера „An die Freude“ и открываетъ рѣчь пластически-аллегорическою картиною въ „монументальномъ“ стилѣ Державинскихъ одъ:

„Такъ! Красота небесъ, вѣчно юная благодатная радость! Такъ! Мы вступили въ священный храмъ твой! мы пьемъ животворный елей твой изъ полной чаши! Друзья! благословите радость! принесите ей жертву въ душахъ вашихъ! Теперь достойны мы воспѣть ей хвалу въ ея святилищѣ. Въ немъ, подъ видомъ прелестныя Граціи, переплетается она руки наши предъ олтаремъ дружества; въ видѣ кроткаго Генія подводитъ она насъ подъ тронъ Аполлона, окруженнаго Музами, въ видѣ небесной Любви сопутствуетъ съ нами къ жертвеннику нашего отечества, прикасается къ намъ лилейнымъ жезломъ своимъ и возжигаетъ въ насъ энтузіазмъ патріотизма. Друзья мои! такъ! мы точно въ храмѣ радости!..“ 2).

Впадая въ извѣстное преувеличеніе, извинительное для молодого энтузіаста, Мерзляковъ говоритъ далѣе о тѣхъ блестящихъ надеждахъ, какія онъ возлагалъ на Общество, но какимъ суждено было сбыться только отчасти, насколько было возможно за кратковременную жизнь Друж. Лит. Общества:

„Нынѣшній день есть первая жертва, посвященная нами любезнѣйшимъ предметамъ нашего союза... Исполнилось одно изъ лучшихъ нашихъ желаній; мы начали, можетъ быть, *главнѣйшее дѣло въ нашей жизни*, и одна надежда, что оно благословится счастливымъ

1) Тамъ же, л. 16 обор.—7 (листы перепутаны).

2) Тамъ же, л. 11 обор.

успѣхомъ, награждаетъ уже насъ за всѣ прошедшія, за всѣ будущія трудности и пожертвованія. Мы стоимъ теперь при прагѣ поприща, предъ нами наша цѣль, нашъ фаросъ: онъ, кажется, свѣтитъ намъ тѣмъ же радостнымъ пламенемъ, который пылаетъ въ грудяхъ нашихъ... Каждый изъ насъ есть питомецъ Музъ, любящій ихъ чистою, непремѣнною любовью; каждый изъ насъ человѣкъ-гражданинъ; каждый изъ насъ сынъ отечества—три пріятныя имени, три должности, тройная радость!.. Какъ питомецъ музъ, всякій изъ насъ радуется и имѣетъ право радоваться при вступленіи въ Общество: онъ сталъ на дорогѣ надежнѣйшей. Никакіе труды домашніе, никакія пособія не въ состояніи были удовлетворить его желанію, его любви къ наукамъ; здѣсь достигается онъ своей цѣли и легко и скоро. Самый лучший учитель, занимающійся многими предметами, не можетъ раздѣлить самого себя для каждаго особенно; самый лучший ученикъ не можетъ быть такъ близокъ къ учителю, чтобы могъ открыть ему свое сердце, свои нужды, безъ малѣйшей застѣнчивости. Сколько погибаетъ самыхъ блистательныхъ дарованій оттого только, что они не могли узнать самихъ себя... и гнѣвное небо не дало имъ добраго цензора въ кроткомъ ангелѣ челоуѣчества—*съ дружбѣ*... Другъ! драгоцѣнный даръ Неба! Тамъ свѣтъ не пустыня, жизнь не бремя, челоуѣкъ наслаждается своими правами въ своей сферѣ, гдѣ ты составляешь лучшее Божіе благословеніе; съ кѣмъ свободнѣе, сладостнѣе дѣлимъ мы наши радости, наши печали, какъ не съ своимъ другомъ? Здѣсь ¹⁾ каждый изъ насъ имѣетъ не одного, но многихъ друзей, которые всѣ равно его любятъ, всѣ пользуются равнымъ правомъ на его сердце; всякій изъ нихъ старается по своимъ способностямъ, по своимъ склонностямъ, споспѣшествовать его пользѣ; здѣсь царствуетъ правда на языкѣ и въ душѣ, здѣсь всякій узнаетъ самого себя,—ни хитрая лесть обманчивою своею завѣсою, ни коварная зависть ложнымъ покровомъ доброжелательства не закроютъ отъ насъ истинныхъ нашихъ достоинствъ. Мудрецы самыхъ отлаленныхъ вѣковъ придутъ бесѣдовать съ нами, — они будутъ нашими судьями, учителями, они скажутъ цѣну нашимъ упражненіямъ, поставятъ насъ на дорогу и поведутъ къ совершенству. Мы раздѣлимъ тягости другъ друга, и труды наши преобразятся въ забаву и увеселеніе. Теперь то я надѣюсь вознаградить потерю многихъ лѣтъ, въ которыя, подобно несчастному Танталу, жаждалъ источника истины и не находилъ его, любилъ учиться

¹⁾ Въ Обществѣ.

и не умѣлъ! Теперь то, надѣюсь, раздерется завѣса на моихъ глазахъ: я увижу это таинственное, неизвѣстное божество, любимое всѣми, но не многими знаемое—*вкусъ*,—потому что онъ любить мирныя бесѣды друзей, любить являться имъ въ собственномъ своемъ видѣ; я увижу его, потому что многіе изъ васъ его видѣли... Не долженъ ли я радоваться столь благодѣтельному, столь спасительному для меня учрежденію? Не долженъ ли почитать себя счастливымъ, что имѣю честь быть членомъ такого Общества?.. Да процвѣтетъ наше общество мирно и ненавѣтно!“... 1).

Отъ работы въ Обществѣ ораторъ ожидаетъ не только углубленія научнаго и литературнаго образованія членовъ, но и ихъ воспитанія гражданскаго:

„Каждый изъ насъ человѣкъ-гражданинъ; всякій старается быть истиннымъ человѣкомъ. Вступивъ въ это общество, давъ клятву другъ другу въ любви и довѣренности, не слышитъ ли каждый изъ насъ внутри себя гремящаго гласа: дерзай! Великая награда за великій трудъ! Путь твой пространенъ, но безопасенъ. Прежде ты заблуждался, и теперь можешь заблуждаться; но ты избѣжишь этого, если ввѣрится совершенно друзьямъ своимъ, соединишь образованіе ума съ образованіемъ сердца. Привыкай въ уединеніи къ простымъ законамъ человѣка: на нихъ основано дружеское твое общество,—на нихъ утверждается и это огромное общество, въ которомъ будешь ты жить!—Увѣрясь изъ опыта, что здѣсь нужны мы другъ другу, познай, что тебѣ нужны и всѣ ближніе; отдавай имъ должное—ты будешь благополученъ“... 2). Слѣдуетъ выходка противъ „этихъ високоученыхъ педантовъ, у которыхъ богатства ума замѣняютъ сокровища сердца“..., которые „обращаютъ свѣтильникъ наукъ для себя и для другихъ въ унылый могильный огонь, озаряющій одни только вертепы, одни красы ночи, одни привидѣнія“; „мы не будемъ этими лжесвидѣтелями просвѣщенія, которые дарованія свои устремляютъ на погубленіе своихъ братій, которые подобно паукамъ хотятъ опутать и закрыть гнилыми сѣтями слабаго своего разсудка лучезарное солнце истины, повергнуть вселенную во область темнаго унынія! Не прокляты ли на землѣ Кромвели и Мараты, которыхъ честолюбіе хотѣло только возвыситься въ минуту опустошаю-

1) Тамъ же, лл. 11 обор. — 14. Въ словахъ Мерзлякова о *вкусъ* нельзя видѣть только комплимента: вѣдь передъ ораторомъ сидѣли Андрей Тургеневъ, Жуковский, Воейковъ,—присяжные литераторы...

2) Тамъ же, л. 14.

щей язвы,—хотѣло возвыситься и съ хладногордою миною проскрежетать съ престола сложеннаго изъ черепьевъ: *это я сдѣлало!*...“ 1).

Спеціальное образованіе, одностороннія стремленія не представляются оратору удовлетворяющими его идеалу истинно человѣческаго, гражданскаго образованія: „Маль тотъ, кто хочетъ быть только астрономомъ,—несчастливые братья его на землѣ, не на планетѣ Сатурновой. Маль тотъ, кто хочетъ быть только героемъ: кровь не украситъ лавроваго вѣнца его, когда станетъ онъ предъ престоломъ правды, звукъ побѣды его не заглушитъ проклятій разореннаго, сердце его не согрѣется отъ брилліантовой звѣзды, которая украшаетъ его грудь. Маль тотъ, кто хочетъ быть только ораторомъ, стихотворцемъ,—сочиненія его холодны, если не воспламенить ихъ любовь сердечная; совѣты его не отрутъ слезъ угнетенной невинности; прекрасныя мысли его не утолятъ голода нищему. Маль тотъ, кто хочетъ быть только министромъ: сильный умъ его пріобрѣтетъ новыя царства, но надобно сердце, чтобы потушить громы войны, внять воплю несчастнаго, защитить, облагодѣтельствовать человѣчество“... 2). Не получаетъ настоящаго человѣческаго, гражданскаго образованія и тотъ, „кто, воспитываясь въ нѣдрѣ роскоши, приковалъ себя цѣпями желѣзными къ нравамъ и обычаямъ обыкновеннаго міра,... кто низилъ самъ въ себѣ свое человѣчество и потерялъ надежду когда либо владѣть собою, повелѣвать суетности и стыдиться приманчивой модной жизни!..“ 3).

Настоящее человѣческое воспитаніе получить человѣкъ тогда, когда будетъ свободенъ „посвятить себя добродѣтели и истинѣ, столь несчастнымъ существамъ на этомъ свѣтѣ“; эти именно благоприятныя условія и имѣютъ въ Дружескомъ Литературномъ Обществѣ члены его: „Это убѣжище защитить насъ отъ игриваго своенравія случаевъ, отъ тиранства гордыхъ, отъ унижительнаго покровительства тщеславныхъ, отъ ядовитыхъ взоровъ зависти,—отъ самыхъ нашихъ страстей. Здѣсь мы посвящены благороднѣйшей цѣли человѣка! Одна природа научаетъ насъ той небесной благой философіи, которая сопровождала Говардовъ и Вашингтоновъ въ бѣдныя хижины несчастія и горести, которая водила ихъ по унылому міру, какъ добрыхъ ангеловъ, исцѣляющихъ недуги человѣчества!..“ 4). Слѣдуетъ

1) Тамъ же, л. 14 обор.—15.

2) Тамъ же, л. 15—15 обор.

3) Тамъ же, л. 15 обор.—16.

4) Тамъ же, л. 16.

приведенная уже мною тирада: „Здѣсь мы преобразимся въ мужей“, и проч. Выводъ: „Такъ, друзья! мы будемъ честными гражданами... Въ сію минуту я чувствую, что живу не напрасно, что умру не горько!“ ¹⁾).

Наконецъ ораторъ призываетъ сочленовъ къ патріотическому служенію родинѣ,—не ради награды („мы не сравниваемся съ тѣми малыми и низкими тварями, которыя требуютъ непременно для своего существованія,—для того, чтобъ по крайней мѣрѣ могли ихъ видѣть подобныя имъ люди,—требуютъ мертваго сіянія чиновъ и орденовъ, такъ какъ луна требуетъ сіянія солнечнаго, гнилое дерево — ночи...“) ²⁾, но вполнѣ безкорыстно:

„Наслаждаясь благодѣянiami нашего отечества, станемъ служить ему теперь какъ дѣти; посвятимъ ему всѣ наши увеселенія и забавы, соберемъ прекраснѣйшіе цвѣтки съ полей его; усыплемъ ими его трофеи, его доспѣхи, егоobeliski; почерпнемъ изъ законовъ его любовь и преданность къ его благу, такъ какъ изъ святилища природы почерпаемъ любовь и благоговѣніе къ ея Великому Зажид-телю; станемъ прославлять тѣхъ, которые отличились мужествомъ, вѣрностію и усердіемъ къ добродѣтели, — хвала ихъ воспламенитъ и наши души; мы никогда не потушимъ сего священнаго пламени!... Теперь Общество наше есть скромная жертва отечеству! Всякой мигъ, всякое дѣло наше посвящено ему!.. Въ тишинѣ мирной, дружественнымъ гласомъ призовемъ мы великія тѣни древнихъ и новыхъ героевъ, гражданъ, сыновъ отечества, станемъ слушать ихъ наставленія! они дадутъ намъ уроки добродѣтели и справедливости; ихъ слова, какъ огненный дождь, посыплются въ сердца наши и возжгутъ въ насъ энтузіазмъ къ чистой, благословенной славѣ. Предъ нами открыта дорога. Благословимъ тотъ часъ, въ который избрали мы сей путь!..“ ³⁾.

Рѣчь заканчивается новымъ обращеніемъ къ радости („О ты, небесная Радость, эмблема блаженства человѣческаго! Сопутствуй намъ вмѣстѣ съ любезнѣйшими твоими подругами—Бодростію Смѣлостію, Рѣшимостію и Мужествомъ!...“) и послѣднею строфою Шиллеровскаго гимна „An die Freude“:

Festen Muth in schwerem Leiden,
Hilfe, wo die Unschuld weint, u. s. w.

¹⁾ Тамъ же, л. 7—8 (листы рукописи перепутаны).

²⁾ Тамъ же, л. 7 обор.

³⁾ Тамъ же, л. л. 8—10.

Таково было широкое содержаніе рѣчи Мерзлякова; въ ней затрогивались мотивы и литературные, и общественно-воспитательные, и патріотическіе, и мотивы о дружбѣ, о службѣ отечеству, о героизмѣ, объ истинѣ и добродѣтели, о чинахъ и орденахъ, о высокихъ образцахъ античной древности („Гдѣ и какъ воспитывались Эпаминонды, Тимолеоны, Периклы? Гдѣ почерпнули они эту всепобѣждающую силу любви къ отечеству, которая, кажется, и послѣ смерти ихъ не умираетъ?.. Въ дружескихъ бесѣдахъ Сократа и Платона, въ тѣхъ бесѣдахъ, которыхъ предметомъ было *познаніе человека* и его нравственности...“) ¹⁾, о великодушій и благородной гордости,— все это въ связи съ вопросомъ о значеніи новооткрытаго Общества и о подготовленіи его членовъ къ предстоящей имъ впослѣдствіи жизненной работѣ. Для бесѣды, которая должна была послѣдовать за рѣчью, послѣдняя давала большое количество „философическихъ“ темъ. Какъ жаль, что отсутствіе протоколовъ засѣданій Общества лишаетъ возможности знать, каковъ былъ характеръ и содержаніе бесѣды и преній послѣ рѣчи Мерзлякова, и вообще каковъ былъ дальнѣйшій ходъ и содержаніе засѣданій послѣ рѣчей.

Мерзляковъ еще дважды выступалъ въ Обществѣ съ рѣчами: „О дѣятельности“ (1 марта) и „О трудностяхъ ученія“ (время произнесенія не указано) ²⁾.

Рѣчь о дѣятельности скорѣе должна быть признана стихотвореніемъ въ прозѣ, чѣмъ ораторскимъ произведеніемъ или—еще менѣе—разсужденіемъ; недаромъ Мерзляковъ, печатая эту свою рѣчь, въ нѣсколько переработанномъ, распространенномъ видѣ, въ 1815 г., далъ ей названіе: „Гимнъ дѣятельности“ ³⁾. Стиль этого произведенія Мерзлякова—тотъ же монументальный стиль, о которомъ не разъ намъ приходилось говорить:

„Святая, блаженная дѣятельность! Для чего думаютъ иногда, что ты—угрюмое скучное божество, чуждое всѣхъ удовольствій, всѣхъ радостей? Для чего представляютъ храмъ твой кузницею Вулкановой?.. Они говорятъ, что съ лица твоего течетъ кровавый потъ, отираемый хладною дрожащею рукою блѣднаго ангела горестей и терпѣнія... Нѣтъ! Божественная, я видѣлъ тебя въ другомъ образѣ: свѣтлое чело твое сіяло младостію и здравіемъ, въ одной рукѣ твоей серпъ, а въ другой

¹⁾ Тамъ же, л. 8.

²⁾ Акад. рукопись, № 618, лл. 53—56, 100—107.

³⁾ „Амфіонъ“, М. 1815, февраль, стр. 9.

скипетръ ¹⁾). Тебя окружають геніи наукъ и художествъ, торговли и земледѣлія; предъ тобою въ одной сторонѣ являются флоты, а въ другой крѣпкіе грады, мирныя села и вдали золотыя жатвы, волнующіяся подобно морямъ безбрежнымъ,—храмъ твой представляетъ весь міръ, тобою образованный, облагодѣтельствованный, сохраненный тобою!...“

О значеніи дѣятельности Мерзляковъ выражался такимъ образомъ:
„Движутся бурныя моря, рождаются и упадаютъ горы, кипятъ подземные огни, режутъ бури и громы, цвѣтутъ лѣса и долины... Что все это значить? Это ты дѣйствуешь въ природѣ по плану, который съ рожденіемъ вселенныя даровалъ тебѣ Промыселъ; ты, какъ мудрая хозяйка, безпрестанно трудишься въ твоёмъ домѣ, ты содержишь въ равновѣсіи солнца и звѣзды, заставляя ихъ дѣйствовать по ихъ силамъ и свойствамъ... Ни одно зерно не пропадаетъ въ твоей области... Самая смерть есть твое орудіе... Кто воздвигнулъ эти гордыя пирамиды? Кто соединилъ пространныя рѣки, осушилъ моря, ископалъ горы, очертилъ миллионы смертныхъ и сдвинулъ ихъ, такъ сказать, въ одинъ кругъ, чтобы покрыть одною порфиною для ихъ благоденствія? Это ты! Вѣка были твоими служителями, вселенная—художественною твоею храминою... Кто создалъ храмы наукамъ, достигающіе до небесъ?.. Ты изливаешь всё блага, всё радости щедрою рукою на тѣхъ, которые тебя любятъ!...“ ²⁾ и т. д.

Во введеніи къ своему гимну дѣятельности ³⁾ ораторъ высказывается противъ обычая членовъ Друж. Лит. Общества „мечтать о будущемъ“ и призываетъ ихъ отъ слова перейти къ дѣлу; никакихъ болѣе опредѣленныхъ указаній онъ не дѣлаетъ: вѣроятно, это должно было выясниться въ бесѣдѣ, которая слѣдовала за рѣчью.

Послѣдняя изъ рѣчей Мерзлякова въ Обществѣ—„О трудностяхъ ученія“.

Высказавъ извѣстное удовлетвореніе результатами работъ Общества

¹⁾ Позднѣ этотъ образъ Мерзляковъ разработалъ такъ: „Свѣтлое чело твое сіяло младостью и здравіемъ, на главѣ твоей вѣнецъ величественный, знаменующій тебя божествомъ и войны и мира, обществъ и царствъ, семействъ и гражданъ,—могущественною Силою, душою всея Природы: — златыя класы, переплетенныя вѣтвями лавра и дуба, въ тѣни свѣжихъ розъ, окружаются змѣю, эмблемою безсмертія.—Въ одной рукѣ твоей серпъ, а въ другой скипетръ“... (Амфіонъ, 1815 г., февр., стр. 1—2).

²⁾ Акад. рукопись № 618, лл. 54—55.

³⁾ Въ печатномъ изданіи, въ Амфіонѣ, I. cit., это введеніе выпущено; оно приведено цѣликомъ акад. В. М. Истринымъ,—*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1910 г., № 8, стр. 291—2.

(„Мы шествуемъ по скользкому пути къ просвѣщенію и, *кажется, срываемъ уже нѣкоторыя цвѣты въ изобильномъ саду наукъ!..*“) ¹⁾, ораторъ ставитъ задачей выяснитъ „трудности пути сего“ и „препятствія, встрѣчающія каждаго любимца Музъ“. Главное условіе для успѣхности жизненной работы—найти то дѣло, которое вполне соотвѣтствуетъ природнымъ способностямъ человѣка: „Кажется, природа, сотворивъ человѣка, даетъ уму его особенную, ему только принадлежащую сферу, въ которой онъ совершенно безопасенъ и которая исполнена лучшею и питательнѣйшею для поддержанія его температурою воздуха,—здѣсь полетъ его быстръ и легокъ,—здѣсь находитъ онъ всѣ способы къ своему удовольствію и пользѣ. Не преступай законовъ природы, будь доволенъ ея дарами, и ты будешь счастливъ!“ Но сознать свое призваніе—дѣло трудное: „Я представляю себѣ святилище наукъ и художествъ огромнымъ театромъ, котораго декорации перемѣняются, переставляются и умножаются вѣками. Каждая наука или искусство выходитъ на сцену, показываетъ свои преимущества, свою пользу и пр. Оркестромъ управляетъ юношеская безпечность и забавы, зрители—младенцы, которые бросаются на первыя встрѣтившіяся игрушки безъ малѣйшаго разбора; такимъ образомъ Г. Ш. ухватился за лакомства поэзій, Г. Б. въ первомъ ребяческомъ бѣшенствѣ укололся циркулемъ, Г. К. взялся за анатомическій насосъ, чрезъ который вытянулъ онъ изъ себя здоровье и силы безъ всякой пользы; всѣ принялись не за свое дѣло, и наказаны за то жесточайшимъ образомъ. Они не имѣли у себя мудрыхъ менторовъ, которые бы, узнавъ ихъ способности, направили ихъ къ пристойному предмету“... „Человѣкъ любопытенъ: увлеченный своею пылкостью, оставляетъ онъ матернее наслѣдство, летитъ за лестными призраками, обворожающими его съ перваго взгляда, тотчасъ встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія,—сфинксовъ, задающихъ вопросы, которые опѣнены его жизнью,—Гордіевъ, повелѣвающихъ развязать неразрѣшимые узлы,—лабиринты, въ которые дерзновенные вступая не находятъ уже выхода ни взадъ ни впередъ. Самое драгоцѣнное время несчастнаго проходитъ безъ всякой пользы, силы его истощаются; онъ умираетъ страдальцемъ, не обратившимъ на себя ни единого жалостливаго взора“...

Мерзляковъ особенно ярко изображаетъ жалкое положеніе непри-

¹⁾ Алад. рукопись № 618, л. 100. В. М. Истринъ не обратилъ вниманія на это мѣсто (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1913 г., № 3, стр. 12).

знаемыхъ поэтовъ: „Вы, которые часто одну любовь свою къ поэзіи почитаете дарованіемъ Феба! Вы, жалкіе тираны самихъ себя! Исцѣляйтесь заблаговременно отъ сей ужасной неизлѣчимой болѣзни! Посмотрите вокругъ себя: васъ никто не слушаетъ; никто не приметъ участія въ таковыхъ убійственныхъ трудахъ вашихъ! Вы можете быть несчастнѣйшими изъ всѣхъ несчастнѣйшихъ! Странные ваши современники часто жертвуютъ слезою состраданія злодѣю, ведомому на казнь!—Вамъ, вамъ отказываютъ они и въ этомъ; надъ вами только смѣются!!! и позднее потомство всегда беретъ ихъ сторону!.. Но вы меня не слушаете; въ огнѣ ожесточенномъ, въ бѣшенномъ восторгѣ, означающемъ больше ваше отчаяніе, нежели вдохновеніе, вы бѣжите, поражая меня переломанными стрѣлами сатиръ вашихъ! Бѣдныя! Итакъ, не было еще отъ сотворенія міра человѣка, который бы могъ увѣрить худого стихотворца, что онъ худо пишетъ, не было ни одного волшебника, который бы, помощью небесныхъ и подземныхъ духовъ, былъ въ состояніи отвратить сего несчастнаго насѣкомаго стѣ пламени, въ которомъ онъ сгараеть. Алхимистъ и худой стихотворецъ между собою сходны: тотъ сплавливаетъ свое имѣніе въ философскій камень, а сей сожигаетъ свой мозгъ для возбужденія дара поэзіи!..“

Но и когда поприще найдено, когда „благодворная звѣзда покровительствующей Минервы довела юношу до настоящаго мѣста его подвиговъ“, трудностей остается еще очень много; ораторъ, имѣя въ виду опять литератора, поэта, припоминаетъ такіе терніи на его пути: „Древнимъ была образцомъ природа, для новыхъ древніе замѣняютъ природу. Послѣдуй имъ!—такъ говорятъ гордые критики, взирающіе съ безопасныхъ балконовъ на кипящее море мыслящихъ червяковъ. Но вопросъ: въ чемъ именно подражать древнимъ, которые отдалены отъ насъ обычаями, жизнью, правами, правленіемъ? Гдѣ его предѣлы? Правила о подражаніи древнимъ весьма трудно написать, а еще труднѣе имъ послѣдовать. Правила по сю пору имѣютъ одно почти дѣйствіе: они превращали всякій предметъ въ чудовище, все легкое—въ трудное, все возможное—въ невозможное“.

Такъ скептически относился въ это время Мерзляковъ къ „правиламъ“, и такъ труденъ былъ для него вопросъ о подражаніи въ литературѣ. Кромѣ подражанія древнимъ, передъ нимъ стоялъ во всей силѣ еще вопросъ объ отношеніи къ западно-европейскимъ литературнымъ образцамъ и авторитетамъ, о вліяніи ихъ, грозившемъ совершенно стереть въ области поэзіи русскую самобытность: „Молодой

человѣкъ долженъ первыя лѣта свои провести въ изученіи *языковъ*. Кажется, *скусь* по зернышку разсыпался по всѣмъ краямъ свѣта; итакъ, чтобъ собрать его, поѣзжай въ Англію, во Францію, въ Германію и пр. Собирай все, смѣшивай, передѣлывай въ свое, поправляй, перемѣняй нѣсколько разъ ¹⁾. Какъ же возможно, чтобъ дѣло, совершенное съ толикими трудами, рожденное между такими заботами и горестями сохранило въ себѣ характеръ единообразія и правильности, которымъ отличается природа, и который есть печать генія, сіяющая въ самыхъ нелѣпыхъ выродкахъ?.. Вообразите притомъ, что можетъ произвести такое принужденное подражаніе? Бѣдный молодой человекъ теряетъ свой собственный духъ, духъ своего языка, пишетъ по французскому или по нѣмецкому на русскомъ, лишается навсегда истинной части оригинала. Мнѣ скажутъ, что благоразумное вниманіе къ красотамъ иностранныхъ можетъ избѣгать сихъ пороковъ,— не знаю! Представимъ русскаго: мы не имѣемъ еще собственныхъ образцовъ во всѣхъ родахъ сочиненій, всѣ наши писатели рождаются, такъ сказать, во французской библіотекѣ тогда, когда еще не въ силахъ судить ни о своихъ, ни о чужихъ сочиненіяхъ; тогда даютъ намъ въ руки иностранныя книги, воспитываютъ насъ иностранцы... Скажите, что останется въ насъ русскаго? Сверхъ того, должно замѣтить, что нашъ языкъ самъ по себѣ столь обилень, что требуетъ человѣческой жизни для того, чтобъ совершенно знать его.—Когда же начинается это познаніе? Тогда, когда русскій дворянинъ научится уже писать французскіе стихи!.. Я согласенъ, что опытность и основательное вниманіе могутъ облегчить трудъ подражанія; но гдѣ, гдѣ сыскать такого ментора, который бы изъ истиннаго усердія показалъ мнѣ дорогу и повелъ по ней? гдѣ сыскать человекъ, который бы захотѣлъ возродиться въ другомъ и быть безсмертнымъ одною благодарностію? Слѣпецъ слѣпца ведетъ, и оба падаютъ въ яму. Одни честолюбивы и горды, другіе глупы и мучатъ даже своимъ усердіемъ. Вотъ состояніе молодого человекъ, который хотѣлъ бы сдѣлать себя полезнымъ“...

Безпомощное положеніе юнаго писателя съ этой стороны, отсутствіе опытнаго руководителя среди перекрещивающихся вліяній, Мерзляковъ, видимо, горько чувствовалъ на самомъ себѣ,—въ одной изъ предыдущихъ рѣчей онъ это и высказалъ,—вотъ, мнѣ кажется, при-

¹⁾ Именно такой характеръ часто имѣла, какъ увидимъ, писательская работа Жужовскаго. Мерзляковъ правильно понималъ положеніе русскаго писателя того времени.

чина, почему онъ съ такимъ энтузіазмомъ относился къ зарождающемуся Дружескому Литературному Обществу: онъ ожидалъ, что со-вѣщаніи сочленовъ стануть для нихъ такою руководящею нитью.

Ораторъ отмѣчаетъ, наконецъ, и такія внѣшнія препятствія на пути талантливаго молодого человѣка, какъ „бѣдность, зависть, образъ правленія“:

„Нельзя вмѣстѣ думать о наукахъ и насущномъ хлѣбѣ; молодой человѣкъ беретъ за книгу и видитъ подлѣ себя голодную мать и умирающихъ братьевъ на рукахъ ея... Здѣсь видите вы молодого художника; блистательные ранніе успѣхи его возбуждаютъ вниманіе! Зависть отъ него требуетъ всего того, чего сама не имѣетъ: свое-нравный вельможа дѣлаетъ раба изъ его генія... Я не хочу говорить о правленіи: еще лежатъ на російскомъ пегасѣ тяжелые камни и не позволяютъ ему возвыситься“ (разумѣются мѣры имп. Павла противъ литературы).

Всѣ эти обстоятельства вызываютъ у оратора пессимистическія сѣтованія о трудностяхъ жизни, о тяжелыхъ временахъ, о недостижимости идеала знанія:

„Можно ли пересчитать всѣ препятствія, которыя долженъ встрѣтить молодой любимецъ музъ? Всего горестнѣе, что право судить его присволяютъ себѣ славные невѣжи, которыхъ каждое слово счастье и несчастье. Чѣмъ далѣе идемъ, тѣмъ ихъ больше... Скажутъ мнѣ, что онъ можетъ находить самъ въ себѣ утѣшеніе, — бѣдное утѣшеніе пресмыкаться между тысячею сомнѣній, находить вездѣ мертвую ужасную тѣму, которая убиваетъ душу, видѣть повсюду предрасудки, чувствовать часъ отъ часу тяжелѣйшими тѣ оковы, которыя невѣжда самъ на себя накладываетъ! Бѣдное утѣшеніе — знать свою цѣну и унижаться предъ нестоющими! Сказать по правдѣ, мы живемъ въ такое время, что плодъ, сорванный съ древа просвѣщенія, слишкомъ сталъ невкусенъ. Что нынѣ героизмъ? Что добродѣтель? Приобрѣтай ее потомъ, кровію и жизнію, и послѣ за то, что приобрѣлъ ее, плати также потомъ, кровію и жизнію... Было время, когда удивлялись и почитали Сократовъ, Аристотелей и Платоновъ; нынѣ мудрецъ долженъ итти въ пустыню, чтобъ не помѣшать людямъ... Науки теперь чаще всего рождаютъ однихъ краснобаевъ, а очень рѣдко истинныхъ мудрецовъ... Сократъ, проведши жизнь свою въ безпрестанныхъ размышленіяхъ, входитъ во внутреннее святилище просвѣщенія, — что жъ онъ тамъ нашель? Новый лабиринтъ для смертнаго, въ которомъ возвышенный разумъ Сократовъ видитъ только слабое мерцаніе. Гдѣ жъ

конецъ? И что всѣ наши умствованія? На что отвѣчаетъ ему смерть, лучший и единственный учитель всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ: показываетъ дорогу Сократу изъ лабиринта,—и Сократъ оставилъ его съ сими словами: *Я узналъ только то, что ничего не знаю!*"

Такими пессимистическими аккордами заканчиваетъ эту свою рѣчь Мерзляковъ.

XXVII.

16-го февраля выступилъ впервые съ рѣчью въ Обществѣ Андрей Тургеневъ ¹⁾. Самъ большой энтузіастъ, онъ стремится сообщить такое же настроеніе и окружающимъ. Онъ говорилъ:

„Друзья! благословимъ этотъ священный энтузіазмъ, который насъ согрѣваетъ, предадимся ему; пусть радость будетъ для насъ матерію всѣхъ добродѣтелей. Пусть благородный, святой энтузіазмъ юности будетъ ихъ душою, ихъ пищею... Еще опытность не научила насъ дѣлать мудрыхъ и тонкихъ соображеній, чтобы располагать нашими поступками, но тѣмъ сильнѣе можемъ мы чувствовать. Послѣдуемъ же гласу нашего сердца, направимъ стремленіе его во благое, и мы будемъ дѣятельны, будемъ веселы, будемъ благополучны!“ ²⁾.

Въ качествѣ одного изъ организаторовъ и руководителей („кореѳеевъ“) Общества, какъ „главный вдохновитель кружка, умѣвшій соединять и успокаивать разнородные элементы, входившіе въ составъ его“ ³⁾, Андрей Тургеневъ въ своей первой рѣчи счелъ долгомъ высказать свое пониманіе цѣлей Дружескаго Литературнаго Общества: „Цѣль наша—образование себя въ литературѣ, особенно въ русской, образование нравственнаго нашего характера“ (л. 39 об.). Достигнуть этой цѣли онъ разсчитываетъ „дружественными откровенными совѣтами, неограниченною, но кроткою искренностью, которая должна быть однимъ изъ главныхъ законовъ“ Общества; но эту *искренность* отнюдь не должно смѣшивать, „хотя безъ намѣренія, съ колкостью и грубостію,—вездѣ должна сопровождать ее *кротость*“ (л. 40). „Можетъ ли ктонибудь изъ насъ огорчиться дружескою критикою? Онъ узнаетъ, что написалъ дурные стихи, но вмѣстѣ увидитъ и почувствуетъ, что имѣетъ истинныхъ и чистосердечныхъ друзей, и, мо-

¹⁾ Акад. рук. № 618, лл. 39—43. Анализъ у В. М. Истрина—*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1910, № 8, стр. 288—289.

²⁾ Листы 42 обор.—43.

³⁾ А. *Өоминъ*, А. И. Тургеневъ и А. И. Кайсаровъ,—*Русс. Библиофилъ* 1912 г., № 1, стр. 12.

жетъ быть, отъ нихъ же самихъ получить безпристрастное увѣреніе, что можетъ сдѣлать лучше... Но зато какъ же неопѣненна будетъ для него похвала ихъ, въ которой не будетъ уже онъ подозрѣвать никакой скрытности, никакого пристрастія!..“ (л. 40 обор.).

Главное вниманіе сочленовъ Андрей Тургеневъ и стремится сосредоточить на интересахъ литературныхъ: „Отчего говоримъ мы такъ часто о вольности, о рабствѣ, какъ будто бы собрались здѣсь для того, чтобы разбирать права человека? Какую пользу можемъ получить мы, касаясь иногда въ спорахъ нашихъ до самой религіи, о которой здѣсь, по моему мнѣнію, никогда бы упоминать не должно? Все сіе, какъ мы видѣли уже изъ опытовъ, бываетъ токмо источникомъ неудовольствій, которыя хотя и не могутъ долго продолжаться, но всегда, по крайней мѣрѣ на нѣсколько минутъ, безъ всякой нужды нарушаютъ согласіе нашего собранія, затмеваютъ въ насъ свѣтлый лучъ единодушія и радости, и со всеѣмъ тѣмъ не приносятъ ни малѣйшей пользы“ (л. 41),—разумѣется, въ смыслѣ литературнаго образованія: драгоцѣнное свидѣтельство о содержаніи бесѣды въ Обществѣ; споры, видимо, были очень горячіе, и при томъ по самымъ существеннымъ вопросамъ жизни, выходя далеко за предѣлы литературной критики. Эти споры обнаружили передъ ораторомъ, что члены Общества „раздѣлены, такъ сказать, на двѣ части, и та и другая порознь въ короткой связи между собою, между тѣмъ какъ нѣкоторыя изъ насъ не довольно еще между собою сближены“; ораторъ призываетъ „сколько возможно истребить это неравенство“, „привести въ равновѣсіе взаимную дружбу“.

Для самого Андрея Тургенева литература составляла доминирующій интересъ. Въ своихъ стихотвореніяхъ онъ блеснулъ „яркими искрами недюжиннаго поэтическаго дарованія“¹⁾; въ рѣчахъ, произнесенныхъ въ Дружескомъ Литературномъ Обществѣ, онъ обнаруживаетъ здоровый литературный вкусъ и большую литературно-критическую смѣлость, вдумчивость, проницательность и наблюдательность, — Мерзляковъ былъ правъ, надѣясь въ Обществѣ получить литературное руководство: Андрей Тургеневъ въ силахъ былъ стать такимъ руководителемъ, какъ это докажетъ разсмотрѣніе двухъ сохранившихся „чередныхъ“ его рѣчей, къ которому и обращаемся.

Первая изъ этихъ рѣчей, по разысканіямъ акад. В. М. Истрина,

¹⁾ А. Ожигъ, *op. cit.*, стр. 7.

произнесена была 7-го апрѣля 1801 г. ¹⁾). Она посвящена вопросу— „О поэзії и о злоупотребленіи оной“ ²⁾).

Исходнымъ пунктомъ оратору послужила мысль знаменитаго англійскаго писателя-моралиста, которымъ увлекалась Германія эпохи Sturm-und Drang'a, графа Шэфтсбюри; Андрей Тургеневъ начинаетъ:

„Поэты, говорятъ Шафтсбѣри, въ древнія времена почитаемы были истинными мудрецами, люди почерпали въ твореніяхъ ихъ правила для жизни и уроки благоразумія и мудрости; не знаю, отчего лишились они сего почтеннаго права“.

Это изреченіе Шэфтсбюри помѣщено въ качествѣ эпиграфа на выходномъ листѣ VII-й части Карамзинскаго „Московского Журнала“ (1792 г.): „Poets, in early days, were look'd upon as authentick Sages, for dictating rules of life, and teaching manners and good sense: how they may have lost their pretension, i can't say. *Shaftesbury*“. Отсюда его и заимствовалъ Андрей Тургеневъ,—вліяніе этой книжки „Московского Журнала“ увидимъ и далѣе.

Нашъ ораторъ обращается къ вопросамъ о значеніи поэзії, о происхожденіи ея и о древнихъ ея представителяхъ и носителяхъ:

„И въ самомъ дѣлѣ, любезные друзья! проходя въ мысляхъ всѣ роды изящныхъ искусствъ и наукъ, разсматривая ихъ дѣйствія и вліянія на людей, мы не найдемъ ничего важнѣе, ничего священнѣе поэзії. Ея божественная печать сіяетъ на всемъ, что принадлежитъ къ пространной области изящнаго. Человѣкъ, вышедшій изъ рукъ Творца свободнымъ, невиннымъ и счастливымъ, съ сердцемъ, бющимся отъ радости, обозрѣлъ вокругъ себя оную природу, и едва только душа его нѣсколько успокоилась, едва нѣкое безмолвное восхищеніе могло найти слова, первое слово его, первый звукъ, имъ произнесенный, первый знакъ радостнаго изумленія, пламенной благодарности, былъ уже поэзія, даръ блаженной твари Создателю и Отцу вселенной. Блескъ аллой зари, блистаніе лучезарнаго солнца, величественная картина утренняго пробужденія природы, тихое безмолвіе рощи, безчисленныя свѣтила, разсыпанныя по неизмѣримости небесъ, благоговѣйное молчаніе природы, какъ будто бы ощущающей близкое присутствіе Творца, наконецъ ревущій голосъ грома и излучистыя молніи—все сіе возносило душу его и было для него источ-

¹⁾ В. М. Истриль, Изъ документовъ архива бр. Тургеневыхъ,—*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1913 г., № 3, стр. 8; здѣсь приведенъ и небольшой отрывокъ изъ рѣчи.

²⁾ Академич. рукопись № 618, лл. 71—74.

никомъ важныхъ, благоговѣйныхъ гимновъ. Человѣкъ блаженствовалъ въ нѣдрахъ природы, все было источникомъ веселія для его невиннаго сердца, и поэзія была отзвонкомъ радостныхъ чувствованій восторга и удивленія“.

„Онъ палъ. Радость, вѣчная сопутница только невиннаго сердца, отъ него отлетѣла. Природа представилась взору его пустою и печальною. Ему казалось, что все твореніе хочетъ отъ него уклониться, онъ видѣлъ вездѣ разстройство и несогласіе, потому что небесный миръ оставилъ душу его. Покинутый всѣмъ, въ чемъ же нашель онъ убѣжище, отраду, услажденіе? Не въ тебѣ ли, кроткая поэзія? Подруга горестнаго—не ты ли помогла ему сносить тягостное бремя жизни? Не ты ли вливала бальзамъ въ... ¹⁾ радостнаго сердца? Воспѣвая тихія, печальныя пѣсни, вспоминаль онъ о временахъ протекшаго блаженства, снова находилъ ихъ въ своемъ воображеніи, и, проливая слезы, чувствовалъ облегченіе. Не обрѣтая счастья на самомъ дѣлѣ, онъ находилъ его въ мечтахъ и надеждахъ, кроткихъ подругахъ твоихъ. Ты сдѣлалась еще ближе къ сердцу его, ибо ты одна все для него замѣняла“.

„Послѣдую теченію времени, вездѣ вижу поэзію еще достойную своего имени; вездѣ нахожу въ поэтахъ наставниковъ смертныхъ, законодателей общества. Исторія, философія, самая религія украшаются цвѣтами поэзіи и чтобы тѣмъ удобнѣе найти доступъ къ человѣческому сердцу. Въ одномъ изъ первыхъ поэтовъ вижу одного изъ первыхъ законодателей. Звуки лиры Орфеевой смягчаютъ грубые нравы народовъ, пробуждаютъ въ сердцахъ кротчайшія чувства благоговѣнія къ богамъ, любви къ человѣкамъ. Гомеръ, величайшій изъ пѣснопѣвцевъ, украшаетъ ея исторію боговъ древности, прославляетъ героевъ, научаетъ смертныхъ. Въ Спартѣ лира пѣснопѣвца вливаетъ въ цѣлыя тысячи воиновъ духъ неустрашимости, презрѣніе смерти, неукротимое стремленіе побѣдить или умереть за отечество—вездѣ вижу бессмертное происхожденіе поэзіи, вездѣ ощущаю въ пѣсняхъ поэта вдохновеніе небесъ“.

Въ этой части своей рѣчи Андрей Тургеневъ не былъ оригиналенъ: онъ повторялъ мысли, высказанныя на страницахъ той же VII-й книжки „Московскаго Журнала“, о которой мы упомянули выше, въ стихотвореніи „Поэзія“ ²⁾, вышедшемъ изъ-подъ пера мо-

¹⁾ Что-то пропущено переписчикомъ.

²⁾ Москов. Журн. 1792 г., ч. VII, стр. 260 и слѣд.

лодого Карамзина еще въ 1787 году ¹⁾); стихотвореніе это распадается на двѣ части: первая представляетъ историческій взглядъ на зарожденіе и развитіе поэзіи съ древнѣйшихъ временъ,—этою частью и воспользовался, повидимому, въ своей рѣчи Андрей Тургеневъ. У Карамзина читаемъ:

Едва былъ созданъ міръ огромный, веледѣнный,
 Явился человекъ, прекраснѣйшая тварь,
 Предметъ любви Творца..
 Узрѣвъ соборъ красотъ, и чувствуя себя,
 Сей гордый міра царь почувствовалъ и Бога,
 Причину бытія—толь жгго ощутилъ
 Величіе Творца, Его премудрость, благодать,
 Что сердце у него въ гимнь нѣжный излилось,
 Стремясь летѣть къ Отцу... Поэзія святая!
 Се ты въ устахъ его, въ источникѣ своемъ,
 Въ высокой простотѣ! Поэзія святая!
 Благословлю я рожденіе твое!
 Когда ты, человекъ, въ невинности сердечной,
 Какъ роза цвѣлъ въ раю, поэзія тебѣ
 Утѣхою была. Ты пѣлъ свое блаженство,
 Ты пѣлъ Творца его..
 Ты палъ, о человекъ! поэзія улала;
 Но дщерь небесъ еще сіла лѣпотою,
 Когда несчастный, вдругъ раскаялся въ грѣхѣ,
 Молитвы воспѣвалъ—сидя на берегу
 Журчащаго ручья и слезы проливая,
 Въ уныніи, въ тоскѣ тебя воспоминалъ,
 Тебя, Эдемскій садъ!..
 Столѣтія текли, и въ вѣчность погружались—
 Поэзія всегда отрадою была
 Невинныхъ, чистыхъ душъ..
 Такъ славный, мудрый Бардъ, древнѣйшій изъ пѣвцовъ,
 Со всею красотой священной сей науки
 Воспѣлъ, какъ міръ истекъ изъ воли Божества..
 Во всѣхъ, во всѣхъ странахъ поэзія святая
 Наставницею людей, ихъ счастіемъ была;
 Вездѣ она сердца любовью согрѣвала.
 Мудрецъ, натуру знавъ, познавъ ея Творца,

¹⁾ Проф. М. Н. Розановъ („Поэтъ періода бурн. стремл. Як. Ленцъ, М. 1901, стр. 489) указываетъ, что это стихотвореніе Карамзина возникло подъ влияніемъ стих. Ленца „Ueber die deutsche Dichtkunst.“ Стихотвореніе Карамзина, однако, несравненно шире по содержанію, гораздо обширнѣе по размѣру (у Ленца 75 стиховъ, у Карамзина—201; Карамзинъ характеризуетъ поэтовъ, Ленцъ только называетъ ихъ), и влияніе Ленца сказалось лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

И слыша гласъ его и въ громахъ и въ зефирахъ,
Въ лѣсахъ и на водахъ, на арфѣ подражалъ
Аккордамъ Божества, и гласъ сего поэта
Всегда былъ Божій гласъ!..
Орфей, Оракійскій мужъ, котораго вся древность
Едва не богомъ чтить, поэзіей смягчалъ
Сердца лѣсныхъ людей, воздвигнулъ Богу храмы
И дикихъ научилъ Всесильному служить...
Омиръ въ стихахъ своихъ описывалъ героевъ..

Послѣдняя фраза приведеннаго отрывка изъ рѣчи Андрея Тургенева („Въ Спартѣ лира пѣснопѣвца“ и проч.) навѣяна, повидимому, другимъ стихотвореніемъ Карамзина, касающимся того же вопроса о поэзіи, — стих. „Дарованія“¹⁾, гдѣ читаются между прочимъ такія слова:

Ты (поэзія) въ Спартахъ мужество питаешь;
Въ груди къ отечеству любовь
Какъ огонь эфирный развѣваешь;
Гремишь... пылаетъ славой кровь!
Гремишь: „Къ оружію, спартане!..
На васъ взираютъ всѣ народы:
Побѣда или смерть!“... „Умремъ—
Умремъ или побѣда съ нами!“
Взываютъ всѣ, звучать цитами..

А. Тургеневъ возвращается къ исходной мысли своей рѣчи: „Когда же исчезла слава твоя, посланница боговъ? Кто сорвалъ съ тебя божественную печать твою? Отчего поэты, законодатели смертныхъ, изъяснители тайнствъ божества, теперь не что иное, какъ подлые льстецы пышности, рабы суетности и тщеславія? Ахъ! видно таковъ жребій людей! Самое священное, сдѣлавшись для нихъ обыкновеннымъ, сперва теряетъ цѣну свою, а потомъ становится орудіемъ гнуснѣйшихъ злоупотребленій. Высочайшія добродѣтели бывали часто предметомъ посмѣяній и орудіемъ самыхъ ужаснѣйшихъ злодѣйствъ! Перестанемъ дивиться судьбѣ поэзіи и вздохнемъ только о несчастномъ жребіи людей!..“

Карамзинъ въ своемъ стихотвореніи „Поэзія“, прежде чѣмъ обратиться къ родинѣ, даетъ характеристики поэтовъ, послѣ греческихъ и римскихъ, — англійскихъ и нѣмецкихъ (Оссіана, Шекспира, Юнга, Томсона, Геснера, Клопштока):

Британія есть мать поэтовъ величайшихъ.
Древнѣйшій бардъ ея, Фингаловъ мрачный сынъ,

¹⁾ Аонида, ч. II, (М. 1797), стр. 327 и слѣд.

Оплакивалъ друзей, героевъ, въ битвѣ падшихъ...
Великъ ты, Оссіанъ, великъ, неподражаемъ!
Шекспиръ, природы другъ! кто лучше твоего
Позналъ сердца людей?.. и проч.

Андрей Ив. Тургеневъ для своей цѣли не имѣлъ надобности дѣлать подобнаго обзора литературъ европейскихъ; онъ оставляетъ ихъ въ сторонѣ, и прямо обращается къ явленіямъ литературы русской.

Ленцъ въ упомянутомъ выше стихотвореніи „Ueber die deutsche Dichtkunst“, сознавая, что тогдашняя нѣмецкая литература значительно еще отстаетъ отъ другихъ, со скорбію восклицаетъ:

O traure, traure Deutschland.
Unglücklich Land' zu lange brach gelegen!
Deine Nachbarinnen blühen um dich her voll Fruchte
Wie goldbeladne Hügel um einen Morast,
Wie junge kinderreiche Weiber
Um ihre älteste Schwester,
Die alte Jungfer blieb. ¹⁾

Оптимистически настроенный 20-лѣтній Карамзинъ, обратившись отъ европейскихъ писателей, которыми увлекался вслѣдъ за Ленцемъ, къ отечественной литературѣ, высказываетъ (въ 1787 году!) радужныя надежды на свѣтлую будущность русской поэзіи:

О Россы! вѣкъ грядетъ, въ который и у васъ
Поэзія начнетъ сиять, какъ солнце въ полдень!
Исчезла ночи мгла...—уже Авроры свѣтъ
Въ (Москвѣ) блеститъ, и скоро всѣ народы
На сѣверъ притекутъ свѣтильникъ возжигать,
Какъ въ баснѣ Прометей текъ къ огненному Фебу.
Чтобъ хладный, томный міръ согрѣть и освѣтить! ²⁾

Двадцатилѣтній Андрей Тургеневъ, въ 1801 году, выражаетъ, въ разсматриваемой рѣчи, взглядъ гораздо болѣе трезвый, строгій и серьезный, и для того времени смѣлый:

„Пройдя всѣхъ поэтовъ, древнихъ и новыхъ, которые не чувствовали цѣны своихъ дарованій, остановимся только на томъ, что для насъ всего ближе, на поэтахъ нашего отечества. Смѣю сказать, что великій Ломоносовъ, творецъ російской поэзіи, истощая всѣ свои дарованія на похвалы монархамъ, много потерялъ для славы своей. Безсмертная муза его должна бы избирать и предметы столь же бессмертные, какъ она сама; въ глазахъ безпристрастнаго потомства, со

¹⁾ Gedichte von J. M. R. Lenz, hrgb. v. K. Weinhold, Berl. 1891, стр. 163.

²⁾ „Поэзія“, Москов. Журн. 1792 г., ч. VII, стр. 274.

дня на день менѣе принимающаго участія въ герояхъ его, должны наконецъ и самыя пѣсни его потерять цѣны своей. Прославляй великія дѣла Петра, прославляй дѣла Елисаветы, Анны, Екатерины, но не возобновляй ежегодно торжественныхъ пѣсней на день ихъ рожденія, тезоименитства, вступленія на престоль и проч. *Богъ, природа, добродѣтели, пороки, однимъ словомъ моральная натура челоуѣка, со всеми безконечными ея оттънками,—вотъ предметы достойные истиннаго поэта!*..“¹⁾

Такая точка зрѣнія на область поэтическаго творчества выработалась у Андрея Тургенева подъ вліяніемъ нравственной атмосферы, окружавшей его въ родномъ домѣ.

Извѣстенъ энтузіазмъ, какой вызвало въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ восшествіе на престоль императора Александра I. Было написано множество стихотвореній, привѣтствовавшихъ новаго государя²⁾; самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ была ода Державина „Вѣкъ новый! Царь молодой, прекрасный“...; престарѣлый Херасковъ также разразился одой:

Какъ лебедь на водахъ Меандра
Поетъ послѣдню пѣснь свою,
Такъ я Монарха Александра
При старости моей пою. .³⁾

Дружеское Литературное Общество не могло, конечно, не обратить вниманія на этотъ потокъ диэирамбовъ. И опять трезво, строго и серьезно взглянулъ на дѣло Андрей Тургеневъ, высказавшійся по этому поводу въ своей рѣчи „О поэзии и о злоупотребленіяхъ оною“ такимъ образомъ:

„Чье сердце можетъ удержаться, отъ радостныхъ слезъ, видя Государя, во цвѣтѣ лѣтъ совершенно преданнаго отеческимъ трудамъ и попеченіямъ для блага подданныхъ!—Государя, который не только передъ глазами свѣта, но и въ собственномъ сердцѣ своемъ поставилъ для себя долгомъ не раздѣлять выгодъ своихъ отъ пользы народной, все доброе, все великое относить къ источнику всякаго добра и почитать себя первымъ только подданнымъ отечества?.. Херасковы! Державины! вы хотите прославлять его, вы говорите въ слабыхъ стихахъ то, что давно милліоны сердець краснорѣчивѣе васъ выра-

¹⁾ Академич. рук. № 618, л. 73.

²⁾ Списокъ ихъ въ Русс. Архивѣ 1867 г., стр. 987—988.

³⁾ Библиографич. Записки 1858 г., т. II, стр. 288 и сл.

зили нѣмымъ восхищеніемъ,—но вы то же говорите о тиранахъ, вы показывали тѣ же восторги! Мы вамъ не вѣримъ! Молчите и не посрамляйте себя своими похвалами. Нѣтъ! Его достоинъ прославлять только тотъ, кому добродѣтель священна и въ вѣнцѣ и въ рубищѣ, кто приноситъ жертву свою не вѣщениосцу въ порфирѣ, мощному обладателю милліоновъ, владыкѣ полсвѣта, въ чьихъ рукахъ наказанія и награды,—но человѣку, получившему отъ небесъ святое право благодворить милліонамъ,—человѣку, который въ этомъ одномъ видитъ различіе между имъ и его собратіями. Съ преданностью признательнаго народа, съ повѣствованіемъ исторіи, соединимъ гласъ восхищеннаго пѣснопѣвца: онъ передастъ вѣкамъ и потомству имя богоподобнаго, и слава Его, сліясь съ славою героя, новымъ блескомъ озаритъ священную память ихъ“¹⁾.

Немногіе, конечно, могли имѣть въ то время твердость и смѣлость обратиться съ подобнаго рода упреками къ тогдашнимъ стихотворцамъ, съ прославленными Державинымъ и Херасковымъ во главѣ; Андрей Тургеневъ, со вѣмъ пыломъ молодости, въ средѣ тѣснаго кружка друзей, горячо выразилъ въ 1801 году ту же точку зрѣнія, съ какой, десятии лѣтъ спустя, взглянулъ на тѣ же явленія А. Н. Пыпинъ, который счелъ еще нужнымъ подчеркнуть: „Александра встрѣтили множествомъ одъ, это было въ духѣ времени; оду написалъ и Державинъ. Ему немного стоило восторгаться теперь, какъ незадолго передъ тѣмъ онъ восторгался мальтійскимъ орденомъ... Когда прежнія власти еще жили, Державинъ предпочиталъ кадить имъ и ублажать ихъ своимъ стихотворствомъ“²⁾.

Третья и вмѣстѣ послѣдняя изъ рѣчей Андрея Тургенева—„О русской литературѣ“³⁾,—время произнесенія которой въ рукописи не отмѣчено⁴⁾, вызываетъ совершенно справедливое восхищеніе изслѣ-

¹⁾ Академич. рукопись № 618, л. 74.

²⁾ Пыпинъ, Обществ. движеніе при Александрѣ I, С.-Пб. 1885, стр. 54, 55.

³⁾ Академич. рукоп. № 618, дл. 78—82.

⁴⁾ Въ рукописномъ сборникѣ рѣчей Друж. Лит. Общ. (№ 618) эта рѣчь занята въ дѣйствительности не то мѣсто, какое указалъ А. Г. Ооинъ (Русс. Библиофиль 1912 г. № 1, стр. 26, примѣчаніе: послѣ рѣчи Александра Тургенева 22-го марта и передъ рѣчами Жуковскаго и Андрея Кайсарова 29-го марта); порядокъ рѣчей въ академическомъ сборникѣ № 618 такой: л. 64. Рѣчь Александра Тургенева, говорена марта 22-го дня („Я увѣренъ, что главная цѣль всѣхъ словесныхъ наукъ“...); л. 68. Рѣчь Андрея Кайсарова „О томъ, что мнѣніе о славіи зависитъ отъ образа воспитанія“, говорена 1801 года марта 29-го дня; л. 71. Рѣчь Андрея Тургенева „О поэзіи и о злоупотребленіи оной“; л. 75. Рѣчь Жуковскаго „О страстяхъ“; л. 78

дователя. Рѣчь эта, дѣйствительно, „представляет большой и серьезный интерес во многих отношеніяхъ, и о ней стоитъ поговорить спеціально, какъ о явленіи далеко не заурядномъ и выдающемся по своей мѣткой и остроумной критикѣ, а съ исторической точки зрѣнія—цѣнномъ, какъ проявленіи такой литературной смѣлости и такого общественнаго гражданского мужества, какія вообще встрѣчаются далеко не часто. Цѣнность ея заключается въ томъ, что Андрей Ивановичъ Тургеневъ—первый изъ русскихъ литераторовъ позволилъ себѣ выступить въ такой опредѣленной формѣ съ опроверженіемъ значенія всей дѣятельности боготворимаго кумира русской литературы. Эта рѣчь такъ рельефна, такъ сильно отчеканена, такъ ярка, несмотря на нѣкоторыя смягчающія вставки, что не требуетъ никакихъ объясненій и можетъ вызывать только восторгъ предъ молодымъ критикомъ, настойчиво предъявляющимъ къ русской художественной литературѣ категорическое требованіе—обязательности для нея *истиннаго реализма и народности, ничѣмъ не подкрашенной*“¹⁾.

Андрей Тургеневъ начинаетъ свою рѣчь выраженіемъ сомнѣнія въ самомъ существованіи русской литературы:

„О русской литературѣ!.. Можемъ ли мы употреблять это слово? *Не одно ли это пустое названіе, тогда когда вещи въ самомъ дѣлѣ не существуютъ?* Есть литература французская, нѣмецкая, аглинская, но *есть ли русская?*“

Замѣчательное въ то время проявленіе литературнаго самосознанія! Карамзинъ, немного спустя, выразился мягко: „Хорошая критика есть роскошь литературы,—она рождается отъ великаго богатства, а мы еще не крезы“²⁾. Только двадцать лѣтъ спустя рѣшительно было заявлено это мнѣніе въ русской критикѣ: „Имѣемъ ли мы литературу отечественную?.. Признаемся со смиреніемъ, но и съ надеждою: есть языкъ русскій, но *нѣтъ еще словесности*, достойнаго выраженія народа могучаго и мужественнаго“³⁾; И. В. Кирѣевскій въ 1830 году высказалъ: „У насъ еще нѣтъ полнаго отраженія умственной жизни народа, *у насъ еще нѣтъ литературы*“⁴⁾; баронъ Брамбеусъ нахо-

Рѣчь Андрея Тургенева „О русской литературѣ“; л. 83. Рѣчь Жуковскаго „О щастіи“ и проч.

¹⁾ А. Г. Фоминъ, *op. cit.*, стр. 25.

²⁾ М. Погодинъ, Н. М. Карамзинъ, ч. I, М. 1866, стр. 340.

³⁾ Кн. П. А. Вяземскій, О Кавказ. лѣтніикѣ Пушкина (1822 г.), Полн. Собр. Соч. Вяземскаго, I, стр. 75.

⁴⁾ И. В. Кирѣевскій, Обзоръ русс. словесн. за 1829 г. (альманахъ „Денница“ 1830 г.), Полн. Собр. Соч., М. 1861 г. т. I, стр. 44.

диль, что у нас нѣтъ словесности, а есть только книжная торговля; исходнымъ пунктомъ критической дѣятельности Бѣлинскаго стало утвержденіе: „У насъ нѣтъ литературы,... несмотря на то, что нашъ Сумароковъ далеко оставилъ за собою въ трагедіяхъ г. Корноля и г. Расина, а въ притчахъ г. Лафонтена; что нашъ Херасковъ, въ прославленіи на лирѣ громкой славы россовъ, сравнился съ Гомеромъ и Виргиліемъ“, и т. д. ¹⁾.

Андрей Тургеневъ въ 1801 г. сумѣлъ возвыситься до той литературно-критической точки зрѣнія, на какой стоялъ въ 1834 г. Бѣлинскій. Андрей Тургеневъ говорилъ:

„Читай Англинскихъ поэтовъ—ты увидишь духъ англичанъ; то же и съ французскими и нѣмецкими: по произведеніямъ ихъ можно судить о характерѣ ихъ націй. Но что можешь ты узнать о русскомъ народѣ? Читая Ломоносова, Сумарокова, Державина, Хераскова, Карамзина, въ одномъ только Державинѣ найдешь очень малые отбѣйки русскаго, въ прекрасной повѣсти Карамзина „Илья Муромецъ“ также увидишь русское названіе, русскія стопы, и больше ничего. Театральные наши писатели, вмѣсто того, чтобы вникать въ характеръ російскаго народа, въ духъ російской древности и потомъ въ частные характеры нашихъ древнихъ героевъ,... нашли, что гораздо легче изобразить на декораціяхъ видъ Москвы и Кремля, заставить дѣйствовать какихъ-то нѣжныхъ краснорѣчивыхъ французовъ, назвавъ ихъ Синавами, Труворами и даже Мининими и Пожарскими и пр... Мы подражаемъ французскимъ (писателямъ); но французы такъ оригинальны въ своихъ трагедіяхъ, что и самыхъ грековъ и римлянъ превратили въ французовъ, а мы напротивъ совершенно утратили всю оригинальность, всю силу (énergie) русскаго духа“...

Бѣлинскій, утверждая, въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“, что „у насъ нѣтъ литературы“, исходилъ изъ того пониманія литературы, что она есть собраніе произведеній вдохновенія людей, „вполнѣ выражающихъ и воспроизводящихъ въ своихъ изящныхъ созданіяхъ духъ того народа, среди котораго они рождены и воспитаны, жизнию котораго они живутъ и духомъ котораго дышать, выражающихъ въ своихъ творческихъ произведеніяхъ его внутреннюю жизнь до сокровеннѣйшихъ глубинъ и біеній“...

Въ высокой степени замѣчательнъ проникновенный взглядъ Тургенева на произведенія русской народной поэзіи,—взглядъ, основан-

¹⁾ Бѣлинскій, Литератур. Мечтанія, „Молва“ 1834 г., № 39, стр. 190—191.

ный, повидимому, на непосредственномъ знакомствѣ съ нашею народною сказкою и пѣсней ¹⁾):

„Теперь только въ однихъ сказкахъ и пѣсняхъ находимъ мы остатки русской литературы; въ сихъ то драгоцѣнныхъ остаткахъ, а особливо въ пѣсняхъ находимъ мы и чувствуемъ еще характеръ нашего народа. Онѣ такъ сильны, такъ выразительны, въ веселомъ ли то или въ печальномъ родѣ, что надъ всякимъ непремѣнно должны произвести свое дѣйствіе. Въ большей части изъ нихъ, а особливо въ печальныхъ, встрѣчается такая плѣняющая унылость, такія красоты чувства, которыхъ тщетно стали бы искать мы въ новѣйшихъ подражательныхъ произведеніяхъ нашей литературы“.

Эту подражательную литературу Андрей Тургеневъ, естественно, отказывается признать русскою, а видя вокругъ себя увлеченіе всѣмъ иностраннымъ, высказываетъ пессимистическій взглядъ, что онъ не ожидаетъ, чтобы и впредь когда либо наша литература стала оригинальною:

„Теперь нѣтъ никакой надежды, чтобы когда нибудь процвѣла у насъ истинно русская литература. Для сего нужно, чтобы мы и въ обычаяхъ и въ образѣ жизни и въ характерѣ обратились къ русской оригинальности, отъ которой мы удаляемся ежедневно“...

Далѣе ораторъ бросаетъ бѣглый взглядъ на литературу второй половины XVIII в., когда „у насъ явились свои Расины, свои Вольтеры и Малербы“, и затѣмъ излагаетъ, ожидая отъ друзей „искреннихъ совѣтовъ и наставленій“, свои „сомнѣнія и догадки“ о явленіяхъ текущей литературы и о главѣ ея—Карамзинѣ. По этому вопросу у Андрея Тургенева былъ уже разговоръ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, съ Мерзляковымъ и Жуковскимъ ²⁾; теперь нашъ ораторъ воспроизводитъ то, что тогда говорилось. Онъ высказываетъ, что „Карамзинъ сдѣлалъ эпоху въ нашей литературѣ“, что онъ „пишетъ въ своемъ родѣ прекрасно“ и имѣлъ успѣхъ „заслуженный“, — но при всемъ томъ этотъ писатель „болѣе вреденъ, нежели полезенъ нашей литературѣ“, такъ какъ „вопреки русскому характеру и климату и пр.

¹⁾ Срв. о пѣсняхъ въ кружкѣ нашихъ друзей и о взглядѣ Мерзлякова на русскія народныя пѣсни въ XII гл. моихъ Разысканій о соч. Жук., отд. отг. стр. 192. Для освѣщенія всѣхъ этихъ явленій много материала собрано въ книгѣ г. Н. Трубицына, О народной поэзии въ обществ. и литератур. обиходѣ первой трети XIX в. С.-Пб. 1912.

²⁾ Записанъ въ дневникѣ Андрея Ив. Тургенева подъ 20 декабря 1800 г. (см. В. М. Истрингъ, Архивъ бр. Тургеневыхъ, вып. 2-й, введение, стр. 74—75).

слишкомъ склонилъ насъ къ мягкости и разнѣженности“, и увлекъ за собою цѣлую толпу „безразсудныхъ подражателей“, потому что молодые авторы, „видя такой отличный успѣхъ въ нѣжномъ“, всегда охотнѣе склоняются „на эту сторону, нежели къ чему нибудь важному, великому“. Въ русской литературѣ того времени ораторъ видитъ еще слишкомъ мало „сочиненій въ важнѣйшихъ родахъ“; онъ высказываетъ пожеланіе: „Пусть бы русскіе продолжали писать хуже и не такъ интересно, только бы занимались они важнѣйшими предметами, писали бы оригинальнѣе, важнѣе, не столько примѣнялись къ мелочнымъ родамъ“, не искали бы успѣховъ „въ модной сентиментальности“. Съ этой точки зрѣнія Андрей Тургеневъ признаетъ, что „Херасковъ больше для насъ сдѣлалъ, нежели Карамзинъ“. Но и къ Хераскову Тургеневъ относится съ серьезною строгостью: „Найдется ли хоть одинъ, кто бы, не будучи отлично замѣченъ, хотѣлъ содѣйствовать благу и успѣху всего отечественнаго. Тѣ, которые и сдѣлали сіе, конечно сего не ожидали: они стремились къ одной славѣ, но не достигнувъ до сей цѣли, только что противно волѣ споспѣшествовали прямому ходу просвѣщенія въ цѣломъ; таковъ напр. Херасковъ, который, не заслуживая впрочемъ отличнаго уваженія и славы, содѣйствовалъ въ хорошую сторону успѣху нашей литературы, открывъ дорогу“.

Не подозрѣвая, конечно, какъ современникъ событій, что и пережить эпоху сентиментальности было исторической необходимостью въ поступательномъ движеніи нашей литературы, Тургеневъ выставляетъ такія desiderata, удовлетворить которымъ суждено было лишь четверть вѣка спустя Пушкину: „Иногда одинъ человѣкъ явится и такъ сказать увлечетъ за собою своихъ современниковъ; мы это знаемъ: мы сами имѣли Петра Великаго; но такой человѣкъ для русской литературы долженъ быть теперь второй Ломоносовъ, а не Карамзинъ. *Напитанный русскою оригинальностью, одаренный творческимъ даромъ, долженъ онъ дать другой оборотъ нашей литературѣ*,—иначе дерево увянетъ, покрывшись пріятными цвѣтами, но не показавъ ни широкихъ листьевъ, ни сочныхъ питательныхъ плодовъ“ ¹⁾.

Вотъ серьезные вопросы, какіе поднималъ, далеко не съ юношескимъ скепсисомъ, въ Дружескомъ Литературномъ Обществѣ Андрей Ивановичъ Тургеневъ. При извѣстномъ энтузіазмѣ сочленовъ, вопросы эти дебатировались, конечно, со всѣмъ пыломъ юности и, разумѣется,

¹⁾ Въ полномъ видѣ рѣчь Андрея Тургенева „О русской литературѣ“ напечаталъ А. Г. Өомина въ Русск. Библіофилъ 1913 г., № 1, стр. 26—30.

не могли не выковывать их мировоззрѣній. Мерзляковъ жаждалъ получить руководящія указанія въ Обществѣ, — онъ и достигъ желаемого: въ критическихъ статьяхъ о Россіадѣ Хераскова ¹⁾, отъ которыхъ плохо пришлось препрославленной поэмѣ, такъ какъ вскрывались крупнѣйшіе недостатки ея, какъ литературнаго произведенія ²⁾, Мерзляковъ, въ первой же статьѣ, поминая добромъ „любопытное общество словесности“ (Друж. Лит. Общество), заявляетъ, что намѣренъ въ этихъ статьяхъ „изобразить тогдашнія размышленія о Россіадѣ“, какія высказывались въ средѣ сочленовъ Общества. Строгіе приговоры Мерзлякова въ статьѣ о трагедіяхъ Сумарокова ³⁾ несомнѣнно, также возникли не безъ вліянія Дружескаго Литер. Общества и Андрея Тургенева; послѣдній по адресу отца нашего театра пустилъ въ своей рѣчи „О русской литературѣ“ такую стрѣлку: „Если бы во время предъставленія Димитрія Самозванца возсталъ изъ гроба самъ Димитрій, думаю, онъ долго бы забавлялся симъ зрѣлищемъ, *не отгадывая, что оно значитъ*, если бы не услышалъ наконецъ своего имени и набатнаго колокола“ ⁴⁾; — Мерзляковъ же, говоря о той же самой трагедіи, между прочимъ выразился: „Сколько сіи роли (Шармена, Ксенія, Георгія) ни слабы, ни уродливы, ни мало-значительны, однако всѣ онѣ безъ всякаго сомнѣнія лучше роли Димитрія, котораго, признаюсь, описать я силы не имѣю. Не знаю, что хотѣлъ представить въ немъ авторъ; недоумѣваю, какое чувство къ нему хотѣлъ возбудить въ зрителяхъ. Въ немъ все склеено несообразное и противоположное природѣ...“ ⁵⁾. Слѣдуетъ, мнѣ кажется, поставить въ связь съ бесѣдами въ Дружескомъ Литературномъ Обществѣ, и въ частности съ рѣчью Андрея Тургенева „О русской литературѣ“, именно съ тѣмъ мѣстомъ ея, гдѣ говорится о русскихъ народныхъ сказкахъ и пѣсняхъ (см. выше), рѣчь Мерзлякова „О духѣ, отличительныхъ свойствахъ поэзіи первобытной“ на актѣ Московскаго университета 30-го іюня 1808 г., когда ораторъ, между прочимъ, выразился: „Въ русскихъ пѣсняхъ мы бы увидѣли русскіе нравы и чувства, русскую правду, русскую доблесть...“ ⁶⁾.

¹⁾ Амфіонъ, 1815 г., кн. 1, 2, 3, 5, 6, 8, 9.

²⁾ И. М. Бѣлоруссовъ, А. О. Мерзляковъ какъ теоретикъ и критикъ, Воронежъ, 1888 г., стр. 77.

³⁾ Вѣстникъ Европы, 1817 г., №№ 12, 13, 14.

⁴⁾ Академ. рукопись № 618, л. 78 обор.

⁵⁾ Вѣстн. Евр., 1817 г., № 13, стр. 126.

⁶⁾ Рѣчь Мерзлякова „О духѣ“ и проч., Москва, 1808 г., стр. 14. См. въ XII гл. моихъ Разысканій о соч. Жукъ—го, отд. отт. стр. 192.

Въ связи съ взглядами Андрея Ив. Тургенева на произведенія Карамзина находится, какъ это устанавливаетъ А. Г. Өомигъ ¹⁾, шути-ливая пьеса „Описаніе бракосочетанія господина К(арамзина)“, вышедшая, повидимому, въ томъ же 1801 г. изъ-подъ пера Андрея Сергѣевича Кайсарова и представляющая собою вольную юмористическую персифляцію нѣкоторыхъ частей церковнаго обряда бракосочетанія ²⁾, написанную литературнымъ тономъ нѣжно-чувствительнаго настроенія, въ которомъ, однако, чувствуется иронія, дерзновенное осмѣяніе сентиментальнаго Карамзинскаго стиля (срв. упрекъ Андрея Тургенева Карамзину за то, что „онъ слишкомъ склонилъ насъ къ мягкости и разнѣженности“); въ пьесѣ выводится „толпа чувствительныхъ писателей разныхъ лѣтъ и состояній, съ заплаканными глазами, съ воздымающеюся отъ вздоховъ грудью и съ бѣлыми платками въ рукахъ“, шествующая въ свадебной процессіи вслѣдъ за „тремя купидонами, навьюченными твореніями жениха“, — картина, въ которой А. Г. Өомигъ видитъ „какъ бы художественную иллюстрацію къ рѣчи Андрея Ив. Тургенева“ ³⁾, — разумѣется, тому мѣсту ея, гдѣ говорится, что „за нимъ (Карамзинимъ) устремилась толпа безразсудныхъ раздражателей“.

XXVIII.

„Описаніе бракосочетанія г. К.“ дошло въ рукописи руки Андрея Сергѣевича Кайсарова ⁴⁾; списокъ, по которому напечаталъ текстъ пьесы Галаховъ, имѣетъ подпись: *Кайсаровъ* ⁵⁾. Если это дѣйствительно произведеніе Андрея Кайсарова, то въ такомъ случаѣ мы имѣемъ здѣсь подтвержденіе отзыва С. Е. Родзянки о Кайсаровѣ, что послѣдній иногда страдаетъ внутренними самому себѣ противорѣчіями: „Андрей Кайсаровъ добръ, но въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ характеръ его *se dément*“ ⁶⁾. Въ „Описаніи бракосочетанія“ авторъ персифлируетъ Карамзина и сентиментализмъ, а между тѣмъ то, что мы знаемъ объ Андрѣ Кайсаровѣ изъ другихъ источниковъ,

¹⁾ Ор. cit., стр. 31 и слѣд.

²⁾ Напечатана М. Ө. Де Пуле (Русскій Вѣстникъ, 1875 г., августъ, стр. 565 и слѣд.), А. Д. Галаховымъ (Русск. Стар., 1876 г., сентябрь, 176 и слѣд.) и А. Г. Өоминымъ (Русск. Виблюфія, 1913 г., № 1, стр. 32 и слѣд.).

³⁾ А. Г. Өомигъ, ор. cit., стр. 34.

⁴⁾ А. Г. Өомигъ, ор. cit., стр. 32.

⁵⁾ Русск. Стар., 1876 г., сентябрь, стр. 180.

⁶⁾ В. М. Истрикъ, Архивъ бр. Турген., вып. 2-й, введеніе, стр. 35.

рисуеть его какъ большого сентименталиста: таковы его письма ¹⁾, его стихотвореніе „Моя надежда“ ²⁾, наконецъ тѣ три рѣчи, которыя онъ произнесъ въ Дружескомъ Литературномъ Обществѣ, и къ которымъ мы и обращаемся.

Этихъ рѣчей дошло три. Первая изъ нихъ, „О кротости“, была произнесена 9-го февраля 1801 г. ³⁾. Эта тема была одною изъ любимыхъ А. Кайсаровымъ: черезъ два года въ Геттингенѣ, въ первый день Пасхи онъ говорилъ собравшейся русской колоніи рѣчь на ту же тему ⁴⁾.

Рѣчь въ Дружескомъ Литературномъ Обществѣ начинается призывомъ переносить всякія жизненные напасти съ кротостью: „Пусть міръ платитъ намъ злобою — мы будемъ мстить ему *кротостию*: ею побѣждаются жесточайшіе злодѣи...“ Ораторъ ссылается на евангельское ученіе, на „удивительный примѣръ кротости“ І. Христа на крестѣ, на Сократа, умерщвляемаго ядомъ въ темницѣ; призывая друзей къ добродѣтели („Такъ, будемъ готовы умереть за добродѣтель, презрѣть міръ сей...“), онъ высказываетъ увѣренность, что его слова не бесплодны: „Нѣтъ, я вижу возгорающуюся въ насъ любовь къ кротости, любовь къ уподобленію Богу; чувствую, что вы обѣщаетесь быть ея послѣдователями...“

Во второй рѣчи, произнесенной 29-го марта 1801 г., Андрей Кайсаровъ трактуетъ „о томъ, что мнѣніе о славѣ зависитъ отъ образа воспитанія“ ⁵⁾. Честолюбіе ораторъ считаетъ прирожденнымъ чувствомъ: „Природа, произведя на свѣтъ человѣка, вмѣстѣ съ жизнію его вдыхаетъ ему любовь къ славѣ. Дитя желаетъ, чтобъ отличали его предъ сверстниками; возрастая, желанія его дѣлаются не столь ограниченными“... Часто человѣкъ жертвуетъ славѣ „своимъ спокойствіемъ, своимъ имуществомъ“, но, продолжаетъ ораторъ, „какъ же часто представляетъ онъ ее совсѣмъ въ ложномъ видѣ!“ Неправильный взглядъ на славу „есть плодъ дурного воспитанія“: „Если бы поэты не употребляли во зло дара своего, если бы они не прославляли плачевнаго разоренія цѣлыхъ имперій, не прославляли бы того пламени, которымъ пожжены несчастные жители мирныхъ деревень,

¹⁾ В. М. Истринъ, Изъ документовъ архива бр. Тургеневыхъ, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1913 г., № 3, стр. 14.

²⁾ См. въ XIV гл. моихъ Разысканій о соч. Жук—аго, отд. отд. стр. 249—250.

³⁾ Академич. рукопись, № 618, лл. 36—39.

⁴⁾ В. М. Истринъ, *Друж. Лит. Общ.*, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1910 г., № 8, стр. 287.

⁵⁾ Та же рукопись, лл. 68—70.

еслибъ они представили звѣроподобнаго героя, омытаго дымящеюся кровью невинныхъ, не милосердіе, но ужасъ и трепетъ несущаго во взорахъ, еслибъ они обнаружили пустой блескъ той мнимой славы, за которую гоняется сей безумецъ, то при одномъ имени Александра добродѣтельный юноша содрогнулся бы и страшился быть ему подобнымъ; если бъ историкъ выводилъ на сцену одну только истинную добродѣтель и лестную ея награду, невольнымъ бы образомъ юноша затверживалъ имена истинно великихъ, невольнымъ бы образомъ возраждался въ немъ огонь поревнованія, который вмѣстѣ съ лѣтами болѣе и болѣе согрѣвалъ кровь его“...: Ораторъ не отвергаетъ храбрости: „Пусть сердце война ожесточится на минуту, если враги грозятъ его отечеству, если онъ видитъ страждущую невинность; но послѣ битвы, великодушный воинъ вмѣстѣ съ посѣдѣлымъ великимъ героемъ Россіи, плачь надъ трупами лишенныхъ тобою жизни!“ Присовокупляется для иллюстраціи примѣчаніе: „Извѣстно, что великій Репнинъ плакалъ надъ трупами убитыхъ непріятелей по одержаніи имъ побѣды“ ¹⁾.

Истинная слава, по убѣжденію Андрея Кайсарова, заключается въ томъ, чтобы быть добрымъ, помогать несчастнымъ:

„Вы, которымъ отечество вручаетъ свѣтъ свой..., научайте питомцевъ своихъ узнавать истинную славу! Идите съ ними въ мрачныя темницы, гдѣ звукъ цѣпей приводитъ въ ужасъ, гдѣ стоны несчастныхъ приводитъ въ содроганіе чувствительнаго, идите съ ними къ болѣзненному одру безпомощной вдовицы, покажите имъ бѣдныхъ сиротъ, стоящихъ надъ пропастію смерти, не имѣющихъ руки благодѣтельствующей (въ рукописи описка: „благоденствующей“), покажите имъ невинно угнетеннаго, котораго жизнь въ опасности отъ суровости сего тирановъ,—покажите имъ всѣ эти трогательныя картины, и тогда, когда слезы навернутся на ихъ глазахъ, когда сердце ихъ будетъ раздираться отъ состраданія, скажите имъ: облегчить ихъ участь, пролить отраду въ душу ихъ—вотъ истинная слава!.. ²⁾. Пусть знаютъ насъ немногіе, но знаютъ подъ именемъ добрыхъ!“

¹⁾ Мотивъ о бранномъ героѣ, сердце котораго „отверсто состраданію“, который льетъ слезы надъ убитыми,—одна изъ излюбленныхъ темъ въ кругу нашихъ друзей: ее встрѣчали мы и у Жуковскаго и у Александра Тургенева, у Родзянки и у Мерзлякова; кн. Н. В. Репнинъ, другъ И. В. Лопухина,—лицо весьма близкое къ тому же кругу. См. въ IV главѣ моихъ Разысканій о соч. Жуков., отд. отд., стр. 63—65, и въ гл. XV, стр. 256—258.

²⁾ Мотивъ тоже присущій Тургеневскому кругу, встрѣтившійся уже у Жуковскаго: см. въ гл. IV моихъ Разысканій, отд. отд., стр. 60.

Разсужденія объ истинной славѣ были въ модѣ въ то время. По этому вопросу высказывались и въ стихахъ и въ прозѣ: см. *А. Н. Неустроевъ*, Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ за 1702—1802 г., Спб. 1898, стр. 626—627, подъ словомъ „Слава“. Изъ членовъ Дружескаго Литературнаго Общества по стихотворенію подъ заглавіемъ „Слава“ написали Мерзляковъ и Родзянка ¹⁾.

Послѣднюю свою рѣчь Андрей Кайсаровъ говорилъ 1-го іюня 1801 г.; тема ея—„О томъ, что мизантроповъ несправедливо почитаютъ безчеловѣчными“ ²⁾.

Исходной точкой для оратора является мысль, что „чувствительное сердце есть лучшій даръ, какимъ награждаетъ смертнаго премудрый Творецъ его: что можетъ быть пріятнѣе, какъ находить красоту тамъ, гдѣ она не существуетъ для грубаго и порочнаго чело-вѣка? съ чѣмъ сравнится та чистая радость, которую чувствуетъ это неспорченное сердце при обновленіи природы? Наконецъ, чѣмъ можно купить то сладкое его біеніе, когда душа, созерцая во всемъ благодать Отца нѣжнаго, стремится къ Нему въ объятія и обнимаетъ Его мыслию?.. Истинный мудрецъ довольствуется малымъ, онъ и подъ кровомъ бѣдной хижины почитаетъ себя счастливѣйшимъ смертнымъ“... Но „толпа бессмысленныхъ“ можетъ ожесточить чело-вѣка—и оттого-то рождались Демокриты, Діогены, Тимоны: нельзя думать, чтобы хотя одинъ изъ нихъ былъ отъ природы жестокосердъ, но опытъ часъ отъ часу болѣе ожесточалъ его: онъ родился съ нѣжнымъ сердцемъ, былъ готовъ любить ближнихъ, какъ братій своихъ, но, видя тамъ угнетенную невинность, тамъ достоинство ненагражденное, зидя добродѣтель, стѣнящую подъ тяжкими цѣпями тиранства, генія отъ нищеты умирающаго,—однимъ словомъ, видя всѣ ужасы, какіе только можетъ производить злоба людей,—онъ начинаетъ опасаться ихъ“... Неудачи, разочарованія, несчастія, „глубоко врѣзываются въ сердце страдальца, характеръ его перемѣняется, и изъ пылкаго дѣлается онъ осторожнымъ меланхоликомъ“. Измѣна ложнаго друга довершаетъ ударъ—и „въ изступленіи своемъ, не видя ничего, что бы могло привязать его къ людямъ, бѣжитъ онъ ихъ сообщества и, скрываясь во мракѣ лѣсовъ дремучихъ, разрываетъ послѣдніе союзы, которые связывали его съ ними“... Но, подчеркиваетъ ораторъ, не должно забывать, что такой чело-вѣкъ, и „разорвавъ цѣпи, связывавшія его съ чело-вѣчествомъ, не могъ разорвать союзовъ природы: сердце его оста-

¹⁾ См. въ XII и XV гл. моихъ Разысканій, отд. отд., стр. 188, 255—258.

²⁾ Академич. рукопись, № 618, лл. 118 обор.—122.

лось съ нимъ навсегда, оно готово помогать несчастному“—и потому всѣ симпатіи оратора принадлежать такому мизантропу-меланхолику: „наружность его сурова, между тѣмъ въ сердцѣ его никогда не заглушался гласъ добродѣтели!“ „И послѣ этого ты, плаксивый селядонъ, осмѣливаешься называть его тигромъ, извергомъ? Ты хочешь гнать его въ самой густотѣ лѣса? Ты, ямѣя обманчивую наружность чувствительности, утверждаешь, что въ немъ исчезли всѣ чувства?“

Обращаемся къ рѣчамъ другихъ членовъ Дружескаго Литературнаго Общества.

Вслѣдъ за рѣчью Мерзлякова 19-го января 1801 г. („При открытіи Собранія“) въ академической рукописи № 618 помѣщена (лл. 26—30) рѣчь Воейкова; время произнесенія ея не обозначено,—акад. В. М. Истринъ¹⁾ полагаетъ, что Воейковъ говорилъ въ томъ же за сѣданіи Общества 19-го января.

Рѣчь Воейкова характера историческаго: ораторъ бросаетъ „патріотическій взоръ“ на Россію эпохи господства „слова и дѣла“, и видитъ ее „обремененную цѣплями, рабствующую, не смѣющую произнести ни одного слова, ни одного вопля противъ своихъ мучителей: она принуждена соплетать имъ лживыя хвалы тогда, когда всеобщее проклятiе возгремѣть готово... Коварство и деспотизмъ, вооруженные симъ варварскимъ словомъ, острили косу смерти, чтобъ еще поскѣкать цвѣтъ сыновъ Россіи, еще продолжить царствованіе свое на престолѣ, изъ героевъ и костей невинныхъ россіянъ воздвигнутомъ... Таково было состояніе Россіи, когда явился Петръ Третій и челобѣколюбивою десницею переломилъ смертоносную косу тиранства—остановилъ потоки крови—уничтожилъ „тайную“,—упразднилъ темницы, жилище ненависти, отеръ слезы вдовъ и сиротъ; явился—и свѣтило благоденствія взшло для Россіи, и она начала вкушать спокойствіе, коимъ и при Петрѣ Великомъ наслаждалась“... И за это Воейковъ, считавшій Тайную канцелярію „тиранскимъ трибуналомъ, въ тысячу разъ всякой инквизиціи ужаснѣйшимъ... коего кровожаждущіе служители увлекали добродѣтельнаго отца изъ объятій плачущаго семейства, невиннаго супруга изъ объятій трепещущей супруги“...,—прославляетъ Петра III, какъ „лучшаго изъ царей, добродѣтельнаго, великаго монарха“: „Одно сіе дѣяніе достаточно сдѣлать безсмертнымъ имя Петра Третьяго,—оно звучнѣе ста побѣдъ убійственныхъ, славнѣе завоеванія царствъ, одно заслуживаетъ вѣнокъ, на коемъ не запеклась кровь ближняго“...

¹⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1910 г., № 8, стр. 287.

Второю великою заслугою Петра III ораторъ считаетъ дарованіе вольности дворянамъ; этимъ Петръ III „влилъ въ сердца подданныхъ благородный духъ, національное чувство гордости; это уже не рабы, изъ страха наказанія сражающіеся за своего господина,—это граждане, сражающіеся за отца-государя, за семейство согражданъ, за любезное отечество; и съ сего времени Россія считаетъ дни свои побѣдами“...

Наконецъ, ораторъ указываетъ и третье „мудрое, человѣколюбивое, великое дѣло, поставляющее въ храмъ добродѣтели имя Петра III подлѣ именъ величайшихъ законодавцевъ“—„отобраніе деревень монастырскихъ“; этимъ актомъ получили свободу „милліоны полезныхъ рукъ“, которые „кормили праздныхъ паралитическихъ членовъ государства—монаховъ“, а „сія туняядцы изъ любви ко... (многоточіе въ рукописи) отягчали добрыхъ безхитростныхъ поселянъ тяжелыми цѣпями“...

Ораторъ утверждаетъ, что слухи, которые „столько приписываютъ ему (Петру III) слабостей, такимъ злымъ его представляютъ“,—исходятъ „отъ жесточайшихъ его непріятелей, коихъ политической интересъ состоялъ въ томъ, чтобъ объ немъ дурно думали“... „Историки, писавшіе жизнь сего Государя, были иностранные наемники, вѣсившіе истину съ золотомъ, и когда вѣсы съ деньгами отъ тяжести металла опускались, вѣсы истины взлетали на воздухъ!!!“ „Между многими пороками укоряютъ сего Государя тѣмъ, что онъ подражалъ Фридриху Великому; но сіе то и доказываетъ яснѣе солнечнаго свѣта, что Петръ III былъ мудрый Государь, ибо онъ шествовалъ по стопамъ мудраго: благополученъ народъ, имѣющій царемъ Фридриха второго,—великъ государь, избравшій его примѣромъ! О, еслибы владыки земные менѣе были оригинальными Неронами и Калигулами, еслибы они менѣе старались прославиться опустошеніями, войною, грабительствами!“...

Ораторъ предлагаетъ лучше судить о Петрѣ III „по дѣламъ его, нежели по лживымъ клеветаніямъ подлыхъ измѣнниковъ, продавшихъ его, сихъ Іудъ, толикими сребренниками награжденныхъ“; онъ находитъ, что „Петръ III послѣ Петра I былъ величайшій изъ россійскихъ государей: онъ не былъ царемъ рабовъ, онъ былъ нѣжный отецъ нѣжныхъ дѣтей своихъ!“—и считаетъ совершенно несправедливымъ, что дѣянія Петра III оставлены русскими писателями безъ вниманія въ то время, какъ „признательная Россія благословляетъ память великихъ мужей, блиставшихъ на горизонтѣ ея“, и

„Демосеены наши, возбужденные благодарностію, прославили въ рѣчахъ любезныя имена ихъ, поэты, оживленные патріотизмомъ, воспѣли героевъ-россовъ, и Шуваловы, и Долгорукіе, Румянцовы и Суворовы преданы безсмертію“...

Императоръ Павелъ Петровичъ старался окружить почитаніемъ память своего отца. Послѣ разгрома Новиковскаго общества и другихъ мрачныхъ явленій конца царствованія Екатерины II, въ Тургевскомъ кругу, старшіе представители котораго получили рядъ милостей отъ Павла ¹⁾, естественно было поминать добромъ мѣропріятія Петра III. Отзвукомъ такого настроенія и была рѣчь Воейкова.

Для своей второй рѣчи Воейковъ избралъ тему „О героизмѣ“ ²⁾; онъ говорилъ 8-го марта. Содержаніе рѣчи не отличается глубиною. Признакомъ героизма ораторъ считаетъ пренебреженіе смерти, опасностей. „Золото дорого потому, что оно рѣдко; пренебрегающіе смерть герои знамениты потому, что они рѣдки“; и Воейковъ находитъ, что „должно почитать великими и удивляться геройскому мужеству, обширному разуму, рѣшимости въ опасностяхъ, твердости въ бѣдствіяхъ Александра, который съ горстью македонянъ покорилъ вселенную, Тамерлана, изъ невольниковъ сдѣлавшагося страшнымъ всему свѣту военачальникомъ... Кромвеля, изъ простаго офицера сдѣлавшагося царемъ Англіи“... и проч. ³⁾.

¹⁾ См. въ VII гл. моихъ „Разысканій о соч. Жуков.“, отд. отд. стр. 94.

²⁾ Авад. рукопись, № 618, лл. 57—59.

³⁾ На иной точкѣ зрѣнія, какъ мы видѣли, стоялъ по данному вопросу Андрей Кайсаровъ въ рѣчи „о славѣ“ („при одномъ имени Александра добродѣтельный юноша содрогнулся бы“...), которая и была, можетъ быть, имъ написана въ опроверженіе взгляда Воейкова. Кайсаровъ примыкалъ къ Жуковскому, высказавшемуся въ одѣ „Герой“ (1800 г.) такимъ образомъ:

Ахъ, что герой,—когда лишь кровью
Его написаны дѣла?
Когда лишь звуками сраженій
Онъ въ краткій вѣкъ свой знатенъ былъ?
Когда лишь мужествомъ и силой
Онъ путь свой къ славѣ отверзалъ?
Но что герой? Неужто бранью
Единой будетъ славенъ онъ?...
Ахъ, нѣтъ!...

Того же взгляда былъ и Мерзляковъ: „Маль тотъ, кто хочетъ быть только героемъ; кровь не украситъ лавроваго вѣнца его, когда станетъ онъ предъ престоломъ правды; звукъ побѣдъ его не заглушитъ проклятій разореннаго“... (Рѣчь въ Др. Лит. Обществѣ 19-го января, Акад. рукоп., № 618, л. 15).

Однако выше героев - завоевателей ставить ораторъ тѣхъ, которые „жили для благоденствія вселенной, пренебрегали смерть для счастья человѣчества, кидались въ опасности—для спасенія несчастныхъ; и Ласъ-Казасъ, защитникъ безсильныхъ индѣйцевъ, стократно болѣе заслуживаетъ имя героя, сражаясь за права человѣчества, нежели кровожадный корыстолюбивый Кортесъ, съ 200 испанцевъ въ одномъ сраженіи умертвившій болѣе тридцати тысячъ праводушныхъ индѣйцевъ... Петръ, просвѣтитель, преобразователь своего отечества, справедливѣе достоинъ носить имя великаго, нежели Александръ, опустошитель свѣта“... И рѣчь заканчивается призывомъ къ поэтамъ воспѣть дѣянія Петра:

„Мудрый отецъ отечества! Потомство удивляется твердости духа и благословляетъ благодѣтельные труды твои; имя твое велико и священо; оно врѣзано въ сердцахъ сыновъ твоихъ. Проснитесь, Гомеры! и пламенѣя живѣйшею благодарностію, возгремите геркулескіе Петровы подвиги; вселенная, какъ эхо, съ громомъ повторитъ пѣсни ваши!“...

Въ третій разъ Воейковъ выступилъ 11-го мая 1801 г. съ рѣчью „О предпріимчивости“ ¹⁾. Рѣчь вышла столь же малосодержательна, какъ и предыдущая. Вначалѣ—гимнъ дѣятельности: „Предпріимчивость есть мать всѣхъ наукъ, всѣхъ художествъ, всѣхъ изобрѣтеній... Противоположна сонливой бездѣятельности, лѣнливой праздности“... Слѣдуетъ перечень проявленій „предпріимчивости“: „водимый ею Коломбъ прошелъ моря неизвѣстныя... открылъ Америку; предпріимчивый Александръ начертилъ въ умѣ своемъ достойный духа его планъ всеобщей монархіи...; предпріимчивость Петра Великаго просвѣтила, преобразовала наше отечество, предпріимчивость Екатерины Великой

Ранѣе, въ стих. „Истинный Герой“, Мерзляковъ говорилъ:

Не лавры, омытые кровію смертныхъ,
 Намъ имя героевъ даютъ...
 Герой, кто отечества славу любя,
 Въ опасности бодро ввергаетъ себя;
 Средь брани кровавой брань презираетъ,
 И слезы несчастныхъ сиротъ отираетъ.
 Герой, кто на брани лишь правду священну
 Во сердцѣ геройскомъ хранитъ...
 Отечество, вѣрѣ и въ нѣдрахъ покоя
 Служить непрерывно: вотъ слава героя!

(Пріят. и полез. препр. времени, ч. X, М. 1796, стр. 256).

¹⁾ Академич. рукопись, № 618, лл. 108—110.

спасла Россію отъ золь и несчастій, возвела ее на высочайшую степень могущества и славы“... Далѣ упоминаются Ломоносовъ, Шелеховъ (мореплаватель), Суворовъ. „Ей (предпріимчивости) одолжены народы нынѣшнимъ своимъ просвѣщеніемъ; она соединила людей въ общества, построила грады, изобрѣла земледѣльческія орудія, создала пирамиды египетскія, раскопала нѣдры горъ“... и т. д. Далѣ, разсматривается и устанавливается различіе между понятіями „предпріимчивость“ и „рѣшимость“; и слѣдуетъ заключеніе: „Я закончу тѣмъ, что предпріимчивость свергаетъ съ престоловъ тирановъ, освобождаетъ народы отъ рабства, обнажаетъ хитрыхъ обманщиковъ, открываетъ ослѣпленнымъ народамъ въ жрецахъ ихъ—коварныхъ тунеядцевъ, въ *богахъ—истукановъ... предпріимчивость для суевѣрія есть Всемогущій Богъ, громами поражающій!!..“

Непонятно, почему вздумалось Воейкову вновь говорить по тому же вопросу, которому была посвящена рѣчь Мерзлякова 1-го марта („О дѣятельности“).

26-го января 1801 г. выступилъ въ Дружескомъ Литературномъ Обществѣ съ рѣчью „О томъ, что воображеніе доставляетъ намъ больше удовольствій, нежели существенность“ Михаилъ Сергѣевичъ Кайсаровъ ¹⁾.

Въ то сентиментально-романтическое время увлеченій не столько реальными наблюденіями, сколько фантазіями, вопросъ о воображеніи интересовалъ многихъ, что и нашло себѣ выраженіе, между прочимъ, въ журнальныхъ статьяхъ; рядъ такихъ статей, преимущественно переводныхъ, появился и на страницахъ московскихъ журналовъ:

О воображеніи (Утр. Свѣтъ, ч. IX, М. 1780, стр. 152 и слѣд.): „Воображеніе уподобляется вѣстницѣ, которая сохраняетъ сообщеніе между разумомъ и волею. Чувства подвержены его властительству и представляютъ ему предметы, за кои оно отвѣтствуетъ разуму, отсылающему оныя, по освидѣтельствованіи, къ волѣ, для рѣшенія или учиненія послѣдняго приговора“...

Сила воображенія изъ Психологическаго Магазина (Москов. Журналъ, ч. I, М. 1791, стр. 202): рассказъ о томъ, какъ пасторъ, надъ которымъ товарищъ подшутилъ, изъ засады измѣненнымъ голосомъ предсказавъ ему близкую смерть, умеръ въ самомъ дѣлѣ, принявъ шутку за голосъ свыше.

¹⁾ Акад. рукоп., № 618, лл. 31—35.

Объ удовольствіяхъ воображенія, перев. съ англійск., изъ соч. Аддисона (Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій, ч. X, М. 1793, стр. 484; ч. XI, 183; XII, 3, 207). „Подъ удовольствіями воображенія или фантазіи“ авторъ разумѣеть „приходящія отъ видимыхъ предметовъ, когда мы либо дѣйствительно ихъ видимъ, либо возбуждаемъ въ душѣ своей понятіе объ нихъ картинами, статуями, описаніями или другими сему подобными средствами“...

Живость воображенія въ прекрасномъ полѣ (Пріят. и пол. препр. вр., ч. X, М. 1796, стр. 305—328): „Воображеніе есть способность представлять себѣ *дѣйствительный* сей свѣтъ безъ пособія чувствъ,— или въ точномъ смыслѣ *мечтать*... Дѣйствія и свойства воображенія суть самый обильнѣйшій источникъ страданій... Воображеніе есть самый опаснѣйшій врагъ, который... всѣ страданія жизни въ десять кратъ дѣлаеть горестнѣе и мучительнѣе“...

Чудное дѣйствіе воображенія, изъ Мейснера, пер. Яценко (Пр. и пол. пр. вр., ч. XVI, М. 1797, стр. 121): каждый воръ, обкрадывающій впервые церковь, видитъ на каедрѣ призракъ—кричащаго пастора: это—крикъ его собственной совѣсти.

О воображеніи, перев. изъ Journal de Paris (Вѣст. Евр. ч. V, М. 1802, стр. 179): „Воображеніе—рука ума, по словамъ Свифта, которою мысленно касаемся до самыхъ отдаленныхъ предметовъ, и которой волшебное осязаніе украшаетъ всякую вещь—есть прелесть, сила и мука жизни, причина и средство удовольствій, горестей, добродѣтелей и пороковъ, великихъ дѣлъ и преступленій“... и проч.

Удивительное дѣйствіе воображенія, изъ фр. журн. (тамъ же, V, 210): преступникъ, которому объявили, что вмѣсто иной казни ему откроютъ кровь изъ четырехъ жилъ, завязали глаза и только тихонько укололи въ четырехъ мѣстахъ, умеръ дѣйствительно, не потерявъ ни капли крови, но воображая, что истекаетъ кровью.

Изъ членовъ Дружескаго Литературнаго Общества этимъ вопросомъ занимался также С. Е. Родзянка, который уже и напечаталъ статейку *О воображеніи*, переведа ея изъ *Esprit d'Anacharsis*¹⁾; здѣсь говорилось:

„Сія блистательная способность не столько занимается существеннымъ, сколько возможнымъ, коего область гораздо обширнѣе; нерѣдко даже возможному предпочитаетъ она вымыслы, которымъ нельзя положить границъ. Гласъ ея населяетъ пустыни, одушевляетъ самыя

¹⁾ Утр. Заря, ч. I, М. 1800, стр. 167—170.

бездушныя существа, переносить отъ предмета къ другому отличительныя ихъ свойства и цвѣты... увлекаетъ насъ въ жилище очарованій, въ тотъ идеальный міръ, гдѣ поэты, забывая все земное, забывая самихъ себя, мнятъ находиться среди духовъ высшаго степени“... и т. д.

Мих. С. Кайсаровъ въ своей рѣчи развиваетъ ту же мысль; человѣкъ, очень увлекшійся литературой ¹⁾, онъ сознается, что любитъ предаваться игрѣ своей фантазіи, которая и является для него источникомъ болышихъ наслажденій, нежели дѣйствительная жизнь. Въ началѣ рѣчи—цѣлый гимнъ воображенію:

„Что удовольствія существенныя въ сравненіи съ тѣми благами, которыми воображеніе заставляетъ насъ наслаждаться! Довольно ли для человѣка, коего душа безсмертна, велика, неизмѣрима, довольно ли, говорю я, для него вещей, которыя онъ однимъ взоромъ обнять можетъ? Нѣтъ, онъ стремится далѣе; ничто не препинаетъ полеть его: ему не довольно пролетѣть одну область, одно царство; онъ не останавливается на земномъ шарѣ, не останавливается на всѣхъ существующихъ мірахъ: онъ творитъ себѣ новый міръ, населяетъ его новыми тварями, украшаетъ его всѣми возможными и невозможными прелестями, воображаетъ себя плавающа по чистому эфиру, воображаетъ въ объятіяхъ своихъ прелестную Сильфиду, запечатлѣвающую уста его пламеннымъ поцѣлуемъ, воображаетъ восторги свои. Онъ счастливъ, счастливъ! Ахъ, если бы никогда не падалъ онъ съ своей высоты, на которую воображеніе его вознесло!.. Отчего жизнь большей части смертныхъ скучна? Оттого, что она обуздываетъ быстроту воображенія своего, которое одно даетъ намъ удовольствія, которое одно дѣлаетъ насъ счастливыми. Ахъ! сколь мало получаемъ мы удовольствій отъ предметовъ, коихъ воображеніе не украшаетъ“... Воображеніе украшаетъ предметъ страсти любовника, услаждаетъ горестъ заключеннаго въ темницѣ, „вливаетъ въ душу отчаяннаго бальзамъ надежды“, оно „вымыслило вѣчно зеленѣщіяся сады небеснаго Эдема“... „Не на крыльяхъ ли воображенія паритъ поэтъ въ восторгахъ своихъ? оно возноситъ его на небеса, оно присутствуетъ въ совѣтѣ боговъ, ему открывается книга судебъ предвѣчныхъ“...

Далѣе мы видимъ образчикъ игры фантазіи самого оратора: „Сколько разъ случалось мнѣ самому быть въ такомъ положеніи, которое для другого было бы скучно, почти несносно. Но я не чув-

¹⁾ См. въ XIV гл. моихъ Разысканій о соч. Жук., отд. отт. стр. 240—249.

ствовавь несчастія своего, потому что я леталь такъ же, какъ и теперь не престаю летать на крыльяхъ воображенія. Оно мнѣ представляетъ меня въ состояннн гораздо прекраснѣйшемъ, нежели въ какомъ я нахожусь: гуляю въ саду съ прелестными нимфами, слушаю тихую музыку, которая, смѣшивая тоны свои съ шумомъ быстрой рѣки, текущей подъ горою, погружаетъ меня въ пріятную задумчивость. Прихожу къ бесѣдкѣ, надъ дверью вижу надпись: *Храмъ дружбы*, вхожу въ него,—сладостное воспоминаніе о друзьяхъ извлекаетъ сладостныя слезы изъ глазъ моихъ, воспоминаю дружескія наши бесѣды, искреннюю и единокдушную любовь ко всему доброму. Иду далѣе, представляется глазамъ моимъ *храмъ любви къ отечеству*, и священное благоговѣніе исполняетъ душу мою священнымъ восторгомъ: тебѣ, любезное отечество, посвящаю себя, тебѣ въ жертву готовъ принести жизнь мою... Продолжаю путь свой..., вижу предъ собою *храмъ любви*. Вступаю въ него. О Амурь! чувствую всю власть твою; непонятное чувствованіе разливается по всѣмъ жиламъ моимъ; я нѣмѣю; не могу произнести ни одного слова, не могу почти дышать; ноги мои меня не держатъ; падаю, падаю въ ея объятія, въ объятія Лансы, свѣтъ помрачается въ глазахъ моихъ, умираю отъ сладострастія... Но все это мечта, друзья мои! Гдѣ же существенность? Ахъ, что удовольствія существенныя въ сравненн съ сими мечтами!... Ораторъ быстро переходитъ къ заключенію: „Я не буду больше стараться доказывать вамъ, друзья мои, справедливость моего предложенія; если доказательства мои слабы для васъ, по крайней мѣрѣ они сильны для меня: сердце мое мнѣ ихъ сказывало!...“

Для своей второй рѣчи, время произнесенія которой не отмѣчено въ рукописи, Мих. С. Кайсаровъ выбралъ наивно-фантастическую тему „о томъ, что если бы человекъ съ самаго рожденія оставленъ былъ на необитаемомъ островѣ, то могъ ли бы онъ отличать въ послѣдствіи времени пороковъ отъ добродѣтели“¹⁾.

Ораторъ самъ чувствуетъ зыбкость почвы, на которой хочетъ строить свое зданіе; онъ сознается, что „совершенно невозможно, чтобы младенецъ могъ на необитаемомъ островѣ одинъ достигнуть тѣхъ лѣтъ, въ которыхъ разсудокъ дѣйствуетъ“,—но это не останавливаетъ нашего любителя игры воображенія: „Положимъ, что какими-нибудь чудесными средствами онъ (младенецъ на необитаемомъ островѣ) остался живъ“; и онъ хочетъ рассмотреть, „какъ съ са-

¹⁾ Акад. рукоп., № 618, лл. 60—63.

мага младенчества предметы его окружавшіе дѣйствовали на его душу, какія понятія могъ онъ получить о порокахъ и добродѣтеляхъ. Все строится, разумѣется, на совершенно произвольныхъ предположеніяхъ; чувствуется вліяніе Руссо и Вольтера (его повѣсти „Простодушный“) ¹⁾. Въ видѣ вывода, въ заключеніе выставляется положеніе: „Вообще можно утвердительно сказать, что чувствованія порока и добродѣтели живо напечатлѣны на сердцѣ всякаго человѣка, какъ дикаго, такъ и общественнаго, съ тою только разностію, что дикій живѣ ихъ чувствуетъ, между тѣмъ какъ въ насъ они заглушены безчисленнымъ множествомъ предразсудковъ, которые мы поставили наряду съ добродѣтелями и пороками“.

Третья и вмѣстѣ послѣдняя рѣчь Михаила Кайсарова въ Обществѣ—на тему „О самолюбіи“ ²⁾; время произнесенія въ рукописи не отмѣчено. Рѣчь имѣетъ характеръ, такъ сказать, психологическій: ораторъ пытается опредѣлить первооснову, скрытую пружину всѣхъ человѣческихъ побужденій, стремленій, влеченій,—этой первоосновой онъ считаетъ самолюбіе:

„Самолюбіе!.. Вотъ причина всѣхъ страстей нашихъ! ³⁾ Вотъ причина всѣхъ добродѣтелей, пороковъ, великихъ дѣлъ и злодѣяній, ознаменовавшихъ слѣды человѣческіе на земномъ шарѣ! Вотъ побудительная причина всѣхъ дѣйствій“...

Стремясь свести къ одному принципу жизнь всей природы, но въ то же время наивно понимая подъ терминомъ „самолюбіе“ и себялюбіе, и чувство самосохраненія, и истиннѣе жизни, ораторъ рѣшается на довольно рискованныя утвержденія:

„Взгляните на голубой сводъ небесъ, въ которомъ днемъ сіяетъ солнце, ночью блестятъ луна и звѣзды; взгляните на зеленый лугъ, испещренный цвѣтами; на быструю рѣку, всегда однимъ путемъ текущую; на тысячи растений, на тысячи разнообразныхъ животныхъ, на удивительнѣйшее изъ всѣхъ твореній, на человѣка!—взгляните и скажите: *вотъ дѣйствіе самолюбія!*.. Посмотрите подъ навѣсомъ ва-

¹⁾ В. М. Истринъ, Изъ документовъ архива бр. Турген., *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1913 г., № 3, стр. 6.

²⁾ Академич. рукоп., № 618, лл. 111—115.

³⁾ Мысль, видимо, взятая изъ „Опыта о человѣкѣ“ Поппа:

Modes of self-love the Passions we may call

(Epistle II, v. 93). Въ русскомъ переводѣ Н. Поповскаго (М. 1757, стр. 24):

Не что иное наши страсти,

Какъ самолюбія различны видомъ части...

шего дома на птичьей гнѣзда—и скажите: *вотъ дѣйствіе самолюбія!*.. Если вы хотите знать настоящую цѣну добраго дѣла, войдите въ сердце человѣка и разберите, какая страсть заставляетъ его дѣлать добро—и вы всегда найдете самолюбіе главною дѣйствующею пружиною“... На рядѣ примѣровъ, смѣлыхъ, но не всегда удачныхъ, ораторъ старается показать, что самолюбіе бываетъ причиною благодѣяній („Вельможа покровительствуетъ человѣка съ дарованіями для того, чтобы прославлялъ его“... „Самолюбіе, овладѣвъ душою Петра Великаго, внушило въ него намѣреніе образовать народъ россійскій. Петръ, чувствуя всеожигающее пламя въ сердцѣ своемъ, встаетъ, шествуетъ исполинскими шагами, шествуетъ туда, гдѣ никто изъ предшественниковъ его ступить не осмѣливался, принуждаетъ идти за собою до толѣ въ грубости и невѣжествѣ утопавшій народъ свой; Петръ разрушаетъ всѣ преграды, которыя дерзновенные враги осмѣливались противопоставить его мужеству“... „Не самолюбіе ли водило Екатерину Великую во всѣхъ ея предпріятіяхъ? Мудрая законодательница Сѣвера, законодательница Европы, законодательница всего свѣта была самолюбивѣйшая изъ женщинъ“...); но оно же является и источникомъ бѣдствій для окружающихъ: самолюбіемъ руководились Александръ, Сулла, Марій, Октавій, Неронъ, Тиверій, Чингисъ-Ханы, Баты, Тамерланъ, Годуновы, Равальяки, Кромвели... Такъ наивно-прямолинейно пытался нашъ философъ свести всѣ дѣйствія человѣческія къ единой первопричинѣ!

Александръ Ивановичъ Тургеневъ произнесъ въ Дружескомъ Литературномъ Обществѣ двѣ рѣчи. Изъ нихъ первая ¹⁾, произнесенная 22-го марта, представляетъ собою похвальное слово И. В. Лопухину, котораго такъ почитали въ тургеневскомъ кругу ²⁾; свою характеристику высокихъ качествъ Лопухина ораторъ заканчиваетъ эпитафіей, которая, по его мнѣнію, должна украсить его мавзолей:

„Когда духъ Лопухина воспаритъ къ предвѣчному Отцу своему, то осиротѣвшіе друзья его напишутъ на камнѣ, который будетъ покрывать почтенный прахъ его:

Tout citoyen perdit un défenseur,
Tout malheureux un frère,
Tout honnête homme un ami.“

¹⁾ Акад. рукопись, № 618, лл. 64—67.

²⁾ Срв. у В. М. Истрина, Арх. бр. Тургеневыхъ, вып. 2-й, введеніе, стр. 29 и слѣд.; Журн. Мин. Нар. Просв. 1913 г., № 3, стр. 6—7.

Цѣль рѣчи—начертать высокій образецъ для подражанія; въ самомъ началѣ ораторъ заявляетъ:

„Я увѣренъ, что главная цѣль всѣхъ словесныхъ наукъ есть образованіе нравственнаго характера,—слѣдовательно, также цѣль и нашего собранія. Какой легчайшій способъ для достиженія сей цѣли? По моему мнѣнію—подражаніе людямъ отчужденной добродѣтели. Это самое побудило меня представить вамъ живую картину“¹⁾.

Вторая рѣчь Александра Тургенева—„О томъ, что люди по большей части сами виновники своихъ несчастій и неудовольствій, случающихся въ жизни“²⁾. Время произнесенія въ рукописи не показано. Содержаніе ея—отвлеченно-моральное. Ораторъ стоитъ на оптимистической точкѣ зрѣнія: „Истинный философъ—говоритъ онъ—всегда ощущаетъ и проповѣдаетъ, что все къ лучшему“³⁾, потому что въ физическомъ мірѣ зло содѣйствуетъ добру и что въ сущности ничто не вредитъ природѣ“. Виновниками несчастій и неудовольствій человѣка являются его страсти: „Въ физическомъ мірѣ больше развито добра, нежели зла,—слѣдовательно, не существенности, но химеры долженъ человѣкъ страшиться, не тѣлесной боли, не смерти, но *сильныхъ возмущеній души, страстей и скуки*“.

Съ тою же точкой зрѣнія, на какой стоитъ Александръ Тургеневъ по данному вопросу, мы встрѣчаемся и у Жуковского, напр., въ его одѣ „Человѣкъ“:

Ты страдешь отъ себя...

Твой рай и адъ въ тебѣ!.. Брань, брань твоимъ страстямъ!⁴⁾

Также въ стихотвореніи „Миръ“ и въ рѣчи Жуковского „О страстяхъ“, о которой будемъ говорить ниже.

Александръ Тургеневъ заключаетъ свою рѣчь патетическимъ воззваніемъ:

„Великій Боже! прости къ намъ отеческій взоръ безпредѣльнаго твоего милосердія, вразуми насъ, сними завѣсу съ очей нашихъ, да вникнемъ сами въ себя и ощутишь, узримъ, что въ насъ течетъ за-

¹⁾ Припомнимъ, что и Жуковский имѣлъ передъ собою образъ И. В. Лопухина, рисуя въ рѣчи на пансіонскомъ актѣ 14-го ноября 1798 г. „благодѣтеля человѣчества“ (см. въ IV гл. моихъ Разысканій о соч. Жук., отд. отт. стр. 60).

²⁾ Акад. рукоп., № 618, лл. 115 обор.—118.

³⁾ Отзывъ оптимистическихъ идей Шефтсбюри, Попа („Опытъ о человѣкѣ“), высказывавшихся также и Карамзиннымъ (см. *Галаховъ*, Карамзинъ какъ оптимистъ, Отеч. Зап. 1858 г., № 1).

⁴⁾ Срв. X гл. моихъ Разысканій, отд. отт., стр. 172.

разительный источникъ, возмущающій душу нашу, заставляющій насъ роптать на Тебя, Отецъ любви и милосердія, — что ничтожное Твое созданіе осмѣливается приписывать Тебѣ то, что противно Божескимъ Твоимъ свойствамъ; осмѣливается называть Тебя источникомъ зла, разлитого во вселенной, осмѣливается потому только, что въ глубинѣ сердца своего увѣрено оно, что безпредѣльная *благодать* Твоя превосходитъ Твое правосудіе“.

С. Е. Родзянка произнесъ въ Обществѣ также только двѣ рѣчи. Родзянка слылъ у друзей философомъ, и сюжеты его литературныхъ произведеній, о которыхъ мы говорили въ главѣ XV, вполне подтверждаютъ его интересъ къ серьезнѣйшимъ вопросамъ мысли ¹⁾. Изъ его рѣчей въ обществѣ отъ первой сохранился только отрывокъ ²⁾; она трактуеть „О безсмертіи души“:

„Любезные друзья! кого не ужасаетъ та грозная минута, когда вселенная для него исчезнетъ, и въ мрачной могилѣ погребутся всѣ его желанія, надежды, намѣренія?... Но отчего всѣ боятся смерти? Развѣ она вмѣстѣ съ тѣломъ истребляетъ и нашу мыслящую разумную душу? Развѣ за гробомъ ждетъ насъ ничтожество? Развѣ несчастному праведнику и щастливому злодѣю положено въ уставахъ судебъ—одному за добродѣтели свои пить горькую чашу несчастій, а другому—за свои злодѣйства всѣми благами жизни наслаждаться? Матеріалисты! согласите эту мысль съ истиною, что есть благое Существо, устроившее вселенную!.. Такъ, друзья мои! такъ! отвергать безсмертіе души значитъ отвергать бытіе Божіе; и я скорѣе согласился бы присоединиться къ безумному сонмищу атеистовъ, нежели признавать бытіе Бога и называть Его злымъ, несправедливымъ тираномъ! Ибо не то ли значитъ не вѣрить, что Онъ накажетъ злыхъ и наградитъ добрыхъ? Не то ли значитъ ставить порокъ съ добродѣтелью?.. Душа наша безсмертна! Какъ можно отвергать столь утѣшительную, сладостную мысль?.. Необходимо долженъ быть другой міръ, гдѣ бы ужасныя неравенства здѣшняго міра загладились, гдѣ бы добродѣтельные стали на своемъ мѣстѣ, гдѣ бы кончились угнетенія, гдѣ бы гонители не имѣли никакой власти, гдѣ бы, наконецъ, человекъ былъ равенъ человеку... Удивительно, что есть люди, добровольно отвергающіе столь сладкую надежду“...

¹⁾ Срв. у В. М. Истрина, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1913, № 3, стр. 11.

²⁾ Акад. рукоп., № 618, л. 89 обор.—90; далѣе слѣдуютъ чистые листы: рѣчь почему-то не окончена перепиской.

Вторая рѣчь С. Е. Родзянки—„О Богѣ“¹⁾; время произнесенія также не обозначено. Человѣкъ твердо вѣрующій, и въ своей литературной дѣятельности, какъ мы видѣли, проявившій особый интересъ къ вопросу о Божествѣ, Родзянка въ своей рѣчи говорилъ „о самомъ важномъ, о самомъ священномъ для человѣка предметѣ—о бытїи Божіемъ“. Содержаніемъ рѣчи служитъ опроверженіе нѣсколькихъ атеистическихъ положеній изъ сочиненія французскаго философа-матеріалиста барона Гольбаха „*Système de la Nature*“ (которое въ 1770 г. вышло съ именемъ Мирабо, какъ автора книги); положенія эти Родзянка выписываетъ, переводя по-русски, разбираетъ и представляетъ свои возраженія. Возражаетъ нашъ ораторъ и противъ приводимаго имъ положенія Декарта: „Если бы мнѣ дали матерїи и движенія, я бы сотворилъ міръ“. Родзянка горячо нападаетъ на атеистовъ, грозитъ имъ судомъ Божіимъ²⁾. Свою же точку зрѣнія онъ выражаетъ такими словами: „Любезные друзья! Есть Богъ! Есть Богъ! И солнце, и песчинка, и біеніе сердца, и мыслящая безсмертная душа наша— все повѣдаетъ намъ, что Онъ есть, что Онъ благъ, всемогущъ, премудръ, непостижимъ“...

Можно думать, что на рѣчь Родзянки нѣсколько повліяла статья „Разсужденіе о бытїи Божїи“ свящ. Матвѣя Пахомова, напечатанная въ „Растущемъ Виноградѣ“ за 1786 г., мартъ, стр. 13—33: здѣсь авторъ также нападаетъ на „такъ называемыхъ аеистовъ или безбожниковъ“, зараженныхъ „онимъ смертоноснымъ ядомъ“; бытіе Божїе доказываетъ, — говорится здѣсь, — и „видимое нами движеніе солнца, которое отъ начала временъ возжено рукою Всемогущаго, которое ліетъ на всю вселенную свѣтъ и теплотворную силу... солнца, великаго о Творцѣ своемъ проповѣдника“... и „луна, вѣрная нашей планетѣ спутница, тихій, любезный и прїятный свѣтъ къ намъ ниспосылающая“... и др. планеты, и времена года, и „благоустроеніе во всякой вещи“...³⁾.

Въ „Вечерней Зарѣ“ (ч. III, М. 1782) помѣщены: а) „Разсужденіе о бытїи Бога, выведенное изъ разсматриванія природы“ (стр. 1—18),

¹⁾ Акад. рукоп., № 618, лл. 94—99.

²⁾ Срв. у В. М. Истрина, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1913 г., № 13, стр. 11.

³⁾ У Родзянки (л. 98 обор.): „Вообразимъ, что всѣ планеты солнечной системы образовались слѣбнымъ случаемъ. Неужели самый случай назначилъ имъ пути, по которымъ онѣ текутъ, не сталкиваясь одна съ другою и не подвергаясь опасности разрушиться? Неужели случайнымъ образомъ возникло посреди ихъ солнце, которое ихъ освѣщаетъ?... Обратимъ взоръ на обитаемую нами планету“... и проч.

гдѣ тоже указывается на солнце, луну..., и б) разсужденіе Локка „О познаніи Божія бытія“ (стр. 18—42), перевелъ съ латинскаго филологической при Императорскомъ Московскомъ университетѣ семинаріи студентъ Михайло Антонскій.

Въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, въ концертѣ 13-го февраля 1799 г. одинъ изъ воспитанниковъ излагалъ „Мысли о бытіи Божіемъ“; здѣсь говорилось: „Какъ прекрасна, утѣшительна сія великая и возвышенная мысль, что Богъ существуетъ! Природа возвѣщаетъ Его повсюду и повѣдаетъ о Немъ всей вселенной. Вознесемъ, Л(юбезные) Т(оварищи), къ симъ возвышеннымъ истинамъ“... 1).

Нечего и говорить, что еще болѣе сильно должны были повліять на Родзянку идеи, проводившіяся въ книгѣ, которую, по указанію А. А. Прокоповича-Антонскаго, должны были читать воспитанники Университетскаго Благороднаго Пансіона, — „Размышленія о дѣлахъ Божіихъ въ царствѣ природы и Провидѣнія“.

XXIX.

Между рѣчами, произносившимися въ Дружескомъ Литературномъ Обществѣ 1801 года, три рѣчи принадлежатъ Жуковскому. Эти произведенія представляютъ весьма значительный интересъ въ качествѣ матеріала для опредѣленія міросозерцанія и настроеній нашего поэта въ первое время по выходѣ его изъ Университетскаго Благороднаго Пансіона.

Съ первою рѣчью въ Обществѣ Жуковскій выступилъ 27-го февраля 1801 года; темою онъ избралъ вопросъ о дружбѣ 2).

По этому вопросу, живо интересовавшему въ ту сентиментальную эпоху, существовала у насъ уже цѣлая литература, въ стихахъ и прозѣ, главнымъ образомъ переводная.

Классическое разсужденіе Цицерона „*Laelius de amicitia*“ было переведено (съ латин.) Мих. Павловымъ и вышло въ печати подъ заглавіемъ: „Лелій или о дружествѣ“. С.-Пб. 1781.

Почти десятилѣтіемъ ранѣе появилась въ двухъ переводахъ книжка: „Разсужденіе о дружествѣ, соч. г-жи маркизы де-Ламбертъ, перев. съ французскаго Сергѣй Смирновъ“, С.-Пб. 1772; другой переводъ вышелъ въ томъ же 1772 году въ Москвѣ; а въ Новиковскомъ „Московскомъ Ежемѣсячномъ Изданіи“, М. 1781, ч. II, стр. 54—80, опять появляется „Разсужденіе о дружбѣ г-жи де-Ламбертъ“.

1) Иппокрена, I, М. 1799, стр. 241.

2) Академич. рукопись, № 618, лл. 44—52.

Еще въ 1763 г., на страницахъ „Невиннаго Упражнянія“ (И. О. Богдановича), М. 1763, стр. 33, была напечатана переводная статейка „Опытъ о дружбѣ“. Впослѣдствіи Богдановичъ пишетъ „Стихи на дружбу“:

О дружба, даръ небесный!
Тобою счастливы на свѣтѣ мы,
Тобою кроткіе умы
Чувствительныхъ сердець союзъ узнали тѣсный¹⁾...

Въ 1764 г. вышла книжка „Дѣйствія дружбы“, переводъ съ франц. яз. Москва, 1764²⁾, переизданная въ 1773 г. Въ еженедѣльникѣ „Вечера“, ч. I, С.-Пб. 1772, стр. 137—141 была помѣщена небольшая статейка „О дружбѣ“, на тему: Дружба имѣеть своимъ основаніемъ добродѣтель.

Новиковскій „Утренній Свѣтъ“ (ч. II², М. 1779, стр. 216—223) далъ статейку „О дружбѣ“, въ которой исчисляются „мнѣнія древнихъ мудрецовъ о сей матеріи“.

„С.-Петербургскій Вѣстникъ“ (ч. V, С.-Пб. 1780, стр. 243—262) напечаталъ стих. „О дружбѣ“, перев. изъ Гагедорна.

Новиковскій „Покоящійся Трудолюбець“ (ч. I, М. 1784) далъ двѣ статьи на тему о дружбѣ: 1) довольно обширную „Рѣчь къ молодымъ дѣтямъ о выборѣ друзей“ (стр. 17—37), гдѣ дѣлаются предостереженія противъ неосмотрительнаго увлеченія дружбой къ недостойнымъ того, выясняются „законы“ и „правила“ дружбы; 2) небольшое разсужденіе по вопросу, „Въ счастіи ли нужнѣе друзья или въ несчастіи“ (стр. 103—109).

„Дѣтское Чтеніе для сердца и разума“ (ч. III, М. 1785, стр. 3—8) печатаетъ статейку „Дружба“, повѣсть „Великодушіе дружбы“ (Дѣт. Чт., ч. IX. М. 1787, стр. 144—195); „Уединенный Пошехонецъ“ (ч. I, Ярославль, 1786, стр. 106—108) сообщаетъ „Размышленія о добродѣтели и дружбѣ“, а его продолженіе—„Ежемѣсячное Сочиненіе“ (Ярославль, 1787)—нѣсколько статей въ томъ же родѣ: „Любовь и дружба“ (ч. I, стр. 145), „О дружбѣ“ (I, 224), „Польза, происходящая отъ дружества“ (I, 228—238); академическія „Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія“ помѣстили двѣ статейки: „Письмо о дружбѣ“

¹⁾ Соч. Богдановича, изд. А. Смирдина, С.-Пб. 1848, т. I, стр. 347.

²⁾ Романъ на тему: Два друга любятъ одну и ту же дѣвушку; каждый рѣшается пожертвовать собой. Одинъ изъ нихъ разсуждаетъ: „Легко сыскать такихъ красавицъ, въ конхъ влюбиться можно; но лишенія истиннаго друга никогда наградить нельзя; се сокровище предпочтительнѣе всѣхъ прочихъ“ (стр. 84).

къ кн. Е. Р. Дашковой“ (ч. LXXIII, С.-Пб. 1792, стр. 3—8) и „Перечень изъ письма лорда Честерфильда къ своему сыну о дружбѣ и хорошемъ обществѣ“ (ч. СXXI, С.-Пб. 1796, стр. 69—75).

Карамзинъ въ своей „Аглаѣ“ (кн. I, М. 1794, стр. 80—90) въ повѣствовательно-діалогической статейкѣ иллюстрируетъ „Нѣжность дружбы въ низкомъ состояніи“ (выводятся двѣ молодыя крестьянки); въ „Аонидахъ“ (кн. I, М. 1796, стр. 122) онъ печатаетъ стих. К. К. Урусовой „Чувство дружбы“¹⁾, а въ „Пантеонѣ иностранной словесности“ (кн. 2, М. 1798, стр. 199—228)—статью „О дружбѣ“ (за подписью „Ривароль“).

Въ „Пріятномъ и полезномъ Препровожденіи времени“ появилось также нѣсколько обработокъ темы о дружбѣ: „Дружба“, изъ Мерсье (ч. VII, М. 1795, стр. 197—201); „Геній дружества“, ода (ч. XVII, М. 1798, стр. 141—144); „Пріятность дружбы“ (ib., стр. 148—150); „Къ дружбѣ“, пер. съ нѣмец. (ib., 318—319).

Въ „Ипшкреиѣ“ находимъ то же самое: „Къ дружбѣ“, отрывокъ (родъ гимна дружбѣ), пер. Вышеславцова (ч. I, М., 1799, стр. 330); „Источникъ дружбы“, съ фран. (IV, стр. 3—8); „Дружба“, съ англійскаго (ч. IV, стр. 193).

На актѣ въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ 22-го декабря 1800 г. воспитанники Петинъ, Артемьевъ и Храповицкій вели французскій „разговоръ“ (dialogue) на тему: „Les avantages de l'amitié dans la jeunesse“; это—сценка (школьная декламация), носящая заглавіе: *Von ami passe trésor, proverbe* (Рѣчь, разговоръ и стихи, читанныя на торжественномъ актѣ Университетскаго Благороднаго Пансіона 22-го декабря 1800 г.).

Культь дружбы получилъ въ Жуковскомъ теоретика, истолкователя и горячаго пропагандиста; такимъ выступилъ онъ прежде всего въ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ въ Дружескомъ Литературномъ Обществѣ. Тема о дружбѣ Жуковскому, какъ и Мерзлякову въ рѣчи послѣдняго въ Обществѣ,—о чемъ см. выше,—навѣяна, очевидно, влияніемъ той же среды, въ которой онъ въ это время вращался, и внушенія которой ранѣе выразились въ мотивахъ о добродѣтели,

¹⁾ Здѣсь, между прочимъ, читаемъ:

Въ дружбѣ сладость заключенна,
 Вся отрада жизни въ ней;
 Въ сердцѣ радость умерщвленна,
 Все противно безъ друзей.

проникающихъ кансіонскія произведенія нашего поэта ¹⁾; теперь отзвучомъ воздѣйствій бывшаго „Дружескаго Ученаго общества“ и Тургеневскаго круга у Жуковского являются другіе мотивы и темы, также интересовавшіе представителей этой среды и разрабатывавшіеся на страницахъ изданій и сочиненій, здѣсь возникавшихъ.

Первая рѣчь Жуковского, о которой мы заговорили, открывается стихотворнымъ эпиграфомъ:

Любовь и дружба—вотъ въ чемъ можно
Себя подь солнцемъ утѣшать!
Искать блаженства намъ не должно,
Но должно менѣ страдать!
И кто любимъ, его былъ любимымъ,
Былъ другомъ, нѣжнымъ, свято-чтенымъ,
Тотъ въ мірѣ семь не даромъ жилъ,
Не даромъ землю бременилъ!

Эпиграфъ этотъ послужилъ исходнымъ пунктомъ послѣдующаго разсужденія:

„Друзья мои! кто изъ васъ не повторить сего со мною? Мы живемъ въ печальномъ мірѣ и должны—всякой въ свою очередь—искать горести, назначенныя намъ судьбою ²⁾, и если нѣжная дружба, если пламенная любовь соединятся, чтобы облегчить страданія наши, то возблагодаримъ милосердное Небо! Я буду говорить съ вами о дружбѣ,—и что больше и пріятнѣе можетъ занимать насъ въ сіи минуты, посвященныя всему доброму, какъ не дружба небесная, благодатная, улаждающая горести, оживляющая радости и наслажденія житейскія? Любовь — которую не сравниваю съ дружбой, любовь страсть сильная, пламенная—должна неоспоримо уступить ей!—Любовь часто бываетъ источникомъ горести, дружба всегда приноситъ съ собою радость и утѣшеніе; любовь воспламеняетъ быстро, горитъ сильно и совѣмъ потухаетъ, если не успѣетъ обратиться въ дружбу, которой чистое пламя кротко, нѣжно грѣетъ сердце теплотою животворной и его не распалаетъ. Наконецъ, любовь въ этомъ мірѣ—гонима и несчастна; предразсудки, бѣдность, честолюбіе и гордость нерѣдко разрушаютъ два сердца, созданныя другъ для друга, и роютъ

¹⁾ О чемъ см. въ IV главѣ моихъ Разысканій о соч. Жуков., отд. отд. стр. 95 и слѣд.

²⁾ „Жизнь, другъ мой,—бездна слезъ и страданій“, говорилъ Жуковский еще въ 1797 г., въ стих. „Майское утро“. О вліяніяхъ, подь которыми выработался взглядъ на жизнь, какъ на „юдоль плача и скорби“, см. въ IX главѣ моихъ Разысканій о соч. Жуковского.

между ими пропасти неприступныя. Дружба не боится ни злобы, ни предрасудковъ, никакая сила не можетъ разлучить сердецъ, соединенныхъ самою природою, ни моря шумящія, ни степи непроходимыя, ни гоненія оскорбленнаго рока,—дружба и подъ кровомъ сельскимъ все та же чистая божественная дружба, утѣшительница добродѣтельныхъ, гений-хранитель тружениковъ міра. Пиагоръ въ разговорѣ о дружбѣ сказалъ: Я не одинъ, когда со мною другъ мой, однако жъ насъ не двое,—сильное, много значащее изреченіе, достойное великаго философа, который произнесъ его“.

Вопросъ объ отношеніи дружбы къ любви былъ уже достаточно разъясненъ въ тогдашней литературѣ:

Въ VII части новиковскаго „Утренняго Свѣта“ напечатана ст. „Любовь и дружба“ (мнѣнія Паскаля, пер. А. Тейльса, гл. 18, стр. 216—225); въ „Московскомъ ежемѣсячномъ Изданіи“—„О любви и дружбѣ“ (ч. I, М. 1781, стр. 258—264); въ I части „Вечеровъ“ (1-е изд. С.-Пб. 1772 г., стр. 167, 2-е изд. М. 1788, стр. 189)—стих. „Любовь и Дружба“; въ „Аонидахъ“—два стихотворенія подъ тѣмъ же заглавіемъ: „Любовь и дружба“ (I, 258; II, 66).

Въ „Разсужденіи о дружествѣ“ маркизы де-Ламбертъ (С.-Пб. 1772, стр. 13) читаемъ: „Любовь похищаетъ всю живость дружества; сія страсть безпокойна, а дружество есть чувствованіе сладкое и порядочное. Любовь подаетъ душѣ радость упоевающую, за которою иногда слѣдуютъ сильныя печали; дружество же есть радость разума, всегда чистая и всегда равная, ничто ее ни перемѣнить, ни пресѣчь не можетъ; она питаетъ душу“.

Въ стих. „Любовь и дружба“ (Аониды, I, 258—259) говорилось:

Кто можетъ дружбѣ предпочесть
 Любовь, мучительницу злую?
 Зримъ въ первой истину святую,
 Въ другой—обманы, ложь и лесть.
 Любовь разсудка не имѣетъ,—
 Все видитъ дружба и цѣнитъ;
 Минута первую живить,
 Та ввѣкъ свой жаръ хранить умѣетъ.
 Любовь для сердца лютой ядь,
 А дружба бальзамъ несравненной:
 Мы только ею въ жизни брэнной
 Вкушаемъ множество отрадь.
 Любовь къ безумію приводитъ...
 Прелестна дружба безъ заразъ
 До совершенства все доводитъ.

Любовь питается тоской,
Но дружба скорби разсвѣтаетъ
И добродѣтель подерѣвляетъ,
Нерѣдко страждущу отъ той.
Она невинности подруга
И крѣпкимъ служить ей щитомъ...
Какъ сладко жить въ объятяхъ друга...

Отсюда и могъ кое-что позаимствовать Жуковский для своей рѣчи.

Далѣе, нашъ ораторъ ближайшимъ образомъ опредѣляетъ поставленную имъ себѣ задачу:

„Я не буду распространяться въ дефиниціяхъ дружбы, я скажу только, что она есть чистый неразрывный союзъ двухъ сердець, рожденных одно для другого, что она имѣетъ свои обязанности, свои законы, которые сама себѣ начертала и безъ которыхъ существовать не можетъ“.

О правилахъ и законахъ дружбы говорилъ уже Цицеронъ въ своемъ діалогѣ „Лелій о дружбѣ“; говорилось о томъ же въ „Рѣчи къ молодымъ дѣтямъ о выборѣ друзей“ въ новиковскомъ „Покоящемся Трудолюбцѣ“ (ч. I, М. 1784, стр. 17 и сл.). Здѣсь отмѣчено, что „природныя чувствованія благосклонности, испытываемыя нами въ пользу незнакомыхъ намъ людей“, могутъ повести къ дружбѣ съ недостойнымъ, и устанавливается, что „первый законъ въ разсужденіи союзовъ состоятъ въ недопущеніи на случай тѣхъ, коихъ случай намъ представляетъ, и въ неслѣдованіи въ нашихъ склонностяхъ однимъ впечатлѣніямъ природы... Станемъ внимать природѣ, но разсудокъ да управитъ движенія оныя; чтобъ одна насъ побуждала, а другой бы руководствовалъ... Второй законъ дружбы состоятъ въ томъ, чтобъ не предаваться никому безъ разсмотрѣнія, по нѣкоторому только сходству вкусовъ или честныхъ склонностей, ибо онѣ могутъ соединены быть съ другими, кои совсѣмъ тому противны“... Устанавливается правило: „Не принимайте никого въ дружбу, не узнавъ напередъ рачительно его нравовъ и свойства,—сіе единое правило въ разсужденіи дружбы заключаетъ въ себѣ всѣ другія“... При такихъ условіяхъ осторожности и требовательности, естественно признаніе, что „столько же трудно сдѣлать хорошій выборъ, сколько опасно сдѣлать худой“... „Большая часть сочинителей, писавшихъ о сей матеріи, не безъ довольныхъ причинъ утверждаютъ, что выборъ друзей имѣетъ великія затрудненія...; причина состоятъ въ томъ, что между безчисленнымъ множествомъ людей, родившихся къ общежи-

тельству, малое токмо число годно къ дружеству“... Изображается вредное вліяніе недостойнаго друга: „Порочный другъ испортитъ невиннаго друга; онъ тотчасъ постарается скрыть себя, кто онъ таковъ и что мыслить... онъ ничѣмъ не утрашитъ пужливыхъ глазъ; онъ ничего не скажетъ, что можетъ досадить непорочному слуху; даже и самое его чело при случаѣ покроеся знаками кротости и стыдливости. Сему подобными приманками онъ постарается пріобрѣсть его сердце; онъ отдѣлать его иногда отъ его товарищей, и введетъ въ тайные разговоры; тутъ то безъ зазрѣнія или съ ложною стыдливостію открываютъ всѣ страсти души своей, свои мысли, свои желанія, свои преступленія; тутъ то взаимно дышутъ яда исполненнымъ дыханіемъ; тутъ то наконецъ все остающееся отъ стыда, благочестія и невинности испровергаемо бываетъ хитростями одного, и теряется неразуміемъ другого“... ¹⁾).

Жуковскій, ознакомленный, конечно, въ Тургеневскомъ кружкѣ со взглядами на дружбу Н. И. Новикова и лицъ, къ нему примыкавшихъ, долженъ былъ знать „философическія и нравоучительныя“ статьи „Покоящагося Трудолюбца“ и подобныхъ ему изданій. Но нашъ поэтъ къ вопросу о дружбѣ подходитъ съ иной стороны; онъ ищетъ прежде всего искренности и силы чувства дружбы, опасается притворства:

„Вы конечно согласитесь со мною, говоритъ онъ, что человѣкъ соединенъ съ человѣкомъ нѣкоторымъ внутреннимъ чувствомъ родства, даннымъ ему отъ природы, а можетъ быть еще и больше своими собственными выгодами, ибо человѣкъ безъ человѣка былъ бы самою бѣдною, беспомощною тварію въ свѣтѣ; но вы согласитесь также, что сей союзъ, сколь онъ впрочемъ ни силенъ, не можетъ назваться именемъ дружбы—и даже ничто въ сравненіи съ нею ²⁾). Посреди милліоновъ мнѣ подобныхъ существуетъ для меня только одинъ человѣкъ, къ которому стремится мое сердце, котораго одного оно требуетъ и одного любить хочетъ съ тою нѣжностію, съ тѣмъ жаромъ,

¹⁾ Покоящ. Трудолюбецъ, I, 30.

²⁾ Въ другой статейкѣ „Покоящагося Трудолюбца“, посвященной вопросу „Въ счастіи ли нужнѣ друзья или въ несчастіи“ (I, 105), читаемъ: „Нѣкоторые философы думали, что дружество произошло отъ недостатка силъ. И для того единственно должно было непрежбно искать дружества, дабы можно оказывать и взаимно получать благодѣянія. То есть, чего кто самъ по себѣ не могъ имѣть, то получалъ бы отъ другихъ, и взаимно вспомошествовалъ бы другому, и симъ способомъ получалъ бы желаемое: но сіе мнѣніе опровергаетъ Цицеронъ въ письмѣ къ Лелію, и думаетъ, что подлое и неблагородное будетъ происхожденіе дружества, если признать, что оное раждается отъ недостатка и бѣдности“.

который только дружбѣ приличенъ—и это мой другъ, мой любимецъ, которому душа моя поклялась; въ груди его бьется половина моего сердца, онъ хранитель моихъ чувствъ, моихъ мыслей, онъ раздѣляетъ мое счастье, сносить мои горести—съ нимъ не страшны для меня лѣса дремучіе, съ нимъ сельская хижина прелестнѣе для меня чертоговъ пышныхъ, однимъ словомъ это второй я, котораго ничто, ничто не разлучить со мною“.

„Но какъ рѣдокъ такой другъ! Гдѣ найдемъ человѣка, который бы рѣшился пожертвовать большею частію самого себя для того единственно, чтобы удвоить существо свое въ своемъ другѣ. Выборъ самое трудное въ дружбѣ, мы повинемся влеченію своего сердца и бываемъ обмануты; и кто не обманется, видя нѣжную, пламенную любовь, изображенную въ лицѣ дружелюбномъ, внимая трогательнымъ изъясненіямъ добродушія, которыя ни мало не согласны съ сердцемъ. Ты бросаешься со всѣмъ изступленіемъ радости въ объятія, которыя—казалось—только для тебя были отверсты, и находишь ледъ, трепещущій въ груди, къ которой ты прижимаешься,—несчастнѣйшій опытъ лишаетъ бодрости,—недовѣрчивость заступаетъ мѣсто свободной непринужденности, большая и лучшая часть жизни твоей проходитъ въ тщетныхъ изысканіяхъ; если ты наконецъ найдешь сердце добродѣтельное, готовое слиться съ твоимъ сердцемъ, то уже будетъ поздно — время драгоцѣнное, невозвратное протекло, жизнь твоя стала“ ¹⁾.

Мучительному чувству разочарованія въ такомъ лже-другѣ нашъ ораторъ противопоставляетъ состояніе человѣка, который въ нужную минуту имѣетъ возможность найти опору въ искреннемъ другѣ:

„Но какъ счастливъ тотъ, кто нашелъ себѣ друга испытаннаго, постояннаго, кто нашелъ его тогда, когда онъ болѣе всего нуженъ,—когда сердце пламенное, кипящее, начинающее только жизнь, требуетъ себѣ наслажденій и открывается ко всему доброму и благородному,—тогда другъ есть прямо неоцѣненный даръ неба, тогда дружба есть училище добродѣтели, храмъ счастья и наслажденія“ ²⁾.

¹⁾ Въ „Разсужденіи о дружествѣ“ маркизы де-Ламбертъ (С.-Пб. 1772. стр. 12) говорилось: „Выбирайте вашего друга между тысячею; ничего нѣтъ важнѣе, какъ такой выборъ, потому что благополучіе зависитъ отъ онаго. Ничего нѣтъ печальнѣе, какъ власть въ худыя руки, понести стыдъ отъ разрыва, или крайнюю скуку отъ союза съ людьми онаго не достойнымъ“.

²⁾ Въ той же статейкѣ въ „Покаящемся Трудюлюбцѣ“ (I, 106) читаемъ: „Должны мы вѣрить Ксенофонту, который говоритъ, что имя (друга) есть самое дражайшее,

Загѣмъ Жуковский обращается къ разсмотрѣнію того, что онъ называетъ законами дружбы:

„Законы дружбы—если только можно назвать закономъ то, что предписываетъ намъ наше сердце—законы дружбы такъ же кротки, какъ и сама дружба; и скажите, кто не согласится исполнять ихъ всѣ, когда отъ нихъ только зависитъ единственно сохраненіе нашего счастья, нашихъ радостей,—однимъ словомъ, дружбы. Я бы не сталъ и упоминать объ нихъ, если бы не зналъ, что человѣкъ часто съ самымъ лучшимъ намѣреніемъ и думая исполнять то, что ему должно, дѣлаетъ совсѣмъ противное—я люблю своего друга, люблю искренно, но не умѣю поддержать дружбы его, и союзъ нашъ часъ отъ часу ослабѣваетъ болѣе-болѣе и наконецъ—гдѣ дружба наша?... Итакъ позвольте мнѣ поговорить о сихъ законахъ, которые, я увѣренъ, вы давно уже слышали въ своемъ сердцѣ, но которыхъ, можетъ быть,—простите моею откровенности,—вы разобрать не умѣли. Я сужу потому такъ, что наше собраніе, собраніе друзей, едва было не разрушилось при самомъ своемъ началѣ“.

И нашъ ораторъ приступаетъ къ дѣлу:

„Не довольно того, чтобы умѣть выбирать друга, должно умѣть *всегда* быть съ нимъ другомъ, и въ этомъ одномъ состоитъ все искусство. Еще повторяю, пожертвуйте болѣею частію самихъ себя, чтобы удвоить бытіе свое въ друзьяхъ своихъ¹⁾; эгоизмъ не можетъ существовать вмѣстѣ съ дружбой,—перестаньте быть эгоистами, и вы исполните все, чѣмъ обязаны друзьямъ своимъ“!

Далѣе Жуковский, припоминая, очевидно, наставленія „Покоящагося Трудолюбца“, что дружбу долженъ утверждать разсудокъ, дополняетъ теорію дружбы выясненіемъ роли чувства, которому самъ Жуковский склоненъ былъ отдать доминирующую роль:

„Союзъ дружественный заключается сердцемъ, безъ его участія онъ никогда быть не можетъ,—и что одинъ холодный разумъ тамъ, гдѣ должно дѣйствовать пламенное сердце? Дружба, заключенная умами, подобна тому союзу, который двѣ стороны державъ чрезъ своихъ политиковъ заключаетъ одна съ другою.—Ты не можешь чувствовать, откажись отъ дружбы, или она будетъ такъ же холодна,

что другъ есть человѣкъ рѣдкій, въ несчастіяхъ приближше, неоцѣненное имѣніе, хранитель тайнъ, постоянное утѣшеніе и благополучіе достойное всякаго любви. А изъ сего кто не видитъ, что счастье, любви достойное, основывается на дружествѣ“!

¹⁾ Въ „Покоящемся Трудолюбцѣ“ (ч. I, стр. 107, „Въ счастья ли нужнѣе друзья“...): „Когда другъ твой есть другой ты, то и ты усугубляешься въ другѣ“.

какъ ледъ на вѣчныхъ горахъ альпійскихъ. Для тебя нѣтъ наслажденій, они предоставлены только тому, кто ихъ ощущать умѣетъ“.

„Разумъ, говоритъ Бартеlemi, не можетъ быть единственнымъ союзомъ въ дружбѣ—онъ хочетъ только блистать, онъ не терпитъ ничего ни выше себя, ни наравнѣ съ собою, онъ разрушаетъ его равенство, столько необходимое друзьямъ въ непринужденномъ взаимномъ сообщеніи чувствъ своихъ; болѣе всего противна въ дружествѣ его острота, которая питается своимъ собственнымъ самолюбіемъ и не падаетъ самолюбія другихъ“¹⁾.

Затѣмъ выясняется вопросъ объ отношеніяхъ друзей одного къ другому:

„Дружба не можетъ существовать безъ взаимнаго *почтенія*,—и скажите, могу ли я любить того человѣка, въ которомъ ни достоинство его, ни характеръ, однимъ словомъ, ничто не возбуждаетъ во мнѣ сего тайнаго удивленія, которое называемъ мы почтеніемъ²⁾, и которое, сливаясь вмѣстѣ съ любовью, никогда отдѣлиться отъ нея не можетъ—также должно замѣтить и то, что *излишняя* короткость (*familiarité*) много ослабляетъ почтеніе, а съ нимъ и дружбу“.

„Откровенность необходима въ дружбѣ. Я не люблю того человѣка, отъ котораго скрываю. Я не могу любить его, когда не могу открыть ему своего сердца; если почтеніе есть начало и, такъ сказать, существо дружбы, то откровенность слѣдуетъ за нимъ непосредственно и имъ однимъ поддерживается,—но съ нею не надобно смѣшивать *грубости*³⁾, которая говоритъ истину упрямо и производить къ ней отвращеніе—откровенность должна быть весьма осторожна, должна быть даже нѣсколько времени противна самой себѣ для того, чтобы послѣ получить право говорить все безъ закрытія. Надобно всегда войти въ сердце человѣка, чтобы узнать, какъ при-

¹⁾ Въ „Разсужд. о друж.“ марк. де-Ламбертъ: „Ничто болѣе не противно дружеству какъ тѣ высокоумные духи (умы, *esprits* В. Р.), которые стараются васъ обвинять, и за удовольствіе себѣ считаютъ побѣдить васъ; сія побѣда въ томъ состоитъ, чтобы найти въ васъ пороки: сіе утверждаетъ ихъ обладаніе и умножаетъ вашу зависимость“.

²⁾ Срв. тамъ же, стр. 9—10: „(Мы) желаемъ *почтенія* отъ того, кого любимъ... Сей великій человѣкъ, который насъ содержитъ въ *почтеніи*, есть нашъ другъ“...

³⁾ Жуковскій повторяетъ здѣсь то же, что высказалъ въ своей первой рѣчи въ Обществѣ Андрей Тургеневъ: „Да будетъ же, любезные друзья, *искренность* первымъ закономъ нашего собранія... но мы очень удалимся отъ нашей цѣли, если смѣшаемъ ее, хотя безъ намѣренія, съ колкостью и *грубостію*“ (рукопись Ак. Н., № 618, л. 40).

меть оно отъ тебя твою истину, и сія истина будетъ для самого друга твоего непріятна, если ты скажешь ее, не приготовивъ его ее выслушать, или выразишь такъ, что она тронетъ его самолюбіе,— дружба ни мало не оскорбится тѣмъ, когда ты будешь щадить ее, ибо самолюбіе неразлучно съ человѣческимъ сердцемъ и противъ воли нашей оскорбляется тѣмъ, что, будучи представлено въ другомъ, привлекательнѣйшемъ видѣ, было бы для него пріятно¹⁾).

„Тожественность²⁾, *сообразность* характеровъ усиливаютъ дружбу и дѣлаютъ ее твердою, неизмѣнною. Нѣтъ двухъ вещей въ природѣ, которыя бы были совершенно между собою сходны, и нѣтъ двухъ характеровъ, которые бы во всемъ были сообразны одинъ другому,— но это и не нужно: излишняя сообразность превратилась бы въ монотонію, за которою непосредственно слѣдуетъ скука, а съ сею ослабѣваетъ и дружба. Напротивъ того, излишнее разнообразіе такъ же вредно, какъ и монотонія; двѣ противности не могутъ быть соединены вмѣстѣ, два совершенно разные характера не могутъ быть согласны; но человѣкъ можетъ владѣть своей натурой, можетъ управлять; въ его волѣ и давать ей такой точно образъ, какой ему угодно. Твой характеръ горячъ, прытокъ, непреклоненъ,—старайся укрощать его, смягчать и сообразовать съ кроткимъ характеромъ твоего друга; начало будетъ для тебя трудно,—привычка облегчитъ трудности въ послѣдствіи времени. Если ты не передѣлаешь совершенно твоего характера—ибо онъ зависитъ отъ расположенія твоего тѣла,—то по крайней мѣрѣ сдѣлаешь его столь гибкимъ, столь же тебѣ послушнымъ, сколько для тебя это нужно. Ты получишь изъ сего двойную пользу: сохранишь драгоцѣнную дружбу своего друга и приучишь себя владѣть самимъ собою,—въ пожертвованіяхъ состоитъ главнѣйшая обязанность дружбы. Пожертвовать многими благами своему другу почти пріятнѣе, нежели ими наслаждаться; дружба только тогда дружба, когда она выдержитъ опыты и останется неизмѣнной. Въ древнія времена умереть за своего друга, лишиться

¹⁾ Срв. „Разс. о друж.“ марк. де-Ламбертъ, стр. 7: „Мы наслаждаемся въ дружествѣ всѣмъ тѣмъ, что любовь имѣетъ самаго пріятнѣйшаго, веселимся довѣренностію, съ пріятностію открываемъ другу нашему свою совѣсть, читаемъ, такъ сказать, его сердце, видимъ оное открытое, показываемъ свои собственныя слабости; ибо должно говорить ничего не скрывая передъ своимъ другомъ“. Жуковскій очень умѣстно, обнаруживая большую наблюдательность и тонкій тактъ, присоединяетъ осторожность и деликатность въ дружеской откровенности.

²⁾ Въ рукописи „торжественанія“—явная описка переписчика.

для него чести было священнѣйшей добродѣтелию. Тогда Пинфіасъ радостно умиралъ за Дамона ¹⁾ и боялся только того, чтобы другъ его не предупредилъ его казни своимъ прибытіемъ,—о, такой другъ стѣбитъ больше нежели собственная жизнь наша, и кто за него ею не пожертвуетъ, какая смерть лучше той, которая полезна для любезнаго души моей? Когда я жертвую чѣмъ нибудь для своего друга, тогда я позабываю то, чего лишаюсь, и помню только о томъ, что приобретаю другъ мой! радость его замѣняетъ для меня все. Таковы и всѣ жертвованія дружбы; они легки для истинной, пламенной любви, чуждой всякаго эгоизма, и невозможны для холодного, нечувствительнаго сердца, которое только себя любить и себя любить желаетъ“.

„Наконецъ, послѣдняя необходимость въ дружбѣ—*тонкость, осторожность* въ обхожденіи (*delicatesse*). Не пугайтесь слова осторожность и не сливайте его со скрытностью. Осторожность и тонкость обхожденія въ дружбѣ не иное что, какъ всегдашнее стараніе согласоваться съ чувствами, съ образомъ мыслей своего друга, щадить его слабости, умѣть возвышать и воспламенять его способности и никогда ничѣмъ не оскорблять его,—стѣбитъ только быть къ нему истинно привязаннымъ, чтобы умѣть такъ съ нимъ обходиться; въ семь случаѣ надлежитъ спрашиваться только своихъ чувствъ,—отвѣтъ ихъ будетъ лучшимъ для насъ наставленіемъ“.

„Вотъ законы и обязанности дружбы; сумма ихъ составляетъ самую дружбу, и тотъ, кому сердце повелѣваетъ исполнять ихъ, тотъ можетъ назваться истиннымъ другомъ“.

Въ качествѣ чувствительнаго заключенія своей рѣчи, Жуковский даетъ лирическія строки, въ которыхъ говорить о томъ наслажденіи, какое онъ видитъ въ общеніи съ другомъ:

„Почти не нужно послѣ сего говорить о пользѣ, о наслажденіяхъ, получаемыхъ отъ дружбы. Я счастливъ вдвое, когда другъ мой раздѣляетъ со мною мое счастье,—мои страданія не тяжки, когда есть для меня сердце, въ которое могу излить тоску свою. Другъ и въ горести и въ блаженствѣ утѣшительный гений, котораго слова, кото-

¹⁾ Дамонъ (Damon) и Финтій (Phintias)—два пиеагорейца изъ Сиракузъ, образецъ истинной дружбы; Финтій былъ осужденъ на смерть, Дамонъ остался заложникомъ за друга и едва не былъ казненъ вмѣсто него. См. *Ламмизъ*, Жизнь Пиеагора, гл. 33, *Цицеронъ*, De officiis l. III, cap. 10. У Жуковскаго античное преданіе, ставшее ему извѣстнымъ изъ вторыхъ-третьихъ рукъ, оказалось спутаннымъ.

раго чувства явятъ отраду ¹⁾—лежать ли между нами горы, шумять ли между нами потоки и моря пространныя, ничто не преградить сообщеній чувствъ нашихъ, сердца наши слышать другъ друга и за горами и за морями; и мысль, что на той половинѣ міра дышитъ существо мнѣ драгоцѣнное, которое обо мнѣ думаетъ и ко мнѣ стремится, сія мысль и въ самой разлукѣ составляетъ мое счастье“.

„Съ чѣмъ сравнить жизнь, проведенную въ пламенныхъ объятіяхъ дружбы? Сердце наше тогда такъ полно, такъ спокойно, что кажется и самыя несчастія не смѣютъ приступить къ нему. Тогда жизнь пролетаетъ скоро, подобно молніи; тогда и самая смерть намъ не ужасна — является не въ видѣ грознаго, разъяреннаго чудовища, но въ видѣ мирнаго генія, который съ небесною улыб-

¹⁾ Уже Цицеронъ („Лелій или о дружествѣ“, С.-Пб. 1781, стр. 20—21) высказывалъ нѣчто подобное: „Дружество между такими (добрыми) людьми имѣетъ столь великія выгоды, что я ихъ едва могу изъяснить словами... Что можетъ быть пріятнѣе, какъ имѣть такого человѣка, съ которымъ о всемъ такъ смѣло можемъ говорить, какъ съ собою? Была ли бы столь великая польза въ счастьи, еслибъ ты не имѣлъ человѣка о немъ радующагося не меньше, какъ ты самъ? А и несчастіе не труднѣе ли было бы сносить безъ того, который о немъ больше нежели самъ сожалѣетъ?.. Дружество во многихъ случаяхъ полезно: куда бы ты ни обратился, оно всегда является предъ тобою, не оставляетъ тебя ни въ какомъ мѣстѣ, никогда не бываетъ излишни и досадно; чего ради дружество употребляемъ столько же во многихъ случаяхъ, какъ воду и огонь“... Въ „Покоящемся Трудолюбцѣ“ (I, 103 и слѣд., „Въ счастьи ли нужнѣ друзья“...): „Всѣ единогласно признаются, что безъ друга всякое счастье должно почитать несчастіемъ... Во всякомъ родѣ жизни человѣческой дружество есть услажденіе, и какъ лишившися естественныхъ бальсамовъ гниютъ живыя тѣла, такъ равно и всякое счастье, если не будетъ обальсамировано бальсамомъ дружества... Польза отъ истиннаго дружества происходитъ та, что чрезъ оное облегчается всякое несчастіе. Полезно дружество для счастливыхъ; ибо и самый счастливѣйшій человѣкъ безъ друзей не имѣетъ всѣхъ благъ, не имѣя самаго совершеннѣйшаго блага, изъ дружества происходящаго“... Въ „Пріят. и пол. препров. врем.“, ч. XX, стр. 127, помѣщено стихотвореніе „Драгоценности дружбы“, гдѣ говорилось:

Друзья въ спокойство духъ, мысль, разумъ нашъ приводятъ.

Отрады въ сердце намъ они бальзамъ лютятъ.

Съ друзьями горести моей не покаряюсь;

Вселенна вся со мной, когда съ друзьями я;

Въ бесѣдѣ дружеской спокойствомъ наслаждаюсь;

Не въ философіи, въ друзьяхъ вся жизнь моя.

Въ „Ежемесячномъ Сочиненіи“ (Ярославль, 1787, ч. I, стр. 228—238) обрабатывалась та же тема въ статьѣ „Польза, происходящая отъ дружества“.

кою разрѣшаегь узы, привязывающія насъ къ жизни ¹⁾). Ахъ, скажите, не привлекателенъ ли и самый одръ кончины тогда, когда стоятъ передъ нимъ другъ мой, котораго слезы въ послѣдній разъ воспламеняють хладѣющее мое сердце, котораго взоры устремлены на потухающіе мои взоры, который, сжимая ослабѣвшую руку мою, въ послѣдній разъ говоритъ мнѣ *прости*, принимаетъ прерывающійся вздохъ мой въ пламенную грудь свою... Ахъ, друзья мои! часто съ неизъяснимою сладостію мечталъ я о сей послѣдней и блаженнѣйшей минутѣ—часто желалъ имѣть друга, для того чтобы умереть въ его объятіяхъ—мысль сладостная, мысль утѣшительная! Жить въ сердцѣ нѣжномъ тогда, когда меня не будетъ, оставить по себѣ лучшую часть бытія своего въ груди, носящей вѣчное о мнѣ воспоминаніе— о друзья мои! больше не скажу ни слова! "...

Съ этими мотивами о дружбѣ мы встрѣчаемся и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Жуковскаго, какъ увидимъ изъ послѣдующихъ разысканій. По поводу смерти Андрея Тургенева у нашего поэта вылился, какъ мы видѣли выше, цѣлый гимнъ дружбѣ—предисловіе къ повѣсти „Вадимъ Новгородскій“.

Въ томъ же рукописномъ фоліантѣ Библіотеки Академіи Наукъ № 618, лл. 75—77, сохранилась рѣчь Жуковскаго „О страстяхъ“. Время произнесенія этой рѣчи въ Дружескомъ Литературномъ Обществѣ не обозначено.

Тема о страстяхъ также относится къ числу весьма популярныхъ въ то время. Отмѣтимъ слѣдующія обработки ея въ стихахъ и въ прозѣ:

1) На ослѣпленіе страстями, стих. А. Дубровскаго (Ежемѣс. Соч., II, С.-Пб. 1755, стр. 127—140).

2) Разсужденіе о добромъ употребленіи страстей, съ франц. (Празд. время, II, С.-Пб. 1759 г., стр. 241—251).

3) О источникѣ страстей, Ппп. Ѳ. Богдановича (Невин. Упражненіе, М. 1763, стр. 28, 61, 136, 157, 232, 271).

4) Способъ и показаніе, какимъ образомъ побороть страсти (С.-Пб. Еженедѣл. Сочиненіе, С.-Пб. 1778, стр. 397—399).

5) О страстяхъ (Утрен. Свѣтъ, ч. IX, С.-Пб. 1780, стр. 160—166).

6) Страсти (С.-Пб. Вѣстникъ, VI, С.-Пб. 1780, стр. 30—34).

7) Разсужденіе о безпорядкахъ, производимыхъ страстями въ че-

¹⁾ Срв. мотивы о смерти въ IX главѣ моихъ Разысканій о соч. Жуковскаго, отд. отд., стр. 141—152.

ловѣкъ, и о средствахъ, какія въ такихъ случаяхъ употреблять должно (Покаящ. Трудолюб., ч. III, М. 1785, стр. 1—56).

8) Страсти—причина нашихъ заблужденій (Уедин. Помехонецъ, I, Ярославль, 1786, стр. 94—97).

9) О страстяхъ, И. Θ. Богдановича (Нов. С.-Пб. Вѣстн., II, С.-Пб. 1786, стр. 256—262).

10) Ода Страсти (Нов. Ежемѣс. Соч., ч. VI, С.-Пб. 1786, стр. 55—60).

11) Страсти (Дѣтское Чтеніе, ч. XIX, М. 1789, стр. 186—188).

12) О страстяхъ (Чтеніе для вкуса, III, М. 1791, стр. 107—118).

13) О пользѣ страстей, изъ Цицерона (тамъ же, VIII, М. 1792, стр. 78—85).

14) О силѣ страстей, перев. изъ книги De l'Esprit (Новыя Ежемѣс. Соч. ч. 85, С.-Пб. 1793, стр. 34—48).

15) Письмо къ Честону о умѣреніи страстей, стих. (Тамъ же, ч. 86, С.-Пб. 1793, стр. 36—50).

16) Страсти, стих. (Пріят. и Пол. Препр. врем., ч. VIII, М. 1795, стр. 254—255).

17) Страсти (Иппокрена, X, М. 1801, стр. 186—192).

18) Разсужденіе о страстяхъ, перев. изъ Берниса (Нов. Русс. Литер., III, М. 1802, стр. 3—29).

Вопросомъ о страстяхъ интересовался Карамзинъ. Въ четверостишии „Размышленіе: страсти и безстрастіе“¹⁾ онъ высказалъ: „Намъ страсти—горе, мука; Безъ страсти жизнь—не жизнь, а скука“. Усвоивъ идеи оптимистовъ, онъ проводилъ мысль, что страсти, чтобы не сдѣлаться пагубными для человѣка, должны подчиняться разуму:

Привычки, склонности и *страсти*

У мудрыхъ должны быть во власти:

Не мудрымъ цѣли ихъ носить...²⁾

Въ повѣсти „Рыцарь нашего времени“ онъ говоритъ: „Страсти, страсти! какъ вы ни жестоки, какъ ни пагубны для нашего спокойствія, но безъ васъ нѣтъ въ свѣтѣ ничего прелестнаго; безъ васъ жизнь наша есть прѣсная вода, а человѣкъ—кукла“³⁾ Въ 1797 г. Карамзинъ напечаталъ свой „Разговоръ о счастіи“, въ которомъ проводитъ мысли, заимствованныя у оптимистовъ, у Лейбница („Тео-

¹⁾ Аониды, III, 108.

²⁾ „Опытная Соломонова мудрость“, Аониды, II, 179—180.

³⁾ Вѣстн. Евр. 1802 г., ч. IV, стр. 41.

дичея“), главнымъ же образомъ изъ „Опыта о человѣкѣ“ Попа ¹⁾); большая часть этого обширнаго разсужденія въ діалогической формѣ посвящается вопросу о страстяхъ; взглядъ Карамзина таковъ, что страсти не только не мѣшаютъ счастью человѣка, но напротивъ—могутъ способствовать ему; онѣ необходимы для дѣйствія въ физическомъ и нравственномъ мѣрѣ; онѣ—даръ природы и подлежатъ ея законамъ; надобно только, чтобъ онѣ управлялись разумомъ, который не дозволитъ имъ выйти изъ естественныхъ (благихъ) предѣловъ ²⁾).

Вольтеръ перенесъ оптимическое ученіе, воспѣтое Попомъ въ „Опытѣ о человѣкѣ“, во Францію; пятая часть Вольтеровскаго „Разсужденія о человѣкѣ“ (Discours sur l'homme) воспроизводитъ мысли Попа („Опытъ“, посл. II) о страстяхъ, оплодотворяющихъ сердце ³⁾. Руссо, въ IV книгѣ „Эмиля“, съ своей стороны далъ горячую апологию страстей, въ которой слышны отзвуки Попа ⁴⁾. Переводъ „Опыта о человѣкѣ“ Поповскаго, нѣсколько разъ переиздававшійся въ XVIII в., сдѣлалъ ученіе Попа хорошо извѣстнымъ и въ Россіи; ученіе это стало распространяться въ кругу ученыхъ, литераторовъ, поэтовъ,—многія свидѣтельства, и прямыя и непрямыя, показываютъ, какъ оно цѣнилось; имя Попа, или, по прежнему произношенію, „Попія“, цитовалось какъ важный авторитетъ. Словарь Новикова, въ біографіи Поповскаго, называетъ содержаніе „Опыта“ столь важнымъ, что „и прозою исправно перевести его трудно“ ⁵⁾.

Вотъ путь, какимъ ученіе, формулированное Попомъ, распростра-

¹⁾ Галаховъ, Карамзинъ какъ оптимистъ, Отеч. Зап. 1858 г., № 1, стр. 114 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 113.

³⁾ Qui, pour nous élever aux grands actions,
Dieu nous a, par bonté, donné les passions:
Tout dangereux qu'il est, c'est un présent céleste;
L'usage en est heureux, si l'abus est funeste...

(Voltaire, Discours en vers sur l'homme, V-me discours: Sur la nature du plaisir).

⁴⁾ Страсти наши суть главные орудія нашего самосохраненія... Источникомъ нашихъ страстей, началомъ и основой всѣхъ прочихъ, единственною страстью, которая рождается вмѣстѣ съ человѣкомъ и никогда не покидаетъ его, пока онъ живъ, является любовь къ себѣ; это—страсть первоначальная, врожденная, предшествующая всякой другой: всѣ другія являются въ нѣкоторомъ смыслѣ лишь ея видоизмѣненіями (Руссо, Эмиль, пер. Первова, М. 1896, стр. 282—283).

⁵⁾ Галаховъ, орег. cit., стр. 123.

нилось въ сферахъ, подъ воздѣйствіемъ которыхъ оказался Жуковский.

На мысли о страстяхъ человѣческихъ Жуковский останавливался уже не разъ. Подъ вліяніями, о которыхъ нами уже было говорено ¹⁾, онъ устанавливалъ необходимость борьбы съ ними; въ статейкѣ 1798 года „Жизнь и источникъ“ онъ говорилъ: „Если мудрый наставникъ гласомъ истины извлечетъ изъ неопытнаго сердца юноши жало страстей, то дни его просвѣтятся, и солнце благоразумія разсѣетъ туманъ заблужденій“... Въ одѣ „Миръ“ (1800 г.) нашъ поэтъ призываетъ:

Лишь страсти буйныя, строптивы побѣждай,
И будь во брани только съ ними...

Въ одѣ „Къ человѣку“ тотъ же призываетъ:

Брань, брань твоимъ страстямъ!

Страсти, высказываетъ здѣсь Жуковский, препятствуютъ человѣку быть „великимъ, мудрымъ“.

Рѣшившись выступить съ цѣлою рѣчью на тему о страстяхъ, Жуковский оказался подъ вліяніемъ идей, высказанныхъ Карамзинымъ въ его „Разговоръ о счастіи“, и подъ вліяніемъ „Опыта о человѣкѣ“ Попа.

„Друзья мои, что такое страсти?“—открываетъ вопросомъ свою рѣчь нашъ поэтъ, и начинаетъ разсуждать такимъ образомъ: „Какой-нибудь ученикъ Зеноновъ покажетъ мнѣ на дымящія(ся) въ полѣ брани, покажетъ на костры Лиссабонскіе, на которыхъ при благоговѣйныхъ мольбахъ къ небу сожигаются жертвы мщенія и фанатизма, на Потозскую мину—мрачный и ужасный гробъ, изрытый корыстолюбіемъ на гибель бѣднымъ человѣкамъ,—на могилу Вертера, и скажетъ: Вотъ отвѣтъ мой, вотъ признаки, по которымъ ты узнаешь страсти!—Ни мало,—я узналъ только то, что человѣкъ изъ всякаго добра извлекаетъ для себя зло, что натура дала ему все для его счастія, и что онъ не умѣетъ пользоваться благими дарами природы!“

Слова эти составляютъ перифразъ Карамзина: „Мелодоръ. Ты хочешь быть панегиристомъ страстей; но я укажу тебѣ на мысь Левкадской, на пепель городовъ, на высокіе бугры, составленные изъ костей человѣческихъ; на Африканскіе берега, гдѣ люди продаютъ людей въ рабство—и скажу: вотъ дѣйствіе страстей... *Филалетъ*:... Нѣтъ, нѣтъ! Природа не виновата, если мы... врожденные склон-

¹⁾ Въ X главѣ Разыск. о соч. Жук., отд. отт. стр. 173—174.

ности, источникъ вѣрныхъ благъ, превращаемъ въ источникъ золь, вопреки ея доброму намѣренію“... 1).

Отвергнувъ взглядъ стойковъ (съ Зенономъ во главѣ), которымъ Карамзинъ также нисколько не сочувствуетъ, и которыхъ Попъ („Опытъ“, посл. II) называетъ одаренными ледяною безчувственностью, Жуковский продолжаетъ:

„Что такое страсти? Не иное что, какъ *самолюбіе*, измѣняющееся вмѣстѣ съ характерами и въ разныхъ случаяхъ принимающее разные оттѣнки; оно есть первая побудительная причина нашихъ дѣйствій, безъ него человекъ былъ бы то же, что машина, лишенная пружины, приводившей ее въ движеніе“.

Эта точка зрѣнія на самолюбіе, какъ на источникъ страстей, усвоена, видимо, отъ Попа, у котораго читаемъ:

Modes of self-love the Passions we may call... 2)

Въ старомъ французскомъ переводѣ этого мѣста стоитъ:

Que sont les passions? l'amour propre lui-même... 3)

Далѣе у Попа:

On life's vast ocean diversely we sail,
Reason the card, but *passion is the gale*...
Hence different *Passions* more or less *inflame*,
As strong or weak, *the organs of the frame* 4).

Французскій переводъ:

La vie est une mer, où sans cesse agités
Par de rapides flots nous sommes emportés;
La raison, que du Ciel nous eumes en partage,
Devient notre boussole...
Mais de nos *passions* les *mouvements* *contraires*,
Sur ce vaste océan sont des *vents* *nécessaires*...

De là, différentes passions enflamment les organes de la machine... 5).

У Карамзина:

Филалетъ. Нѣтъ, я не люблю стойковъ, которые чернымъ сукномъ одѣваютъ всю природу и заранѣе кладутъ сердце въ холодную

1) Разговоръ о счастьи, Соч. Карамзина, изд. 4, (С.-Пб. 1834), т. VII, стр. 149—150, 157.

2) *Essai sur l'homme*, poëme philosophique par Al. Pope, en cinq langues, savoir: anglais, latin, italien, françois et allemand, Amsterdam, 1762, p. 15.

3) Тамъ же, 178.

4) Тамъ же, 16—17.

5) Тамъ же, стр. 179, 319.

могилу. Нѣтъ, нѣтъ! Природа любитъ одѣваться зеленью и цвѣтами: она дала намъ чувства для того, чтобы усладить ихъ; дала намъ разсудокъ для того, чтобы выбирать лучшія наслажденія; *дала страсти для того, что онѣ нужны, необходимы для дѣятельности въ физическомъ и нравственномъ мірѣ* ¹⁾.

Повторяя и развивая идеи Попа и далѣе, Жуковскій говорилъ: „Человѣкъ при своемъ рожденіи не получаетъ отъ природы страстей, а только одну основу ихъ. Самолюбіе и страсти, которыя мы теперь въ немъ находимъ, не иное что, какъ чада самолюбія, рожденнаго отъ общественнаго союза, въ который человѣкъ вступаетъ съ человѣкомъ; они съ нимъ неразлучны, и разрушить ихъ значило бы разрушить всѣ отношенія, какія люди между собою имѣютъ“...

„Люди вообще сходны (между) собою страстями, потому что ихъ источникъ одинъ; но они различны между собою тѣмъ, что каждый изъ насъ повинуется особенно какой-нибудь страсти преимущественно предъ другими и прочія, такъ сказать, ей подчиняетъ“.

Эта идея объ одной господствующей страсти также была высказана Попомъ:

And hence one *master passion* in the breast,
Like Aaron's serpent, swallows up the rest ²⁾.

Французскій переводъ:

De là se forme en nous la passion régnante.
Qui toujours combattue, et toujours triomphante,
Semblable à ce serpent du grand Législateur,
Des autres passions soumet l'orgueil rebelle,
Les dompte, les dévore, et les transforme en elle ³⁾.

Стоя на той же Поповской точкѣ зрѣнія, Жуковскій продолжаетъ развивать свою мысль о значеніи страстей:

„Страсти благодѣтельны! Сія истина остается истиною несмотря на всѣ выраженія хладнокровныхъ Зеноновыхъ послѣдователей, несмотря на бѣдствія рода человѣческаго, которыя смѣлые софисты дерзаютъ имъ приписывать“.

Ораторъ обнаруживаетъ знакомство съ извѣстными положеніями Руссо:

„Страсти благодѣтельны! — повторяю еще разъ—только злоупотре-

¹⁾ Разгов. о счастіи, loco cit., 149.

²⁾ Essai sur l'homme, Amst., 1762, стр. 17.

³⁾ Тамъ же, 180.

требленіе ихъ вредоносно, пагубно! Все совершенно, изшедъ изъ рукъ Творца природы, все приходитъ въ упадокъ въ рукахъ человѣка—говорить Руссо, и онъ правъ. Страсти даны намъ природой; сохранимъ, сбережемъ благодатный даръ сей, и мы будемъ имъ наслаждаться, и не выпьемъ отравы изъ той чаши, въ которую влить для насъ бальзамъ питательный. Здѣсь, можетъ быть, спросятъ у меня, для чего же Верховный Творецъ, давши намъ страсти, не лишилъ насъ возможности употреблять ихъ во зло. Я не буду испытывать путей Провидѣнія, но скажу въ отвѣтъ недовѣряющему: Богъ, давши намъ страсти, далъ вмѣстѣ съ ними и возможность обратить ихъ въ существенную нашу пользу, отдалилъ ихъ для нашего счастья, но не ограничилъ нашей свободной воли, которая властна избирать между добромъ и худомъ“.

Здѣсь опять реминисценціи изъ Карамзина:

Мелодоръ. Вотъ хорошая сторона страстей!.. Но для чего же природа оставила намъ возможность развращать ихъ движенія?..

Филалетъ. Спроси, для чего она дала намъ свободу, для чего произвела насъ не машинами?.. Кто имѣетъ столько твердости и силы, чтобы повиноваться закону мудрости, закону ума, тотъ благодаритъ природу за данную намъ волю слѣдовать ему или не слѣдовать ¹⁾).

Жуковскій продолжаетъ:

„Страсти, говорю, душа всѣхъ нашихъ дѣяній, безъ нихъ добродѣтель холодна и нечувствительна, безъ нихъ самая жизнь наша, лишенная своихъ наслажденій, мертва подобно сумрачному, осеннему дню, когда солнце закрыто блѣднымъ туманомъ. Они оживляютъ наши радости и въ самыхъ бѣдствіяхъ доставляютъ нѣкоторыя утѣшенія, которыхъ нѣтъ для холоднаго сердца какого-нибудь стойка“.

„Никогда бы не обвиняли мы страстей въ своихъ бѣдствіяхъ, когда бы умѣли управлять ими; натура, всегда благодѣтельная, предвидѣла нашу слабость и вооружила насъ разсудкомъ, холоднымъ правителемъ и судіею дѣлъ нашихъ; ему дала она владычество надъ страстями и повелѣла содержать ихъ въ границахъ, имъ предписанныхъ. Но мы сами лишили разсудокъ его власти и отворили путь страстямъ своимъ.—Кому же приписать бѣдствія? Конечно не страстямъ и не Провидѣнію, котораго мудрый перстъ и въ самыхъ бѣдствіяхъ нашихъ виденъ, ибо оно соединило наказаніе съ преступле-

¹⁾ Разгов. о счастья, стр. 155—156.

нѣмъ! Я думаю, что намъ самимъ! Зачѣмъ же мнѣ страсти,—можетъ (сказать) мнѣ стоить,—зачѣмъ, когда я не умѣю управлять ими?— Ты не машина, слѣдственно, можешь управлять страстями,—скажу я въ отвѣтъ; они даны тебѣ для наслажденій, но для наслажденій умѣренныхъ; всякое излишество пагубно! Онѣ тебѣ необходимы, ибо ты хочешь быть счастливъ“.

„Безстрастіе совершенно противно натурѣ. Можемъ ли мы быть безстрастны тогда, когда любимъ самихъ себя? И что получимъ мы отъ безстрастія? Мы только вооружимся противъ радостей жизни, отравимъ всѣ наслажденія и лишимся единственной своей опоры, благодѣтельной, кроткой надежды! Но горести будутъ для насъ вдвое ощутительнѣе, ибо въ нашихъ страданіяхъ не будетъ насъ оживлять мысль о блаженной будущности, которою мы наслаждаться не способны! Безстрастіе, разрушая наслажденіе, дѣлаетъ насъ еще бѣднѣе, еще несчастливѣе прежняго...“

„Необузданность страстей также противна природѣ, ибо она пагубна!—Мы исчерпываемъ всѣ наслажденія, лишаемся способности наслаждаться, и часто бѣдственно погибаемъ! Что же остается намъ дѣлать? Не обращаться на всякую крайность, держаться середины, не выходить изъ предѣловъ, положенныхъ намъ натурою!“

„Стараясь быть безстрастными, разрушаемъ мы законы природы, которые всегда благотворны, всегда мудры и не терпятъ измѣненія; не обуздывая страстей своихъ, мы употребляемъ во зло даръ ея,— итакъ заключимъ: пускай страсти повинуются разуму, разумокъ не уничтожаетъ страстей; онѣ будутъ для насъ благодѣтельны, и наши наслажденія останутся всегда чисты и невредимы“.

Третья и вмѣстѣ послѣдняя рѣчь Жуковскаго въ Дружескомъ Литературномъ Обществѣ помѣщена въ той же академической рукописи № 618, на лл. 83—89. Заглавіе ея—„О щастіи“. Время произнесенія не указано.

Тема о щастіи—одна изъ самыхъ популярныхъ въ нашей литературѣ конца XVIII вѣка; съ разныхъ сторонъ этотъ вопросъ разсматривался и освѣщался въ стихахъ и въ прозѣ, въ произведеніяхъ переводныхъ и оригинальныхъ:

1) О щастіи и несчастіи, переводъ съ датскаго (Праздное время, ч. I, С.-Пб. 1759, стр. 259—270).

2) Щастіе не отъ насъ зависитъ, переводъ съ нѣмецкаго (Тамъ же, II, 79).

3) Ода Щастіе, Вас. Майкова („Всѣхъ желаніевъ начало“...),

Утрен. Свѣтъ, I (1-ое изд. С.-Пб. 1777, 2-ое изд. М. 1785), страницы 159—162.

4) Мнѣніе Паскаля о счастіи и несчастіи (тамъ же, ч. VII, С.-Пб. 1779, стр. 181—196).

5) Стих. Счастіе (Собесѣд. Люб. Росс. Сл., XI, С.-Пб. 1784, стр. 141—142).

6) О счастіи (Зеркало Свѣта, I, С.-Пб. 1786, стр. 199—202).

7) Счастіе и сонъ, стихотвореніе (Уедин. Пошех. II, Яросл. 1786, стр. 427—430).

8) Отрывокъ изъ поэмы Счастіе, стих. (Зерк. Свѣта, II, С.-Пб. 1786, стр. 48—50).

9) Непостоянство счастія, стих. (Лек. отъ скуки, I, С.-Пб. 1786, стр. 186).

10) Счастіе (Нов. Ежемѣс. Соч., X, С.-Пб. 1787, стр. 35—36).

11) О непостоянствѣ счастія (Утр. Часы, I, С.-Пб. 1788, стр. 75 — 76).

12) Иносказаніе о счастіи и несчастіи человѣческомъ, съ латин. (Нов. Ежемѣс. Соч., XIX, С.-Пб. 1788, стр. 46—53).

13) Защищенное счастіе, стих. Дм. Соколова (тамъ же, ч. XXVIII, С.-Пб. 1788, стр. 66).

14) Непостоянство счастія, сонетъ (Дѣло отъ безд. I, М. 1792, стр. 99).

15) На счастіе, ода Капниста (Моск. Журн., ч. VIII, М. 1792, стр. 296—308).

16) Счастіе и несчастіе, стих. сатпра (Зритель, III, С.-Пб. 1792, стр. 137—149).

17) Что есть счастіе, въ чемъ оно состоитъ? (Дѣло отъ безд., III, М. 1792, стр. 187—188).

18) Къ счастью, стих. И. А. Крылова (С.-Пб. Меркурій, IV, С.-Пб. 1793, стр. 96—109).

19) Почему всѣ люди, ищущіе счастія, которое хотя и зависить отъ нихъ самихъ, однако онаго не получаютъ, съ франц. (Нов. Ежемѣс. Соч. ч. 85, С.-Пб. 1793, стр. 19—29).

20) Избранныя мысли славныхъ писателей: О счастіи (Библ. ученая, IX, Тобольскъ, 1794, стр. 112—113).

21) Счастіе, стих. А. Лабзина (Пр. и пол. прещр. вр., III, М. 1794, стр. 354—355).

22) *М. М. Херасковъ*, Пилигримы или искатели счастія, въ стих. М. 1795; отзвѣвъ: Муза, I, С.-Пб. 1796, стр. 89—95.

- 23) Счастіе (Муза, I, С.-Пб. 1796, стр. 14—19).
- 24) Мое счастіе, стих. (Тамъ же, стр. 7—11).
- 25) И мое счастіе, стих., (тамъ же, II, С.-Пб. 1796, стр. 256—259).
- 26) Потребность къ счастію (Пр. и пол. прерп. вр. IX, М. 1796, стр. 299).
- 27) Къ счастію, посвящ. всѣмъ несчастнымъ (тамъ же, IX, стр. 46—49).
- 28) Перев. Горац. оды „Къ счастію“ (тамъ же, XI, М. 1796, стр. 89—91).
- 29) Горац. ода „Къ счастію“ вольн. перев. Котельницкаго (тамъ же, XI, стр. 91—95).
- 30) Разныя мнѣнія о счастіи (тамъ же, XI, 289—310).
- 31) *Карамзинъ*, Разговоръ о счастіи (1797 г.).
- 32) Счастіе, стих. (С.-Пб. Журналь, III, С.-Пб. 1798, сентябрь, стр. 94).
- 33) Счастіе (Что ниб. отъ бездѣлья, С.-Пб. 1800, стр. 49—59).
- 34) *Е. Станевичъ*, Мысли объ истинномъ на землѣ счастіи (Новости русск. лит., II, М. 1802, стр. 241—269).

Тема о счастіи была одною изъ излюбленныхъ темъ Прокоповича-Антонскаго, на какія онъ усердно заказывалъ питомцамъ Университетскаго Благороднаго Пансіона рѣчи и стихи къ пансіонскимъ торжественнымъ актамъ ¹⁾. Въ статейкѣ „Жизнь и источникъ“, написанной въ 1798 г., Жуковский-пансіонеръ проводилъ мысль, что счастіе человѣка заключается въ добродѣтели. Окончивъ свои *Lehr jahre*, выступивъ на дорогу реальной жизни, нашъ поэтъ, изображая въ рѣчи „О счастіи“ свой теперешній жизненный идеалъ, давая своего рода *profession de foi*,—ставитъ дѣло шире; съ его настоящей точки зрѣнія, для счастія необходимы три условія: свобода, любовь, дружба. Такъ какъ дружба возможна лишь при наличности добродѣтели, какъ заявлялъ Жуковский въ своей рѣчи о дружбѣ („дружба—утѣшительница добродѣтельныхъ“...), и такъ какъ въ этой послѣдней рѣчи рядомъ съ дружбой онъ также ставитъ любовь („Любовь и дружба—вотъ въ чемъ можно себя подѣ солнцемъ утѣшать“), то ясно, что четыре основныя начала полагаетъ Жуковский для жизни: добродѣтель, свободу, любовь, дружбу; наличность этихъ благъ обуславливаетъ возможное на землѣ для человѣка счастіе.

¹⁾ Записки С. П. Жихарева, М. 1890, стр. 94. Срв. во II главѣ моихъ Разысканій о соч. Жуковскаго, отд. отд. стр. 49.

Ходь мыслей оратора въ рѣчи „О счастья“ такой:

Помня, съ одной стороны, незадолго передъ тѣмъ вышедшую (М. 1795) поэму Хераскова „Пилигримы или искатели счастья“, которая имѣетъ эпиграфъ—

Всѣ люди пилигримы,
Которы на стезѣ слѣпой фортуны зримы,—

съ другой стороны, имѣя въ виду тираду Карамзина изъ его „Разговора о счастья“:

Филалетъ. Я помню слова одного философа. „Есть ли счастье?“ спросилъ у него любопытный человѣкъ.—Люди съ начала міра ищутъ его, и по сіе время не нашли, отвѣчалъ онъ: слѣдственно... „Слѣдственно его нѣтъ?“ сказалъ любопытный.—Однако-жъ, продолжалъ мудрецъ, если бы оно было не что иное, какъ пустой фантомъ, то люди давно бы уже перестали искать его; но какъ они все упорствуютъ въ своихъ мысляхъ, и все ищутъ, то надобно... „Чтобы оно существовало? Два противныя слѣдствія: которое же справедливо?“ спросилъ опять любопытный.—Рѣши самъ!—отвѣчалъ философъ ¹⁾,—Жуковский начинаетъ такимъ образомъ:

„Взгляните со мною на театр міра—тысячи пилигримовъ бѣгутъ за счастьемъ—фантомомъ, который отъ нихъ безпрестанно скрывается,—бѣгутъ разнымъ путемъ, обольщаются надеждою, по мѣрѣ того, чтобы достигнуть къ благословенной его сѣни, приходятъ къ открытому гробу, ложатся въ него съ растерзаннымъ сердцемъ, съ охладѣвшею душою, и разстаются съ жизнію, какъ съ мрачною, ужасною темницею, въ которой цѣпи рабства ихъ отягощали“.

„Какая же участь бѣдныхъ человѣковъ, гдѣ ихъ счастье? Гдѣ настоящій путь къ нему? Куда ни обратитъ унылый взоръ, повсюду видишь страждущаго, всюду видишь слезы, ллющіяся отъ горести, всюду слышимъ укоризны отчаянія противъ угнетающаго рока! Человѣкъ стремится за счастьемъ, и самъ себя отъ него удаляетъ, страсти воздвигаютъ почти непреоборимую преграду между имъ и божествомъ, которое онъ обожаетъ. Онъ почти равно подавленъ и горестями и наслажденіями, и со всѣмъ тѣмъ, прикованный адамантовыми цѣпями къ жизни, которая все ему драгоценна, не имѣетъ силъ разорвать сей нити, свитой изъ горестей и мученій! Неужели Божество, создавшее вселенную, кинуло насъ въ этотъ міръ только для того, чтобы страдать и терзаться? Неужели подобно песчинкамъ, брошеннымъ въ

¹⁾ Разговоръ о счастья, loco cit., 144.

бурное море, отданы мы во власть слѣпого случая и бѣдъ, которыя, какъ тучи, собираются надъ головами нашими и сыплютъ на насъ громы пожирающіе?“

Мы встрѣчаемъ здѣсь ту же манеру вести разсужденіе, начавъ съ антитезиса, чтобы потомъ перейти къ тезису, какую Жуковский примѣнилъ и въ своей предыдущей рѣчи („О страстяхъ“), гдѣ началъ съ того, что выставилъ и отвергъ положеніе: „страсти пагубны“, и началъ доказывать, что „страсти благодѣтельны“; и какъ Карамзинъ въ „Разговорѣ о счастіи“ развиваетъ свои мысли путемъ сопоставленія двухъ противоположныхъ мнѣній („счастія нѣтъ на землѣ“ и „счастіе существуетъ“),—такъ и Жуковский рѣчь „О счастіи“ открываетъ положеніемъ, противоположнымъ тому, какое будетъ защищать. Приведенныя слова нашего оратора имѣютъ параллель у Карамзина:

Мелодоръ. Любезный другъ, на что мы трудимся, учимся, читаемъ, пишемъ, споримъ—и Богъ знаетъ, чего не дѣлаемъ,—когда не умѣемъ найти благополучія въ жизни? Я представляю себѣ здѣшній свѣтъ великолѣпнымъ храмомъ; вездѣ сіяетъ надпись: *Щастіе!* Вхожу во внутренность: гремятъ хоры—*Щастію!* Вижу безчисленное множество людей: спѣшаютъ, тѣсняются, простираютъ руки—ко *Щастію*, единственному божеству храма; но божество... невидимо! Молятся съ усердіемъ, зовутъ его: оно не является! Герой манитъ его къ себѣ окровавленнымъ мечемъ, любовникъ—миртовой вѣтвью, роскошный—блескомъ сокровищъ своихъ: оно не является! Здѣсь проливаютъ слезы, тамъ другихъ заставляютъ плакать—все для щастія; но оно глухо, слѣпо—не слушаетъ моленій, не смотритъ на жертвы—и вѣчно, вѣчно невидимо!.. Все велитъ мнѣ разстаться съ прелестною надеждою... ¹⁾.

Филалеть-Карамзинъ защищаетъ мнѣніе противоположное.

Жуковский также энергично заявляетъ о своемъ несогласіи съ изложенными имъ пессимистическими взглядами: „Нѣтъ! Нѣтъ! Кто дерзаетъ укорять Его? Гдѣ гордый недовѣряющій умъ, который осмѣлится стать на ряду съ Творцомъ своимъ и судить Его? Человѣкъ, если ты несчастливъ, обвиняй самого себя: вѣчное Провидѣніе премудро—тебѣ ли испытывать Его законы? Перстъ Его указалъ тебѣ твое мѣсто,—страшись его оставить: бездна разверзнется передъ тобою, и ты погибнешь“.

„Гдѣ ты ищешь счастія? Въ наслажденіяхъ ненарушимыхъ, не-

¹⁾ Разговоръ о Щастіи, loco cit., 142—143.

измѣняемыхъ. Безумецъ! перемѣни прежде вѣчный порядокъ природы, ибо тогда только исполнятся дерзостныя твои желанія; ты хочешь уничтожить горести, но счастье безъ нихъ не существуетъ, иначе не было бы то счастьемъ, такъ какъ свѣтъ не былъ бы свѣтомъ безъ тѣни, не чувствовалъ бы ты всей цѣны его, потому что оно престоало бы воспламенять твои желанія. Эта мечта твоего воображенія, мечта привлекательная, которая оттого единственно кажется для тебя столь прелестна, что невозможна!—откажись отъ нея, и ты будешь счастливѣе потому, что не станешь стремиться къ такому счастью, которое для тебя не существуетъ“.

И здѣсь нашъ ораторъ воспроизводитъ мысли, высказанныя Карамзинымъ:

Филалетъ. Если мы разумѣемъ подъ счастьемъ такое состояніе души, въ которомъ бы она могла безпрестанно наслаждаться живыми удовольствіями..., то оно невозможно, по образованію души нашей. Напрасно человѣкъ думаетъ найти его въ исполненіи всѣхъ желаній: одно рождаетъ другое, и цѣпь безконечна. Но положимъ и то, что бы всѣ они исполнились... онъ дошелъ до послѣдней границы возможностей, осыпанъ всѣми дарами природы и фортуны, всѣ нервы его трепещутъ въ живѣйшемъ восторгѣ... Но что же? Восторгу его, по свойству, образованію души человѣческой, минута отъ минуты должно *ослабѣвать*... каждое мгновеніе умираетъ, такъ сказать, его счастье... Но если счастье состоитъ въ томъ, чтобы находить въ жизни многія истинныя пріятности, не скучать ею, не роптать на судьбу, быть довольнымъ: то оно возможно и дано человѣку... *Натура даетъ намъ силы для того, чтобы ими дѣйствовать... Трудись, живи и наслаждайся* есть ея предписаніе... Работа есть соль удовольствій, и безъ будней нѣтъ праздника... 1).

Развивая и видоизмѣняя эту послѣднюю мысль о необходимомъ чередованіи будней и праздниковъ, возводя въ законъ природы переходъ отъ удовольствія къ неудовольствію и обратно, чѣмъ устраняется монотонность жизни и достигается „счастливое равновѣсіе“, по выраженію Карамзина 2), повторяя мысль послѣдняго, что „въ самомъ несчастіи можно найти нѣкоторое услажденіе“ 3), и дополняя ее мыслью противоположною, Жуковскій устанавливаетъ, вслѣдъ за

1) Разговоръ о счастьи, 145, 147, 166—167.

2) Тамъ же, 158.

3) Тамъ же, 162.

Карамзинымъ ¹⁾, что счастье заключается въ разумномъ подчиненіи мудрымъ законамъ природы:

„Наша жизнь есть чаша, изъ которой мы пьемъ радости вмѣстѣ съ горестями,—неразлучно съ ними въ этомъ мірѣ мы должны испытывать безконечныя превратности, должны безпрестанно переходить отъ счастья къ несчастію, отъ наслажденій къ печалямъ—это постоянный законъ природы, съ нимъ получили мы бытіе, безъ него наша жизнь была бы жестока и единообразна, подобно пространной степи, въ которой взоръ утомленнаго странника не видитъ ничего, кромѣ ровной, гладкой поверхности, съ которою сливается унылое небо ²⁾,—въ семь отдаленіи на вѣсахъ жребія тяжесть счастья равна тяжести бѣдствій,—эти двѣ стихіи, которыя такъ смѣшаны между собою, что мы никакъ не можемъ раздѣлить ихъ,—на самомъ краю бѣдъ есть для насъ наслажденія, такъ какъ и въ величайшемъ блаженствѣ существуетъ для насъ горестъ. Какое же изъ сего выведемъ заключеніе? Неужели то, что человѣкъ долженъ слѣпо предаться грозному потоку, который увлечетъ его и наконецъ разрушить составъ его? Неужели онъ долженъ, подобно беззащитной жертвѣ, склонить голову передъ самовластнымъ, безропотно выносить поражающіе его удары и быть отоматомъ, который дѣйствуетъ только чужою волею? Нѣтъ, конечно! Мы имѣемъ неограниченную волю дѣйствовать и такъ счастливы, сколько можемъ. Не станемъ преступать чреды, наложенной намъ самой природой, откажемся отъ сего химерическаго счастья, которое рождено только нашимъ воображеніемъ и которое только въ немъ существуетъ“.

Ораторъ приступаетъ къ выясненію собственнаго идеала счастья; онъ требуетъ трехъ условій: свободы, дружбы, любви ³⁾. Подъ сво-

¹⁾ Срв. тамъ же, 170.

²⁾ Повидимому, подобныя мысли не впервые высказываетъ здѣсь Жуковский; Мерзляковъ въ своемъ письмѣ къ нему (отъ 7-го сентября 1800 года), между прочимъ, напоминаетъ ему: „Вспомни свои наставительныя слова: что бы была твоя жизнь безъ этого непостоянства, безъ этой безумной пылкости, безъ этой вѣтренности? *Степью, въ коей глаза наши ничего не видятъ, ничего не встрѣчаютъ, кромѣ неба отдаленнаго, безмолвнаго, которое сливается съ горизонтомъ*“... (Русс. Старина 1904 г., май, стр. 446).

³⁾ Съ такими идеями Жуковский встрѣчался на страницахъ Карамзинскаго „Московскаго Журнала“; здѣсь (ч. VIII, М. 1792, стр. 296—308) напечатана была (анонимно) ода гр. Капниста „На счастье“, гдѣ между прочимъ читаемъ:

О счастье!...

Приди, повѣдай, гдѣ твой кровъ?

бодю Жуковскій разумѣть, главнымъ образомъ, внутреннюю независимость, свободу моральную, подчиняющуюся, разумѣтся, законамъ разума и добра. Въ честь друзей, дружбы и любви онъ слагаетъ цѣлый гимнъ:

Скажи намъ, гдѣ ты обитаешь?...
Когда жъ своею въ свѣтѣ частью
Никто не удовлетворенъ,
Такъ неужель намъ путь ко счастью
Стѣною вѣчной прегражденъ?
На то ль отъ Бога жизнь пріяли,
Чтобъ жертвой будучи печали,
Кляли мы жизни каждый часъ?
Никакъ!—Источникъ совершенства,
Богъ сотворилъ насъ для блаженства,
Блаженство сотворилъ для насъ.
Виновны мы, что льстимся мечтами
И блескомъ призраковъ пустыхъ,
Живущее блаженство съ нами
Стяжать нещумемъ отъ другихъ;
Что вѣчно токмо въ чуждой долѣ,
То въ хижинѣ, то на престолѣ
Обрѣсти надѣемся покой;
И ослѣпленные пристрастьемъ
Весь вѣкъ свой гонимся за щастьемъ,
Нося его всегда съ собой.
Познай, о человѣкъ! сколь смежно
Съ тобою благъ струя течеть,
И какъ сама десницей нѣжной
Своихъ питомцевъ къ ней ведетъ
Премудра, щедрая Природа;—
Что совѣсть чистая. *свобода*,
Здоровье и насущный хлѣбъ
Довлѣютъ къ твоему покою—
Будь съ ними щастливъ самъ собою,
И дарь благослови Судебъ!
А если Богъ, чтобъ безмятежну
Украсть жизнь вѣнцемъ оградъ,
Пошлетъ тебѣ *супругу нѣжну*,
Правдива друга, добрыхъ чадъ,
О щастливъ, щастливъ ты неестно!—
Для чувствъ *любви* сердце тѣсно
Ты въ нѣдра *дружества* пролей;
И чуждъ мірскихъ суетъ, навѣтовъ,
Блаженствомъ сихъ драгихъ предметовъ
Удвой твоихъ блаженство дней...

„Я могу быть свободнымъ, я могу имѣть друга! Я могу любить! чего для меня больше? Свобода драгоценная принадлежность чело-вѣка—благодатный даръ неба, отличившаго его отъ прочихъ тва-рей! Человѣкъ можетъ быть свободнымъ, можетъ чувствовать, изби-рать наслажденія,—и ропщетъ, и почитаетъ себя невольникомъ, и обвиняетъ Небо тогда, когда одинъ виновникъ своихъ страданій! Безумный, не самъ ли онъ наложилъ на себя оковы, не самъ ли подвергъ себя обстоятельствамъ, которыя желѣзною рукою давятъ робкаго, который не можетъ преодолѣть ихъ, и уступаютъ муже-ственному, который побѣждаетъ? Я свободенъ — слѣдственно могу быть счастливъ, слѣдственно и мои несчастія отъ меня же происхо-дятъ. Кто препятствуетъ мнѣ сдѣлать себя независимымъ отъ лю-дей, среди которыхъ рождаются бѣды и горести? Кто препятствуетъ мнѣ, не отдѣляясь совершенно отъ міра, отдѣлать отъ него свое счастье, очертить около себя кругъ, на который бы житейскія бѣды преступить не дерзали? Мое счастье во мнѣ,—пускай оно во мнѣ и останется, и оно будетъ едино, несмотря на всѣ превратности, кото-рыя принужденъ буду я испытывать въ бурномъ океанѣ свѣта; го-рести челоуѣчества не пригнетутъ меня и не доведутъ меня до край-ности проклинать судьбу и себя самого; много радостей въ жизни, я могу ими наслаждаться, но не презираю ихъ, потому что въ во-ображеніи своемъ создалъ для себя химеру, которая не можетъ быть существовою, которая подобно ему исчезнетъ, обманетъ меня и оста-вить еще бѣднѣе, еще несчастливѣе прежняго“.

„Будемъ свободны, но не дерзнемъ злоупотреблять свободой своей, положимъ на нее узы мудрости и добродѣтели,—въ сихъ узахъ бу-демъ мы еще свободнѣе! Мудрость и добродѣтель освѣтятъ лучами своими мрачную дорогу жизни, и мы безвредно устранимся отъ про-пастей, которыя для непросвѣщеннаго и порочнаго всюду отверсты на сей опасной и трудной дорогѣ“.

„Но если бѣдствія шумящею грозною толпою устремятся ко мнѣ на срѣтеніе; если унылая, блѣдная горестъ будетъ бороться съ муд-ростью и добродѣтелью моею, если на то ослабѣваю и колеблюсь подъ ихъ ударами,—ахъ! тогда любовь, дружба поспѣшатъ ко мнѣ на помощь и спасутъ меня въ своихъ объятіяхъ. Они раздѣлятъ мои страданія, усладятъ засыхающую грудь мою,—и я въ бѣдствіяхъ, меня поражавшихъ, увижу только одни фантомы, которыхъ страш-ный образъ приводилъ меня въ трепетъ и ужасалъ мое вообра-женіе“.

„Друзья! ахъ, какое это сокровище, какое неоцѣненное приобрѣтеніе для души чувствительной! Кто назоветъ міръ сей лишеннымъ радости, кто увидитъ мрачную стезю въ цвѣтущей природѣ, если у него есть другъ, если есть сердце, которое можетъ раздѣлить пламенный восторгъ его? Пускай шумитъ надо мною гроза бѣдъ, я подамъ руку моему другу, прижму грудь свою къ пылающей его груди и не усташусь ни громовъ, ни бѣдствій... И что такое бѣдствія, когда я могу презирать ихъ? Никогда, никогда не растерзають они моего сердца, я мужественно противъ нихъ возстану и дерзостно попру ихъ ногою“.

„А любовь! любовь, святой небесный неугасимый пламень, грѣющій сердце и воспальющій духъ нашъ, готовый увянуть и погрузиться въ холодное, мрачное бездѣйствіе! Любовь есть одно изъ великихъ средствъ натуры, данныхъ человѣку для счастья, она слита нераздѣльно съ существомъ нашимъ, и бѣденъ тотъ, кто не любитъ и любить не способенъ,—большая часть наслажденій для него не существуетъ. Темное сердце его въ половину меньше чувствуетъ, въ половину меньше находитъ радостей въ этомъ мірѣ. Любовь жить душу и никогда ее не истощаетъ; скажите, друзья мои, что сравнится съ нею? кто блаженнѣе любовниковъ, соединенныхъ узами сердца, которые забываютъ міръ и находятъ его только въ самихъ себѣ? Какія моря, какія горы могутъ разлучить ихъ? Печать радости на печатлѣна для нихъ на самыхъ голыхъ утесахъ; въ грозныхъ буряхъ раздается для нихъ сладкая гармонія любви. И въ самыхъ дикихъ степяхъ малое плѣняющее воспоминаніе наполняетъ восторгомъ сердца ихъ и оживляетъ пустоту и дикость, вокругъ ихъ царствующую! Друзья мои, свобода, любовь, дружба—вотъ законы счастья“ ¹⁾.

И ораторъ призываетъ друзей пользоваться дружбой и любовью, пока молодость еще не прошла, пока лѣта не охладили чувствъ:

„Юныя младенческія лѣта наши улетѣли! Гдѣ они? Остались

¹⁾ На той же самой точкѣ зрѣнія стоялъ авторъ ст. „Къ счастью“ (Пр. и пол. препров. времени, IX, 46):

„Прочь, льстивая Сирена! возьми назадъ свои приманки, свои прелести, свои ласки, и отдай мнѣ мою *вольность!*“

„На этомъ холмѣ, доволенъ немногими *друзьями*, которыхъ ты у меня отнять не успѣла, я хочу жить съ одною только природою“.

„Окруженный невинными ея удовольствіями, я хочу жить для себя, для Музы и для *моей любезной!*“...

только сладостныя воспоминанія, осталось одно тщетное, горестное сожалѣніе! Но мы еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ, наша весна во всемъ еще пышномъ блескѣ своемъ; наши сердца еще пламенны, еще не охладѣли къ ощущенію истинныхъ, чистыхъ радостей; мы можемъ еще пользоваться жизнію, которая уже расцвѣла для насъ! Не будемъ терять времени—положимъ основаніе будущему своему счастью и укрѣпимся мужествомъ и силою противъ бѣдъ, которыя, можетъ быть, скоро на насъ обрушатся.—Пролетитъ сіе время, невозвратимое, драгоценное; пролетитъ какъ легкій быстрый сонъ, и мы пробудимся и, можетъ быть, пожалѣемъ о милыхъ мечтахъ своихъ! Ахъ, гдѣ будемъ тогда искать утѣшенія, когда огонь эфирный, огонь чувствъ погаснетъ въ утомленной груди нашей! Напрасно будемъ мы простираť объятія къ прошедшему—его не возвратимъ никогда, никогда! Наступитъ время зимы нашей, лдяная рука лѣтъ сожметъ пламенное наше сердце, и міръ, въ которомъ теперь находимъ мы столь наслажденій, покроется для насъ туманнымъ покровомъ, обнажится, и унылая душа наша не найдетъ въ немъ никакой для себя пищи. Тогда мысль ужасная, горестная о скоромъ разрушеніи заступитъ мѣсто привлекательныхъ мечтаній, въ цвѣтущей природѣ увидитъ взоръ нашъ зіяющую могилу“.

„Друзья мои, друзья мои! все проходитъ, все скоро, быстро проходитъ! но сіи быстрыя минуты могутъ быть для насъ счастливы. Этотъ міръ, на которомъ жизнь наша мелькнетъ подобно тѣни, можетъ быть для насъ чертогомъ наслажденій—поклонимся на жертвенникѣ любви любить пламенно и страстно, *подадимъ другъ другу руку, и пусть вихрь времени влечетъ насъ, куда хочетъ*“.

Къ послѣднимъ словамъ Жуковскій самъ дѣлаетъ подстрочное примѣчаніе: „*Подадимъ другъ другу руку* и пр. изъ Писемъ русскаго Путешественника“; и дѣйствительно, это—приспособленіе фразы Карамзина ¹⁾).

Подведемъ итоги нашему изученію рѣчей, произносившихся въ за-сѣданіяхъ Дружескаго Литературнаго Общества 1801 года.

Темы рѣчей, служившихъ исходными пунктами преній въ собраніяхъ Общества, отличались серьезностью и большимъ разнообразіемъ; разбирались вопросы литературные, морально-философскіе, психоло-

¹⁾ Изъ письма изъ Женевы, отъ 1-го декабря 1789 г.: „Друзья мои! дайте мнѣ руку, и пусть вихрь времени мчитъ насъ, куда хочетъ!“

гическіе, религіозныя, патріотическіе, гражданскіе, историческіе, вопросы умственного развитія, выработки характера, человѣческихъ отношеній, эстетическаго вкуса.

Наибольшую активность, наиболѣе интенсивную энергію проявляли Андрей Тургеневъ и Мерзляковъ, шедшіе во главѣ кружка друзей. Самый изъ нихъ талантливый, наиболѣе жизнерадостный, наиболѣе литературно-образованный, Андрей Тургеневъ „мечется,—по выраженію академика В. М. Истрина,—ища новыхъ путей для литературы“; самъ большой энтузіастъ, онъ стремится сообщить такое же настроеніе и окружающимъ. Литературно-критическіе интересы онъ выдвигаетъ на первый планъ, въ рѣчахъ своихъ обнаруживаетъ здоровый литературный вкусъ, большую литературно-критическую смѣлость, вдумчивость, проницательность и наблюдательность. Подъ вліяніемъ нравственной атмосферы, окружавшей его въ родномъ домѣ, Андрей Тургеневъ сюжетами, достойными истиннаго поэта, считаетъ такіе предметы, какъ „Богъ, природа, добродѣтели, пороки, однимъ словомъ моральная натура человѣка со всѣми безконечными ея оттѣнками“; онъ произноситъ слово осужденія писателю, если послѣдній опускается до лести, воскуряетъ еиміамъ сильнѣмъ міра, пишетъ дифирамбъ, имѣя въ виду возможную награду,—и не смущается обратить такого рода упрекъ къ самымъ препрославленнымъ стихотворцамъ того времени. Отъ литературы Андрей Тургеневъ требовалъ самобытности, оригинальности, народности; онъ отказывается признать русскую тогдашнюю нашу подражательную литературу, отрицательно относится къ тогдашнему сентиментальному теченію съ Карамзинымъ во главѣ.

Мерзлякова также мучилъ тогда трудный вопросъ о подражаніи въ литературѣ, о выработкѣ самобытности и естественности, объ органическомъ претвореніи чужого, которое оказывалось необходимымъ заимствовать, въ свое.

Въ этихъ и подобныхъ мысляхъ Андрея Тургенева и Мерзлякова должно усматривать импульсъ, въ силу котораго Жуковский, хотя по особенностямъ своего дарованія и не могъ еще сдѣлаться всецѣло самобытнымъ поэтомъ (да и общія условія тогдашней литературы и жизни не допускали этого), тѣмъ не менѣе мало-по-малу, но безповоротно направляется отъ сентиментальной реторики Карамзина и его слѣпыхъ подражателей въ сторону искренности, естественности, стремится превращать *чужое въ свое*.

Главной бесѣды по вопросамъ отвлеченной и практической морали, частной и общественной, былъ Мерзляковъ, который съ самаго же

начала намѣтили рядъ темъ; нѣкоторыя изъ этихъ темъ и получили дальнѣйшую разработку въ отдѣльныхъ рѣчахъ другихъ членовъ Общества,—таковы темы: о героизмѣ (рѣчь Воейкова), о порокахъ и добродѣтели (М. Кайсарова), объ образованіи нравственнаго характера (Александра Тургенева), о славѣ (А. Кайсарова), о дружбѣ (Жуковского) и др.

По содержанію нерѣдко рѣчи членовъ Дружескаго Литературнаго Общества примыкали къ цѣлому циклу печатныхъ произведеній въ стихахъ и прозѣ на тѣ же темы, которыя, очевидно, привлекали къ себѣ въ то время значительный интересъ и вниманіе; эти печатныя произведенія—являвшіяся на страницахъ журналовъ, сборниковъ или отдѣльными изданіями,—естественно, оказывали въ извѣстныхъ случаяхъ вліяніе на молодыхъ членовъ Дружескаго Литературнаго Общества, внушая имъ тѣ или иныя идеи, точки зрѣнія.

Такую связь съ современною литературой приходится констатировать особенно въ рѣчахъ Жуковского.

Жуковскому принадлежатъ три рѣчи (тексты которыхъ и воспроизводится въ ХХІХ главѣ цѣликомъ); онѣ представляютъ весьма значительный интересъ въ качествѣ матеріала для опредѣленія міросозерцанія и настроеній нашего поэта въ первое время по выходѣ его изъ Университетскаго Благороднаго Пансіона.

Жажда дружбы и любви—яркая черта психики Жуковского; культъ дружбы получаетъ въ немъ теоретика и горячаго пропагандиста; вопросъ о дружбѣ онъ беретъ темой первой своей рѣчи, примыкая къ цѣлому ряду появившихся въ печати статей и стихотвореній, трактовавшихъ тотъ же предметъ съ различныхъ сторонъ. У Жуковского наблюдаются точки соприкосновенія съ „Разсужденіемъ о дружествѣ“ маркизы де-Ламбертъ, съ стихотвореніемъ „Любовь и дружба“, напечатаннымъ въ Аонидахъ Карамзина, и со статьями Новиковскаго Покоящагося Трудолюбца,—которыя, повидимому, и оказали на Жуковского извѣстное вліяніе при составленіи имъ своей рѣчи.

Вторая рѣчь Жуковского имѣла темой вопросъ о страстяхъ—вопросъ, по которому также существовала тогда уже цѣлая литература и который и ранѣе привлекалъ къ себѣ вниманіе Жуковского. Въ этой рѣчи нашъ поэтъ оказался подъ вліяніемъ „Разговора о счастіи“ Карамзина и „Опыта о чловѣкѣ“ Попа.

Тема третьей рѣчи Жуковского—о счастіи—одна изъ самыхъ популярныхъ въ нашей тогдашней литературѣ, переводной и оригинальной, и одна изъ излюбленныхъ темъ руководителя направленія Уни-

верситетскаго Благороднаго Пансіона, А. А. Прокоповича-Антонскаго. Рѣчь эта—своего рода profession de foi Жуковскаго; для счастья онъ считаетъ необходимыми четыре условія: добродѣтель, свободу, любовь и дружбу. При составленіи рѣчи на него оказали нѣкоторое вліяніе тотъ же „Разговоръ о счастьи“ Карамзина, напечатанная въ Карамзинскомъ же Московскомъ Журналѣ ода Капниста „На счастье“ и отчасти нѣкоторыя другія произведенія, касавшіяся той же темы.

При обсужденіи темъ, затрогивавшихся въ Дружескомъ Литературномъ Обществѣ, возникали оживленныя пренія, горячіе споры; судя по содержанію рѣчей, члены Общества искренно высказывали самыя завѣтныя свои идеи, спорили по самымъ существеннымъ вопросамъ и интересамъ жизни и тогдашней литературы.

Такимъ образомъ, хотя Дружеское Литературное Общество, какъ опредѣленная организація, руководящаяся опредѣленнымъ уставомъ, было очень недолговѣчно—не просуществовало и полугода,—тѣмъ не менѣе, такъ какъ въ теченіе этихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ молодые члены его предавались совмѣстной интенсивной умственной работѣ (письменное изложеніе своихъ идей, думъ и чувствъ, устное ихъ разсмотрѣніе, критика, защита и оправданіе, жаркія пренія по серьезнѣйшимъ вопросамъ), то Общество своими еженедѣльными засѣданіями не могло не оказать значительнаго вліянія на умственное и нравственное развитіе друзей,—о чемъ и сохранились свидѣтельства нѣкоторыхъ изъ нихъ.

XXX.

Въ Геттингенскомъ дневникѣ Ал. Ив. Тургенева подъ 18-мъ февраля (2-го марта) 1803 года читаются слѣдующія строки: „Пересматривалъ всѣ бумаги, Жуковскаго тѣсно къ Нинѣ. Какое время напомнили мнѣ всѣ эти предметы?—самое блаженное. Какими чувствами наполненъ я?—самыми горькими... ахъ нѣтъ, —самыми утѣшительными. Нѣтъ, я до тѣхъ поръ не буду совершенно несчастливъ, пока буду имѣть всѣ эти вещи и пока буду чувствовать цѣну ихъ... И когда грусть овладѣетъ мною, я взгляну на нихъ, и они напомнятъ мнѣ, напомнятъ, что и я былъ щастливъ“¹⁾.

Что это за пѣсня Жуковскаго къ Нинѣ?

Акад. В. М. Истринъ²⁾ высказалъ вполне приемлемое предполо-

¹⁾ Архивъ бр. Тургеневыхъ, II, стр. 195.

²⁾ См. Стихотвореніе Жуковскаго „Къ Нинѣ“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1911 г., № 4, стр. 223 и слѣд.) и Архивъ бр. Тургеневыхъ, II, примѣч., стр. 489.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	1
Введеніе	3
„Вадимъ Новгородскій“ Жуковскаго и псевдо-историческія повѣсти конца XVIII—нач. XIX вв. . .	9

XX. Обработка историческихъ сюжетовъ въ формѣ повѣстей на Западѣ и у насъ (9 — 12). — „Брега Альты“, Нарѣзнаго (12—17); „Освобожденная Москва“, его же (17 — 22); „Свѣтославъ“, Воейкова (22—28); „Свѣтлана и Мстилавъ“, Востокова (28—33).

XXI. Фантастическая славяно-русская миеология и ея создатели: М. Д. Чулковъ и М. В. Поповъ (34—37), Гр. Глинка (37—39), А. С. Кайсаровъ (39—41).—Имена славянской миеологии въ сочиненіяхъ Хераскова, Радищевыхъ, Востокова и др. (34, 42—43).

XXII. Псевдо-историческія повѣсти: „Черна, княжна Черниговская“, Евг. Люценко (43 — 46); „Громобой“, Каменева (47—50); „Рогвольдъ“, Нарѣзнаго (51); „Славенскіе вечера“, его же (51); „Ольга на гробницѣ Игоревой“ (51—56); „Ольга“ (56—60); „Игорь, великій князь сѣвера“ (60); „Рогнѣда, или разореніе Полоцка“ (60 — 67); „Оскольдъ“, Муравьева (67—72); „Предслава и Добрыня“, Батюшкова (72—76).

XXIII. Историческія повѣсти другого стиля: „Наталя бодрская дочь“, Карамзина (76 — 77); „Марѣя Посадница“, его же (77—78); „Рюрикъ“, А. М—скаго (78—85); „Ксенія княжна Галицкая“ (85—86); повѣсти С. Н. Глинки (86).

XXIV. „Вадимъ Новгородскій“, Жуковскаго; отзвуки вліяній на него Флоріана („Вильгельмъ Тель“), поэмъ Оссиана, славянорусской миеологии (86 — 103). — Итоги (103 — 105).

XXV. Предисловіе „Вадима Новгородскаго“ (105—118, 494—496).

Дружеское Литературное Общество. 118

XXVI. Архивные материалы для истории Общества (119).— Рѣчи членовъ Общества по рукописи Императорской Академіи Наукъ, № 618: рѣчи Мерзлякова (119—136).

XXVII. Рѣчи Андрея Тургенева (136—150); „О поэзии и о злоупотребленіи оной“ (138—144); „О русской литературѣ“ (144—150).

XXVIII. Рѣчи Андрея Кайсарова (161—154); рѣчи Воейкова (154—158); рѣчи Михаила Кайсарова (158—163); рѣчи Александра Тургенева (163—165); рѣчи С. Родзянки (165—167).

XXIX. Рѣчи Жуковского: а) о дружбѣ (167—180); вопросъ о дружбѣ въ русской литературѣ конца XVIII—нач. XIX вв. (167—169); б) рѣчь „о страстяхъ“ (180—187); тема о страстяхъ въ литературѣ (180—183); влияние Карамзина и Попа на рѣчь Жуковского (183—186); в) рѣчь „о счастіи“ (187—197); тема о счастіи въ русской литературѣ конца XVIII в. (187—189); влияние Карамзина на Жуковского (190—193). Итоги (197—200).

Стихотвореніе Жуковского „Къ Нинѣ“ 200

XXX. Поводъ написанія стихотворенія „Къ Нинѣ“.— Варвара и Анна Соковнины.—Первоначальная редакція стихотворенія (200—206).

Жуковскій въ Мишенскомъ и Бѣлевѣ въ 1802—1807 гг. 207

XXXI. Возвращеніе Жуковского въ Мишенское (207).—Второй переводъ элегии „Сельское кладбище“ (207—210).—Стихотвореніе „Къ моей лирѣ“ (210—213).—Стихи на „Марьяну рошу“ (213—214).—Настроенія Жуковского этого времени (214—216).—Вліяніе Томсона (216—223); Томсонъ на русской почвѣ, переводы, подражанія (217—220); „Слова ораторіи Четыре времени года“, Жуковского (220); „Гимнъ Томпсоновъ“ (220—223).

XXXII. Статья Жуковского о „Путешествіи въ Малороссію“ кн. Шаликова (223—226).—„Письмо французскаго путешественника“, перев. Жуковского (226—227).—Участіе въ „Вѣстникѣ Европы“ (226, 228).—Замысль перевести книгу Жерро (228).

XXXIII. Настроеніе Жуковского въ началѣ 1804 года (229).—„Разговоръ А и Б.“ (229—232).—Ода „Къ поэзіи“ (232—240).

XXXIV. Поѣздка Жуковского въ Петербургъ (241).—Планъ путешествія за границу (242).—Самообразование: „Роспись лучшихъ книгъ“ (242—248); выписки, переводы и конспекты, литературные замыслы (248—299).—Изученіе

„Лицея“ Лагарпа (249). — „На что дѣлать примѣчанія въ Эшенбурговой теоріи“ (249—250). — Способъ чтенія Жуковскаго (250—251). — Тетради для выписокъ (250). — Перечень задуманныхъ переводовъ и подражаній (252—254). — „Что сочинить и перевести“ (254—257). — Реальные замыслы Жуковскаго лѣтомъ 1805 г. (257). — Прибытіе Е. А. Протасовой съ дочерью (258). — „Маша“ (258—260). — Жуковскій—учитель племянницъ (260—261). — Собственныя занятія Жуковскаго, чтеніе, переводы: Хр. Гарве (261—264); Энгель (265—266); „О успѣхахъ въ добродѣтели“ (267); Гуфландъ (267—268); Крузіусъ (268); „Лицей“ Лагарпа (268—272); Эшенбургъ, его поэтика (273—291) и „Handbuch der klassischen Literatur“ (292—297); Зулцеръ (298); Роленъ (298—299); „Энциклопедія“ (299).

XXXV. Замысль „Собранія русскихъ поэтовъ“ (300). — Четверостишіе „Дружба“ (300—302). — Интересъ къ Гольдсмиту и „Опустѣвшая деревня“ по рукописямъ Жуковскаго (302—316).

XXXVI. Жуковскій въ концѣ 1805—нач. 1806 г. (316—318). — Хронологическій перечень стихотвореній до 1808 г. (318—320). — Литературныя обработки исторіи Абеяра и Элоизы и „Посланіе Элоизы къ Абеяру“ Жуковскаго (320—331).

XXXVII. Жуковскій и Парни (331—348). — Поэзія Парни на русской почвѣ (332—342, 597); переводы изъ Парни Жуковскаго: VI элегія (343—346), „Разговоръ“ (346), „Эпименида“ (346—348). — Вліяніе Парни на стихотвореніе „Къ моей лирѣ“ (342—345) и Пѣсню „Когда я былъ любимъ“ (346).

XXXVIII. Жуковскій и Клопштокъ; „Отрывокъ изъ Мессиады“ (348—350). — Ранніе русскіе переводы изъ Шиллера (353) и обращеніе къ нему Жуковскаго (351—353). — „Ода Сафы къ Фаону“ и литературная исторія этой оды Саффо (354—361).

XXXIX. Элегія Жуковскаго „Вечеръ“ по рукописямъ Императорской Публичной Библиотеки (361—371).

XL. Стих. „Къ Эдвину“ (372). — Русскіе переводы изъ Делиля и „Отрывокъ изъ Делилева диоирамба на безсмертіе души“, Жуковскаго (372—378).

XLI. „Пѣснь Барда надъ гробомъ славянъ-побѣдителей“ (378—424): тема внушена И. И. Дмитріевымъ (379); военныя обстоятельства того времени (379—381); борьба съ Наполеономъ и ея отраженія въ русской литературѣ (381—389); подготовительныя работы Жуковскаго для „Пѣсни Барда“ (390—391); черновые наброски (391 и слѣд.); вліяніе Ломоносова и Державина (392—393); вліяніе Оссіана (393 и слѣд.); „хвала“, смѣняющая „печаль“ (396—397, 402, 411); классическія реминисценціи (399—400); отзвуки дѣйствительности

(400—401, 404—405, 412); наша батальная живопись въ стихахъ (Ломоносовъ, Петровъ, Державинъ, Дмитріевъ, Херасковъ) и вліаніе старой манеры письма на Жуковского (405 — 410); „философическія“ строки (411); скорбная дѣва (414); отзывки „славяно-русской“ мифологіи (415); реминисценція изъ Грека (416); картина Пруссіи, разгромленной Наполеономъ (417—419); патриотическій призывъ къ борьбѣ съ Наполеономъ (419 — 423); виньетка и музыка къ „Барду“ (597—598). Итоги анализа (423—424).

XLII. Жуковский-баснописецъ (424—471); взглядъ его на басню (424—425); Флоріанъ-баснописецъ (426 — 427); исторія текста басенъ Флоріана въ переводѣ Жуковского (427—444); исторія текста басенъ Лафонтена въ переводѣ Жуковского (444—470). Итоги (470—471).

XLIII. Переводы мелкихъ стихотвореній и ихъ оригиналы: Сонетъ „За нѣжный поцѣлуй“ (471 — 472); Эпитафія (472); эпиграммы (472—478); мадригаль (478); надпись „Стихи Ельмины“ (478); „Руше къ своей женѣ и дѣтямъ“ (478 — 479); „Плѣнать, а не любить“ (479); „Младенецъ“ (479); романсъ „Тоска по милому“ (480—481).

XLIV. Черновые наброски и отрывки: Переводныя идилліи на русской почвѣ, Гесснеръ и начатый Жуковскимъ переводъ идилліи Гесснера „Миртилъ“ (482 — 487); отрывокъ идилліи Жуковского о Титѣ добромъ человѣкѣ (488 — 490); Переводъ Жуковского изъ баллады Бюргера „Lenardo und Blandine“ (490 — 491); сказка „Соколъ“, Боккаччіо, Лафонтенъ, Гагедорнъ и Жуковский (491—495); „Вальзора“ (495—496); пѣсня „Поддай блистающій шеломъ“ (496 — 497); отрывокъ изъ трагедіи П. Корнеля „Sertorius“ (497—498).

XLV. Планъ описательной поэмы „Весна“ и ея намѣченные источники (С.-Ламберъ, Клейстъ, Томсонъ и др.); чувство природы; переводныя описательныя поэмы на русской почвѣ (498—513).

XLVI. Составлявшаяся Жуковскимъ переводная хрестоматія „Примѣры слога, выбранные изъ лучшихъ французскихъ прозаическихъ писателей“ и ея источники (513—561).

XLVII. Сочиненія Ж. Ж. Руссо и его вліаніе на русскую почвѣ (561 — 567); переводы Жуковского изъ Руссо (567): Разсужденіе о наукахъ и искусствахъ (568 — 570), Левитъ Ефраимскій (570—577), Письма къ Сарѣ (577—583), Письма къ Дидро (584—585), Письма къ Верну (585—586).

XLVIII. Итоги изученія писательской дѣятельности Жуковского 1802—1807 гг. (586—593).

Дополненія и поправки	594
Указатель	599